

КУЛЬТУРА
И
ТЕКСТ

КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

**№ 4 (22)
2015**

**Тематический выпуск, посвященный
М.Е. Салтыкову-Щедрину
(Щедринский сборник. Выпуск 4)**

БАРНАУЛ

КУЛЬТУРА И ТЕКСТ
№ 4(22) 2015

Редакционная коллегия

Главный редактор –

Козубовская Галина Петровна,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные редакторы по разделам

Лингвистика – **Бринев Константин Иванович**

Литературоведение – **Козубовская Галина Петровна**

Культурология – **Ан Светлана Андреевна**

Редакционная коллегия

Бутакова Л.О. (д-р филологических наук, ОмГУ, Омск), Габдуллина В.И. (д-р филологических наук, АлтГПУ, Барнаул), Голев Н.Д. (д-р филологических наук, КемГУ, Кемерово), Голубков С.А. (д-р филологических наук, СамГУ, Самара), Гончарова О.М. (д-р филологических наук, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург), Гончаров С.А. (д-р филологических наук, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург), Гребнева М.П. (д-р филологических наук, АлтГУ, Барнаул), Дубровская Т.В. (д-р филологических наук, ПГУ, Пенза), Колесов И.Ю. (д-р филологических наук, АлтГПУ, Барнаул), Лебедева Н.Б. (д-р филологических наук, КемГУ, Кемерово), Мирошникова О.В. (д-р филологических наук, ОмГПУ, Омск), Орлицкий Ю.Б. (д-р филологических наук, РГГУ, Москва), Рогачева Н.А. (д-р филологических наук, ТюмГУ, Тюмень), Семькина Р.Н. (д-р филологических наук, ААЭП, Барнаул), Скотов Н.Н. (д-р филологических наук, член-корр. РАН, ИРЛИ, Санкт-Петербург), Строганов М.В. (д-р филологических наук, Москва), Строганова Е.Н. (д-р филологических наук, Москва), Фарыно Ежи (д-р филологических наук, Варшава, Польша), Худенко Е.А. (д-р филологических наук, АлтГПУ, Барнаул), Яковлева Е.А. (д-р филологических наук, БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа)

Учредитель: ГОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 54625 от 01.07. 2013 г.

Адрес редакции: 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. Тел. 8 (3852) 62-35-57. Адрес электронной почты: galina_mifo@mail.ru

Настоящий номер сетевого научного журнала «Культура и текст» – тематический: в него вошли материалы, посвященные М.Е. Салтыкову-Щедрину.

ЩЕДРИНСКИЙ СБОРНИК. Вып. 4. Статьи. Публикации. Материалы энциклопедии (Редактор-составитель Е.Н. Строганова).

Настоящее издание продолжает серию изданий, выходявших в Твери, начиная с 2001 года, под общим названием «Щедринский сборник» (Щедринский сборник: Статьи. Публикации. Библиография / Науч. ред. Е.Н. Строганова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001; Щедринский сборник. Вып. 2 / Науч. ред. Е.Н. Строганова. – Тверь: Золотая буква, 2003; Щедринский сборник. Вып. 3 / Науч. ред. Е.Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис, 2009)¹.

Четвертый выпуск включает статьи, посвященные разным аспектам творческой деятельности М.Е. Салтыкова-Щедрина. Публикуются материалы об окружении писателя (о ближайшем друге Салтыкова А.М. Унковском и об одном из его журнальных сотрудников – Н.К. Михайловском), полная подборка стихотворных откликов на смерть писателя. В последнем разделе представлены материалы исследовательского проекта по созданию энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники».

Исследование выполнено в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» (№ 15-04-00389).

¹ Предшествующие издания: Сатира М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1826–1976. Межвуз. тематич. сб. / Отв. ред. Г.Н. Ишук. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977; «Шестидесятые годы» в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина / Отв. ред. Г.Н. Ишук. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985; Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Прозоров. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. М.Е. Салтыков-Щедрин. Проблемы мировоззрения, творчества, языка. Материалы конференции / Отв. ред. Р.Д. Кузнецова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991; М.Е. Салтыков-Щедрин. Тверские страницы жизни / Отв. ред. Е.Н. Строганова. Тверь: Твер. гос. ун-т. 1996; М.Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий. Материалы науч. конференции / Ред. Р.Д. Кузнецова, Е.Н. Строганова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996.

Выражаем благодарность О.А. Культепиной, взявшей на себя переводческую работу.

Во всех статьях и публикациях тексты Салтыкова цитируются по изданию: Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Художественная литература, 1965–1977 – с указанием тома и страницы в круглых скобках.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Ауэр А.П.	
К вопросу об эволюции поэтики М.Е. Салтыкова-Щедрина	9
Строганова Е.Н.	
М.Е. Салтыков-Щедрин и античная литература	14
Бузько Е.А.	
Славянофильство в оценке М.Е. Салтыкова	25
Строганов М.В.	
Народная песня, И.В. Павлов и повесть М.Е. Салтыкова «Жених»	45
Шаврыгин С.М.	
«Река» в структуре «нового языка» литературы М.Е. Салтыкова-Щедрина	77
Головина Т.Н.	
Глуховское любоначалие и начальстволюбие в библейском контексте	88
Зимина О.Г.	
Из истории тверского музея М.Е. Салтыкова-Щедрина	111

ПУБЛИКАЦИИ

Письма А.М. Унковского к А.К. Жизневскому (По материалам Государственного архива Тверской области). Публикация, вступительная заметка и примечания Е.Н. Строгановой	119
Инскрипты из библиотеки Н.К. Михайловского. Публикация, вступительная заметка и примечания А.В. Вострикова	133
Стихотворные отклики современников на смерть М.Е. Салтыкова. Составление, вступительная заметка Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова. Подготовка текстов Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова,	

**М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ
МАТЕРИАЛЫ ЭНЦИКЛОПЕДИИ**

Необходимые пояснения	204
Абделькадер	
<i>Г.В. Маркелова</i>	206
Абдурахман-автобачи	
<i>Г.В. Маркелова</i>	207
Авсеенко Василий Григорьевич	
<i>Г.В. Маркелова</i>	209
Агренов Дмитрий Александрович	
<i>М.В. Строганов</i>	210
Араби-паша	
<i>Г.В. Маркелова</i>	211
Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович	
<i>В.Е. Добровольская</i>	213
Бакунин Александр Павлович	
<i>Г.В. Маркелова</i>	214
Бернар Сара	
<i>Г.В. Маркелова</i>	215
Верещагин Николай Васильевич	
<i>Г.В. Маркелова, И.Н. Поведская</i>	217
Гурко Иосиф Владимирович	
<i>И.Н. Поведская</i>	219
Дараган Анна Михайловна	
<i>А.В. Белова</i>	221
Дмитриева Валентина Иововна	
<i>Е.Н. Строганова, А.С. Демидова</i>	223
Лафайет Мари-Жозеф	
<i>И.В. Кабанова</i>	225
Оболенский Леонид Егорович	
<i>И.А. Книгин</i>	226
Парфений, инок	
<i>Е.А. Бузько</i>	229

Плетнев Петр Александрович	
<i>М.В. Строганов</i>	232
Реуф-паша	
<i>Г.В. Маркелова</i>	233
Ржевская Наталья Сергеевна	
<i>Е.Н. Строганова</i>	234
Ржевский Дмитрий Семенович	
<i>Е.Н. Строганова</i>	235
Скотт Вальтер	
<i>И.В. Кабанова</i>	237
Филиппов Тертый Иванович	
<i>М.В. Строганов</i>	239
Хвоцинская Надежда Дмитриевна	
<i>Е.Н. Строганова</i>	241
Шир-Али хан	
<i>А.А. Немировский</i>	246
Сведения об авторах	248

СТАТЬИ

А.П. Ауэр¹

*Московский государственный социально-гуманитарный
институт*

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОЭТИКИ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В статье рассматривается процесс эволюции поэтики М.Е. Салтыкова-Щедрина. Автор демонстрирует, как осуществлялся переход от лирики к обличительным повестям, авторскому циклу, сатирическому эпосу, роману-параболе, малым формам и прозе с элементами символистской поэтики.

Ключевые слова: поэтика, эволюционный динамизм, «эстетическое чувство», авторский цикл, эпический хронотоп, сатирический гротеск, роман-парабола, малая форма.

A.P. Auer

Moscow State Socio-Humanitarian University

EVOLUTION OF M. SALTYSKOV-SHCHEDRIN'S POETICS

The article is devoted to consequent analyses of structural changes in Saltykov-Shchedrin's poetics. The author demonstrates the process of transition from lyrics to denunciatory novels, authorial cycle, satirical epic literature, novel-parable, flash fiction and prose with the elements of symbolic poetics.

¹ Александр Петрович Ауэр, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы ГАОУ ВО «Московский государственный социально-гуманитарный институт», a.auer@yandex.ru.

Key words: poetics, evolutionary dynamism, “aesthetic sensibility”, authorial cycle, epic chronotope, satirical grotesque, novel-parable, minor forms, flash fiction.

Научное описание поэтики М.Е. Салтыкова-Щедрина к сегодняшнему дню уже приближается к своей вершине. К сожалению, в эту довольно радужную картину не вписывается вопрос об эволюции щедринской поэтики. Здесь научной вершины пока не видно, хотя давным-давно было обращено внимание на особый динамизм в творческом развитии Салтыкова.

Это было сделано еще в статье К.К. Арсеньева «Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова»: «В жизни знаменитых русских писателей – когда она не обрывается преждевременно какой-нибудь катастрофой – слишком часто наступает раннее утомление, оскудение творчества, падение или по крайней мере застой таланта. В литературной деятельности г. Салтыкова, продолжающейся уже тридцать пять лет, не заметно ничего подобного. Озираясь мысленно на длинный путь, пройденный сатириком, нельзя не заметить постепенного возрастания его сил, постепенного расширения его горизонта» [Арсеньев, 2013, с. 381]. Указывая на последовательное расширение горизонта, Арсеньев стремился особо выделить этот эволюционный динамизм щедринской поэтики. Конечно, в своем утверждении он не избежал некоторой идеализации, что исключило даже намёк на творческие кризисы, тормозившие этот процесс. Но в главном правота Арсеньева неоспорима: поэтика Салтыкова-Щедрина отличалась необычайным динамизмом.

Важно учесть, что этот динамизм проявился уже на первом этапе творческого развития писателя, когда происходил переход от лирических медитаций к первой обличительной повести «Противоречия» (стихотворение «Наш век» станет своеобразным катализатором в этом процессе). И тогда же появится авторское объяснение этого процесса в рецензии на книгу Карла Беккера «Рассказы детям из древнего мира». Причем само объяснение было представлено чуть ли не в форме литературного манифеста: «В особенности же для юношества полезно чтение Гомера, который представляет собою не только богатый источник для изучения древнегреческого мира, но полезен и в отношении к образованию в юноше эстетического чувства. В самом деле, нет более

просветляющего, очищающего душу, чувства, как то, которое ощущает человек при знакомстве с великим художественным произведением. Разумеется, осязательной, непосредственной пользы от этого знакомства не может быть, но и смешно было бы под словом «польза» разумеать исключительно один материальный, наглядный результат. Разве не великая для человека польза в том, что художественное произведение приводит его к сознанию собственных его сил, что оно вызывает их, возбуждает к деятельности и открывает ему новый, необъятный мир, который до того времени оставался незатронутым, незамеченным и ждал только первого толчка, чтоб выйти из косного своего состояния» [Арсеньев, 2013, с. 343]. Этот теоретический монолог дает, быть может, самое отчетливое представление о первопричине эволюционного динамизма в поэтике Салтыкова. Молодой писатель предельно ясно выразил то, что станет определяющим фактором во всем его дальнейшем творчестве: он должен создавать «великие» произведения, обладающие способностью не только покорять читателей, но и пробуждать в них стремление к самостоятельному художественному творчеству. Залог успеха на этом пути – постоянный поиск всех новых и новых художественных форм и подчинение этих форм своей творческой воле.

Именно это предопределило резкий переход от стихотворной формы к гротескному повествованию первых обличительных повестей («Противоречия», «Запутанное дело»). Произошел эволюционный скачок, вызванный прежде всего отчуждением начинающего писателя от всех форм стихотворной деятельности. Его художественное мышление отторгло эти формы. Уже в обличительных повестях можно найти признаки циклообразующего начала, вызванного все тем же стремлением пробудить в читателе «эстетическое чувство». Вместе с этим стремлением приходит к будущему писателю-сатирику убеждение в том, что наибольшей силой воздействия на читателя обладают тексты, собранные вместе под знаком художественного единства, что придает им дополнительную художественную энергию, которая порождает рецептивную поэтику.

Это убеждение предшествовало замыслу «Губернских очерков», с которыми связан важнейший период эволюционного развития поэтики Салтыкова. «Губернскими очерками» он включился

в общелитературный процесс формирования авторских циклов, которые по своей структурной сплоченности значительно превосходят все остальные разновидности циклов. Благодаря этой сплоченности в «Губернских очерках» возникли почти идеальные условия для рецептивной поэтики, где все направлено на пробуждение «эстетического чувства».

В дальнейшем творчестве Салтыков постоянно возвращался к авторским циклам, всегда стремясь создать идеальные условия для сплочения текстов. Именно это во многом предопределило структурную эволюцию щедринских циклов. После «Губернских очерков» все развивались в направлении все большей внутренней сплоченности, благодаря которой даже сюжетные антиномии нарушали художественного единства. В полной мере это воплотилось в итоговом цикле «Мелочи жизни».

Через авторские циклы проходит главная эволюционная магистраль в поэтике Салтыкова-Щедрина. Поэтому без их участия не обходится ни один эволюционный процесс. Укрепление позиций авторского цикла – после «Губернских очерков» это «Признаки времени», «Письма о провинции», «Помпадуры и помпадурши» – создает все условия для появления сатирического эпоса «История одного города». Художественное построение «Истории» осуществлялось через взаимодействие и взаимопроникновение эпического хронотопа и сатирического гротеска. В этом надо видеть еще один момент в эволюции щедринской поэтики – момент, полностью отразившийся в «Итогах», которые стали философским приложением к «Истории одного города».

Щедринский цикл не только не сдерживал другие эволюционные процессы, но даже стимулировал их. С циклом связан последующий этап эволюции, увенчавшийся появлением романа, жанровый образ которого зародился в «Благонамеренных речах». Цикл дал первотолчок для завершенного воплощения этого образа, но уже за пределами его художественного пространства. Результатом стал роман-парабола «Господа Головлевы», который во многом предопределил эволюцию поэтики Салтыкова-Щедрина во второй половине 1870-х годов.

Такая же закономерность связана и с «Недоконченными беседами», вышедшими отдельным изданием в 1885 году. Именно они

стимулировали эволюционный процесс, который привел к доминированию малых форм в щедринской поэтике. «Недоконченные беседы» устроены так, что малые жанры (фрагмент, литературно-критический этюд, небольшой рассказ) получили в цикле художественные возможности для дальнейшего развития на основе предельного сюжетного лаконизма. Впоследствии этот художественный принцип будет осуществлен в поэтике щедринских «сказок» и отчасти в «Пошехонская старине», которая образуется композиционным сочетанием рассказов и коротких повестей. Самостоятельная художественная жизнь малых форм в структурном пространстве больших форм – это и есть завершающая стадия эволюции щедринской поэтики.

Не случайно именно прозаической миниатюре суждено было получить такое значение в самом финале творческой жизни Салтыкова. Первая и единственная страница «Забытых слов» наводит на мысль, что это должен быть авторский цикл, сотканный из прозаических миниатюр с ярко выраженным музыкально-символическим началом. Написанный фрагмент «Забытых слов» дает понять, что здесь повествовательный рисунок подчинен символу. Это же позволяет осознать, что в «Забытых словах» начали обретать художественную силу элементы символистской поэтики. С появлением этих элементов завершился сложный процесс эволюции поэтики Салтыкова-Щедрина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсеньев, К.К. Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова / К.К. Арсеньев // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. Личность и творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Книга первая /Сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб.: РХГА, 2013. – 1008 с.

Е.Н. Строганова¹

*Государственная академия славянской культуры
(Москва)*

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА²

Обращение М.Е. Салтыкова-Щедрина к античной литературе до сих пор не становилось предметом научной рефлексии. Между тем в его текстах часто встречаются имена античных авторов и цитаты из их произведений. В античной литературе заключаются и истоки поэтики Салтыкова, что становится ясно с позиций бахтинской теории сатиры, которую ученый разрабатывал в связи с категорией «память жанра». В свете этого рассматривается роман «Современная идиллия», жанровые особенности которого соответствуют бахтинскому толкованию мениппеи.

Ключевые слова: античная литература, М.М. Бахтин, «память жанра», смех, «Современная идиллия», мениппея, истоки поэтики.

E.N. Stroganova

State Academy of Slavic Culture (Moscow)

M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN AND ANTIQUE LITERATURE

M.E. Saltykov-Shchedrin's making reference of antique authors in his prose has not yet attracted researchers' attention. Meanwhile, he frequently mentions antique authors and cites their works in his prose.

¹ Евгения Нахимовна Строганова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры (Москва), enstroganova@yandex.ru.

² В основу статьи положены материалы доклада «Щедрин сквозь призму Бахтина» (М.Е. Салтыков-Щедрин: русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 26–27 сентября 2014 г. – Ереван, Лингва, 2014).

Antique literature happens to be a source of Saltykov's poetics, which becomes obvious in the light of satire theory elaborated by M.M. Bakhtin in relation to the category of genre memory. In this perspective, the article views the novel "Modern Idill" ("Sovremennaya idilliya"), which generally agrees to Bakhtin's commentary on Menippean satire.

Key words: antique literature, M.M. Bakhtin, "the genre memory", laughter, "Modern Idill", Menippean satire, the source of the poetics.

Известно, что при жизни М.Е. Салтыков-Щедрин имел репутацию Ювенала¹. Однако исследователи его творчества не занимались вопросами обращения писателя к античной литературе, касаясь лишь упоминания о щедринской авторрепрезентации: «...я Езоп и воспитанник цензурного ведомства» (18-2, с. 208) и его характеристики собственной манеры как «езопова языка».

Но этого явно недостаточно, ибо в текстах писателя мы находим многочисленные отсылки к античным авторам. В Московском дворянском институте Салтыков основательно занимался латинской словесностью², в программу обучения в Царскосельском (Александровском) лицее также входила латинская словесность, читалась, хотя и на французском языке, история греческой литературы [Макашин, 1949, с. 110]. У Салтыкова имена античных писателей порой выступают в качестве иронического маркера образованности, как, например, в рассказе «Сила событий»: «Невозможно сказать уверительно, до какой степени основательны восторги публицистов, повествующих о немцах-пастухах, читающих в подлиннике Еврипида...» (7, с. 171). Имя писателя он может использовать и как нарицательное. Так, в рецензии на сборник стихотворений А.Н. Майкова, говоря о его сатирах, Салтыков именует поэта Ювеналом (7, с. 428). Примеры того и другого рода можно было бы отнести к разряду широко распространенных клише. Однако ими не

¹ По поводу обсуждения в Совете Главного управления по делам печати одного из «Пестрых писем» Салтыков писал В.М. Соболевскому 9 января 1885 г.: «Экстренно собирали совет, припомнили Персия и Ювенала, и нашли, что даже они такой смуты в общественное сознание не вносили, какую я вношу» (20, с. 121).

² При переводе Салтыкова в лицей наивысший балл – 11 – был по латинскому языку [Макашин, 1949, с. 100].

исчерпываются отсылки к античной литературе в текстах Салтыкова, где находим и множество цитат из античных авторов, и художественные приемы, свойственные античным текстам. О поэтике Салтыкова написано немало работ, но при обсуждении вопроса о литературных истоках его художественной манеры исследователи никогда не обращались в сторону античной литературы. Не учтены и важные, на наш взгляд, суждения М.М. Бахтина об античных истоках классической русской литературы.

В научном творчестве Бахтина, которое вдохновлялось мыслью о противостоянии тоталитаризму, одним из основных был вопрос о социально-эстетической природе и функции смеха. Это определило внимание ученого к народно-смеховой культуре и особенностям ее усвоения в литературе. Бахтин понимал смех как необходимое условие существования человека в мире: «Смех уничтожает страх и пиетет перед предметом, перед миром, делает его предметом фамиллярного контакта и этим подготавливает абсолютно свободное исследование его. Смех – существеннейший фактор в создании той предпосылки бесстрашия, без которой невозможно реалистическое постижение мира» [Бахтин, 1975, с. 466]. В разнообразных проявлениях народно-смехового начала Бахтин видел способ противостояния системе, возможность, пусть и временного, но освобождения.

К творчеству Салтыкова Бахтин не проявлял отдельного интереса, но в его статье о сатире¹ речь идет и об этом писателе. Хотя суждения ученого о сатире Щедрина не получили полного развития, но его замечания имеют принципиальный характер: «Универсализм, историчность, гротеск и фантастика, сказка, саморазоблачение действительности, сатирические диалоги достигают у Щедрина вершины своего развития» [Бахтин, 1996, с. 34]. Здесь названы признаки, которые Бахтин считал характерными для серьезно-смеховых жанров античности, и всё то, что он говорит об усвоении этих традиций литературой нового времени, в полной мере относится к

¹ Статья была написана в 1940 г. для «Литературной энциклопедии». Впервые опубликована: [Бахтин, 1996, с. 11-38].

Щедрина, «наследнику лучших традиций развития мировой сатиры» [Бахтин, 1996, с. 33].

Идейно-содержательную основу текстов Салтыкова Бахтин определял как мысль об умирании: «Современная действительность есть процесс смерти прошлого и рождение будущего <...> картина смерти и разложения экономического, социального и политического строя России <...> доминирует в творчестве Щедрина» [Бахтин, 1996, с. 34]. Это совершенно справедливо, если вспомнить такие ярко-сатирические произведения Салтыкова, как «Помпадуры и помпадурши», «История одного города», «Дневник провинциала в Петербурге» и др., где показано, как «поток жизни как бы прекращает свое естественное течение и образует водоворот, который кружится на одном месте...» (8, с. 370). Справедливо это и по отношению к «серьезной сатире» – роману «Господа Головлевы», «истории умертвий», имеющей не узко-социальный, но универсалистский смысл. Салтыков писал: «Я обратился к семье, к частной собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет» (19-1, с. 194). Вместе с тем заметим, что картины изжитости и смерти в творчестве писателя нередко сопряжены с мыслью о нарождении нового, зачатки которого он видел в отрицаемом и осмеиваемом настоящем. Это касается не только оптимистичного финала «Губернских очерков», о чем пишет Бахтин, но и более поздних, драматичных по своей сути произведений. В 1870-е гг. одной из сквозных у Салтыкова становится тема «детей», не принимающих правды «отцов». Наряду с «отживающим» человеком и в противовес ему появляется фигура сына, ищущего свой путь (рассказы «Непочтительный Коронат», «Чужую беду – руками разведу», «Больное место»). Такой герой остается на периферии повествования, но само его существование знаменует появление новой системы ценностей и надежду на обновление жизни. Отрицание и осмеяние устаревших представлений и форм жизни органически сочетается в творчестве Салтыкова с художественным обнаружением новых явлений. Подобное образное сопряжение мыслей о смерти и возрождении, по Бахтину, исторически восходит к традициям народно-смеховой культуры с ее и отрицающим и одновременно утверждающим смехом.

На основе архаических народно-смеховых форм вырастали серьезно-смеховые, «карнавализованные» жанры античной литературы (среди них Бахтин особо выделяет сократический диалог и мениппову сатиру), сыгравшие важную роль в формировании европейского романа. С этих позиций он рассматривал поэтику Достоевского, в творчестве которого находил ощутимые отголоски памяти об этих жанрах, но подобная жанровая память присуща и текстам Салтыкова.

В жанре сократического диалога реализуется мысль о том, что истина «рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения» [Бахтин, 1979, с. 126]. Основными приемами являются сопоставление различных точек зрения и провоцирование высказываний собеседника. Для Салтыкова проблема диалога была актуальна как в теоретическом, так и в практическом смысле. В диалоге он видел способ уяснения истины: «Необходимость оправдываться и выслушивать возражения значительно очищает учения, преисполненные даже самых вопиющих предвзятостей, и полагает первое звено для общения» (9, с. 109). По свидетельству одного из современников, писатель в разговоре нередко использовал взаимоисключающие суждения и «защищал иногда такие взгляды, которых он сам не разделял». Мемуарист назвал это «припадками самопротиворечия», но слово *припадки* в этом случае не вполне уместно, если учитывать объяснение самого писателя: «Да ведь скучно же, когда люди сойдутся и поддакивают друг другу! Что хорошего, если я буду изрекать, а он “дакать” или наоборот! <...> Особенно полезно спорить с единомышленниками, став на противоположную точку зрения» [Салтыков-Щедрин в воспоминаниях, 1975, с. 241-242]. Таким образом, салтыковские «самопротиворечия» в ситуации общения оказываются намеренным приемом, он прибегал к провокативным суждениям, чтобы вызвать реакцию собеседника с целью «испытания истины». Подобным приемом пользуются и персонажи Салтыкова, например, Глумов, постоянно провоцирующий ситуации «диспута» (цикл «Недоконченные беседы» и др.).

Диалоги на идеологической основе – один из основополагающих принципов поэтики Салтыкова. Обстановку такого диалогического общения он создает в рассказах «Чужой толк»,

«Дворянские мелодии», «Чужую беду руками разведу», в цикле «Недоконченные беседы», во вставных эпизодах цикла «За рубежом», содержащих в заголовке или подзаголовке понятие *разговор* («Мальчик в штанах и мальчик без штанов», «Граф и репортер» и «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдой»), и др. О том, что писатель учитывал особенности античного диалога, свидетельствует ориентация его героев на античные образцы. В рассказе «Чужую беду...» Салтыков иронически характеризует идеальную для персонажей обстановку общения: «...на греческий и римский манер: чтобы амфора была, вино сиракузское лилось, а мы бы мудро беседовали» (12, 578). И далее: «Даже смерть мы представляем себе в красивой форме: по образцу смерти Тразеи Пета, с разговором, в кругу друзей, о непрочности земных благ...» (12, с. 578)¹. Собеседования, или «современные диалоги» (12, с. 556), являются и формой существования героев щедринских романов. Даже Иудушке, который глух к окружающим и никого не слышит, кроме себя, необходим собеседник – как статист, объект психологического мучительства и безгласный оппонент – поэтому он постоянно имитирует общение, разыгрывая ситуацию беседы. Свой прямой смысл диалоги приобретают лишь в финальных сценах романа, в собеседованиях с Аннинькой, которые имеют характер выяснения «последних» вопросов – о смысле бытия и смысле собственного существования, о своей ответственности за зло, причиненное другим.

«Универсальным жанром последних», самых важных, по Бахтину, вопросов была мениппея, выросшая на основе сократического диалога. Для мениппеи характерны «исключительная свобода сюжетного и философского вымысла» наряду со «злободневной публицистичностью» [Бахтин, 1979, с. 131, 136]. Бахтин называет еще целый ряд жанровых признаков мениппеи [Бахтин, 1979, с. 131-137], совокупность которых характерна для многих произведений Салтыкова. Но наиболее полно они выразились в романе «Современная идиллия», который сам Салтыков считал одной из главных своих книг: «...ежели история современности уделит когда-

¹ Тразея Пет – римский сенатор-оппозиционер времен Нерона, который был осужден на смерть и покончил с собой.

нибудь мне хоть одну строку, то я желал бы, чтоб эта строка была посвящена не мне лично, а “Современной идиллии”» (15-1, с. 374).

«Современная идиллия» захватывает материал современной, остро переживаемой действительности; говоря словами Бахтина, здесь налицо «фамильярный контакт с незавершенной современностью». Этим обусловлена яркая публицистичность романа, автор которого называл себя «летописцем минуты», артикулируя свой неизменный интерес к современности. В текст романа мощным потоком вливаются отголоски самых разных явлений российской действительности второй половины 1870-х – начала 1880-х гг. Здесь масса аллюзий на события внутри- и внешнеполитической жизни: завоевательная политика России в Средней Азии, политические процессы над участниками «хождения в народ», русско-турецкая война 1877–1878 гг., правительственная реакция, наступившая после убийства Александра II, политический сыск и доноительство. Широко представлены социальные процессы: разорение крестьян, зарождение кулачества, капиталистическое хищничество и мошенничество и т.д. Текст пронизан голосами современной жизни, полемикой с литературными современниками, в частности с Достоевским и Тургеневым [Строганова, с. 11-42, 127-182], он изобилует постоянными – как очевидными, так и неявными – отсылками к «чужому слову».

В романе о злоключениях «культурных людей», которые, желая доказать свою лояльность режиму, «предпринимают подвиг самосохранения, не имея при этом другого руководителя, кроме испуга» (15-1, с. 246), злободневная публицистичность органично сочетается со свободой сюжетного и философского вымысла. В одной из своих записей Бахтин цитирует принципиальное эстетическое суждение Салтыкова: «Надо каждое слово рассчитать, чтобы оно не представляло диссонанс, но было то самое, которое следует» [Бахтин, 1996, с. 220]. «Подвиг самосохранения» – лишь один из примеров того, как Салтыков работает со словом, в мениппейном духе соединяя высокое и низкое: *подвиг* – но не *самоотвержения*, как следовало бы ожидать, а *самосохранения*. Эта формула не только деконструирует речевой шаблон, но становится одним из элементов вербального образа разрушающегося мира, в котором утрачены главные опоры, забыты понятия «совесть, отечество, человечество» [Салтыков-

Щедрин в воспоминаниях, 1975, с. 114], а существование человека приобретает характер «шкурного самосохранения».

Салтыков не обременяет своих героев обсуждением вопросов о добре и зле, но решением именно этих вопросов определяет наполнение их жизни, ее основное содержание. Какими принципами должен руководствоваться человек? какие ценности должны доминировать в его жизни? как он должен относиться к самому себе и к другим людям? Эти вопросы составляют основу романного бытия главных героев. Идеологи особого рода, они решают вопросы повседневного существования, при этом «последние» вопросы напрямую не формулируются, но опосредуются практикой сюжетного и речевого поведения персонажей. Основой романа является морально-психологическое экспериментирование: центральные герои попадают в экстремальную ситуацию самоотречения, отказа от собственной личности. Этим определяется синтез серьезного и смехового начал, который выражен оксюмороном «шутовская трагедия» (15-1, с. 142), где слово *трагедия* обозначает суть явления, а *шутовство* – ее гротескное выражение.

Действие в «Современной идиллии» изначально задано как нарушение обычного хода событий. Роман начинается с прихода Молчалина, который дает Рассказчику совет «погодить»: «приноровиться, что ли, уметь вовремя помолчать, позабыть кой об чем, думать не об том, об чем обыкновенно думается, заниматься не тем, чем обыкновенно занимаетесь...» (15-1, с. 7). Это становится завязкой сюжета и предпосылкой последующих превращений героев, их отказа от привычного образа жизни и прежних убеждений. Главные герои Рассказчик и Глумов, люди культуры, отказываются от духовной и умственной жизни в любых ее проявлениях: «...пили, ели, спали и вообще производили все отправления, какие человеческому естеству свойственны» (15-1, с. 280). Нарушение обычного порядка вещей выражено в использовании героями масок, и одной из масок благонамеренности становится роль «просветителей», собирателей фольклора: «...в деревню этнографическую экскурсию сделаем <...> станем песни, былины записывать...» (15-1, с. 150). Метафорическое переодевание-перевоплощение центральных персонажей сопровождается буквальным переодеванием в старинные дворянские мундиры, что на мгновение возвращает к родовым корням и понятиям

о дворянской гордости и чести, но чувство собственного достоинства тут же подавляется страхом (15-1, с. 185-190) – так возможность стать самими собой оборачивается маскарадным переодеванием. Карнавалый характер действия усиливается разнообразными «мезальянскими» отношениями, на которые обрекают себя герои. Согласившись на альянс с властями, они вместе с квартальными чиновниками составляют «Устав о благопристойном обывателей в своей жизни поведении» и пляшут с «полицейскими дамами», вступают в контакт с плутоватым адвокатом Балалайкиным и прочими подобными персонажами, апогеем же становится их сотрудничество в газете «Словесное Удобрение».

Салтыков замешивает сюжет на контрастах, использует фантастику, работает с категориями скандального и эксцентрического (особенно в репрезентации Очищенного, «бывшего пронского помещика, преданного суду за злоупотребление помещичьей властью, а впоследствии тапера» в публичном доме. – 15-1, с. 62). И это вполне соответствует тому, что Бахтин пишет о мениппее. Писатель интенсивно использует принцип разностильности, насыщая текст огромным количеством разножанровых пародийных включений. Кроме уже упомянутого «Устава о благопристойном обывателей в своей жизни поведении», это «курьезные *объявления*», *рескрипт* «мятежного хана Наср-Эддина», газетный *отчет* о женитьбе Глумова, *путевой журнал* «экспедиции на предмет открытия Заравшанского университета», *жизнеописание* купца Парамонова в форме «лавочного счета», *фелетон* «Властитель дум», «Сказка о ретивом начальнике», драматическая сценка «Злополучный пискарь, или *Драма* в Кашинском окружном суде» и др. (курсивом мы выделяем присутствующие в тексте жанровые обозначения).

Центральной темой романа становится процесс духовной смерти героев, которые, избрав путь «шкурного самосохранения», неизбежно обрекают себя на позорные превращения, вынужденные мезальянсы и откровенное негодяйство: «Проклинали человеческий разум и указывали на него как на корень гнетущих нас зол; предвещали всевозможные бедствия, поселяли в сердцах тревогу сеяли ненависть, раздор и междоусобие...» (15-1, с. 280). Сознательный отказ персонажей от истинных ценностей доведен до абсурда, исчезает

представление о непозволительном, границы добра и зла разрушены. Но роман не заканчивается на этой апокалиптической ноте. В финале Салтыков намечает возможность духовного возроде

вление Стыда. Он понимал Стыд как «хорошее, здоровое чувство», очищающее человека, и видел в нем мерило «нравственного уровня общества» (12, с. 560). Финал открыт: о дальнейшем писатель оставляет «догадываться» самим читателям. И хотя ростки нового не показаны в романе, но обозначена надежда на возможность их появления.

«Современная идиллия», как и другие щедринские романы, не укладывается в традиционные жанровые рамки. Для характеристики жанра вполне уместно, например, авторское определение «шутовская трагедия». Учитывая, что основу сюжета составляет метафорическое переодевание героев – попытка отказаться от себя и от своих убеждений, можно именовать «Современную идиллию» романом-водевилем. Но в такой же мере справедливо будет и определение «роман-мениппея», что мы и стремились показать. «Память жанра» определенно проявилась в поэтике этого произведения.

То «оригинальное и свежее»¹, что вносил Бахтин в понимание сатиры, не вошло в работы других исследователей о Салтыкове. Предложенный взгляд на писателя сквозь призму Бахтина не только позволяет обновить прочтение щедринских текстов, но полностью вписывает Салтыкова в историю мировой сатиры, обнаруживая истоки его поэтики в античной литературе. Дальнейшая исследовательская работа в этом направлении, если и не принесет ошеломляющих открытий, то в любом случае расширит наши представления о творчестве писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М. Из предыстории романного слова / М. Бахтин // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 408-446.

Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.

¹ Из письма Б.В. Михайловского к Бахтину от 11 декабря 1940 года. – Цит. по: [Попова, 1996, с. 405].

Бахтин, М.М. Сатира / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1996. – С. 11–38.

М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1975. Т. 2. – 432 с.

Макашин, С. Салтыков-Щедрин. Биография. I / С. Макашин. – М.: Изд-во ГИХЛ, 1949. – 512 с.

Попова, И.Л. Комментарий [к статье «Сатира»] / И.Л. Попова // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. – М.: Русские словари, 1996. – С. 401-417.

Строганова, Е.Н. «Современная идиллия» М.Е. Салтыкова-Щедрина в литературном пространстве / Е.Н. Строганова. – Тверь: Золотая буква, 2001. – 256 с.

Е.А. Бузько¹

Москва

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО В ОЦЕНКЕ М.Е. САЛТЫКОВА

В статье рассматривается связь Салтыкова со славянофильским направлением русской мысли, диалог писателя с крупнейшими деятелями славянофильства, с семьей Аксаковых в частности. Основное внимание уделено разнице в отношении писателя к раннему и позднему периодам славянофильства.

Ключевые слова: славянофильство, западничество, почвенничество, старообрядчество, официальная идеология, крестьянская община, идиллическое воззрение, аскетическое воззрение.

E.A. Buzko

Moscow

SALTYKOV-SHCHEDRIN'S OPINION ON SLAVOPHILIA

The article discusses Saltykov's relation to the Slavophilist trend in Russian philosophy, the writer's dialogue with major figures of Slavophilia, with the Aksakovs family in particular. The article author's special attention is paid to the difference in the novelist's attitude to the early and late periods of Slavophilia.

Key words: Slavophilia, Westernism, Pochvennichestvo (Return to the Soil), Old Believers, official ideology, peasant commune, idyllic outlook, ascetic outlook.

Тема «Салтыков и славянофилы» в щедриноведении не нова, но остается востребованной и актуальной по сей день, поскольку идеологические установки, господствовавшие в советском литературоведении, долгое время служили преградой для научного изучения как мировоззрения Салтыкова в целом, так и отношения писателя к такому многогранному и неоднозначному явлению, как

¹ Елена Александровна Бузько, кандидат филологических наук.

славянофильство. Отрадно, что квалификация Салтыкова как революционного демократа осталась в прошлом, а тезисы о борьбе писателя-«материалиста», который «прямо издевается над славянофилами» [Яковлев, 1948, с. 85], об «открытой критике славянофильских идей» [Петров Г.В., 2007, с. 469] в рецензии Салтыкова на книгу инок Парфения сегодня нуждаются и в переоценке, и в комментариях.

Отечественное литературоведение советского периода видело в Салтыкове писателя очень далекого от славянофильского миропонимания, выступающего против «краеугольных камней» современного ему общества, против тезисов Достоевского о смирении, народе-богоносце, русском избранничестве, западническом скитальчестве. Но слово «западник» закрепилось за Салтыковым больше по традиции, тем более что основанием для этого служили воспоминания самого писателя: «Я только что оставил школьную скамью и, воспитанный на статьях Белинского, естественно, примкнул к западникам. Но не к большинству западников (единственно авторитетному тогда в литературе), которое занималось популяризацией положений немецкой философии, а к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. Разумеется, не к Франции Луи-Филиппа и Гизо, а к Франции Се -

. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное – все шло оттуда» (14, с. 111-112).

Однако этой исповедью поколения «сороковых» Салтыков лишь предварял свой «художественный суд» Запада, противопоставляя идеалы Французской республики буржуазной пошлости. Характерно, что писатель в первую очередь ведет речь о духовной и литературной жизни Европы. И анализ этой жизни необходим ему прежде всего для осмысления судьбы России.

Цикл «За рубежом» вызвал особую заинтересованность у современников Салтыкова как попытка пробудить «сознательное отношение русской мысли к русской действительности» (14, с. 115). Не случайно, И. Аксаков в 1880-е гг., дав высокую оценку циклу в

целом, назвал его автора своим «вернейшим союзником», а «Разговор мальчика в штанах и мальчика без штанов», являющийся квинтэссенцией цикла [Кошелев, 1996, с. 86-94], определил как «чисто славянофильскую вещь» [Шарапов, 1975, с. 309]. К слову «западник» в отношении Салтыкова необходимы серьезные пояснения, потому что «слишком уж русским по душе, даже определенно и типически великорусским человеком был этот западник, Салтыков» [Амфитеатров, 2013, с. 548]. Западничество Салтыкова, т.е. верность высоким просветительским идеалам, нисколько не противоречило живому интересу Салтыкова к славянофильству.

Знакомство Салтыкова со славянофилами приходится на чрезвычайно значимый в его жизни период, когда писатель вернулся из Вятки и начал в Петербурге новую служебную, литературную и светскую жизнь. Особое отношение ко второй половине 1850-х гг. у Салтыкова сохранится на протяжении всей жизни, и в очерке «Имярек» он будет вспоминать об этом периоде как о «самом кипучем времени его жизни, времени страстной полемики, усиленной литературной деятельностью» (16-2, с. 323). Как известно из биографии Салтыкова, в 1856–1857 гг. он близко общался с И.В. Павловым, С.А. Юрьевым, которым обязан личным знакомством с крупнейшими деятелями славянофильства: А.С. Хомяковым, семьей Аксаковых, А.И. Кошелевым, Ю.Ф. Самариным. Именно к этому периоду острой полемики между западниками и их оппонентами относится письмо Салтыкова к его близкому приятелю Павлову: «Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития: а реформа-то Петра¹, ты видишь, какие результаты принесла. Господи, что за пакость случилась над Россией? Никогда-то не жила она своею жизнью: то татарскою, то немецкою. Надо в удельный период залезать,

¹ Отношение к петровским реформам, которые, по мнению Салтыкова, имели «характер переходный и дисциплинарный и впоследствии послужили источником очень значительных неудобств» (9, с. 230), не следует путать с высокой оценкой писателем самой личности Петра как человека не только «обширного ума», но обладающего «несомненно прекрасным внутренним миром» (9, с. 231).

чтобы найти какие-либо признаки самостоятельности. А ведь куда это далеко: да и не отскоблишь слоев иноземной грязи, насевшей, как грибы, на русского человека» (18-1, с. 179).

Пытаясь исторически соотнести рационализм, вышедший из «начал Запада», с «внутренним духовным разумом» [Киреевский, 1998, с. 155] России, славянофилы пришли к выводу о несопоставимости этих начал. Несмотря на то, что единого представления о будущем развитии страны у старших славянофилов не было, все они считали «разрушение жизни» русского народа следствием насильственной петровской реформы. Славянофилы никогда не могли принять то, что по их представлениям было чуждо народу. И такими для них были не только преобразования Петра, но и всякое насильственное вмешательство в русскую жизнь. Салтыков также опасался «противоестественных последствий» подобного вмешательства, в том числе тогда, когда в рецензии на книгу инока Парфения выступал против возвращения древних аскетических воззрений в современное общество [5, с. 68].

О невозможности возвращения в допетровскую Русь писали и И.В. Киреевский, и А.С. Хомяков, и К.С. Аксаков. Убежденные в том, что возвращать «русскую стихию» насильственно «было бы смешно, когда бы не было вредно» [Киреевский, 1998, с. 163], славянофилы находили в истории народа то следование христианскому учению, в котором они видели духовный стержень России. Они считали, что сущность христианского мировоззрения сохраняется в религиозном чувстве народа, носителе истинной веры. Идеальное начало русской истории, по их мнению, необходимо искать в тех глубинах народной жизни, которых не коснулась насильственная европеизация. Отсюда интерес всех деятелей славянофильства к прошлому: собирание и изучение памятников древней русской письменности, устного народного творчества, в частности, духовных стихов, сохранившихся главным образом у старообрядцев. Необходимо обратить внимание на то, что старшие славянофилы занимали особую позицию, и подчас очень сложно провести четкую границу между «чистым» западничеством и «чистым» славянофильством¹. Помимо того

¹ См.: [Кошелев, 1984. с. 29-33].

славянофилы постоянно находились в поиске, их воззрения менялись, а полемика составляла ту атмосферу, в которой существовало направление.

В большинстве славянофильских выступлений говорилось именно о началах, о «корнях», хранящихся в глубинах народной жизни [Кошелев, 1984, с. 9]. Речь шла и о разумном привнесении этих начал в современность. Безусловно, любовью к русскому народу, интересом к его быту, критическим отношением к русской действительности, неприятием всего, на чем лежала печать насилия, произвола, нравственной низости, отличались и западники, но на миропонимание Салтыкова повлияло и личное общение со славянофильским кругом, в частности с семьей Аксаковых. Салтыков довольно хорошо знал Константина и Ивана Аксаковых. В письме к А.С. Суворину от 2 октября 1884 г. И. Аксаков сообщал, что Салтыков состоял с ним и с братом «в приятельских отношениях», навещал покойного Сергея Тимофеевича и был близок к их направлению [Письма русских писателей к А.С. Суворину, 1927, с. 20].

В исследовании «самобытных проявлений русской жизни» [Аксаков К., 1995, с. 328] семье Аксаковых принадлежит важная роль. Все Аксаковы выросли в обстановке глубокого сочувствия к народной жизни. Для Салтыкова постижение духовной жизни народа особенно было связано с вятским периодом, с его служебными поездками по старообрядческим местам. Оказавшись «в самом источнике народной жизни», он на практике узнал мир старообрядцев, пытался постичь суть их миропонимания, учился «распознавать» истинную веру народа.

Еще в статье об А.В. Кольцове, иронизируя по поводу комедии К. Аксакова «Князь Луповицкий», Салтыков упрекает ее автора как раз в том, что тот не достигает своей сатирой нужной цели, т.е. не поражает «действительных представителей известного воззрения» (5, с. 14). Истинное желание быть «сильными и оригинальными», по Салтыкову, выражается в том, чтобы эту «силу и оригинальность почерпать в тех материалах, которые должны дать прочную основу нашей науке и нашему искусству» (5, с. 15). Эта

мысль была определяющей и в эстетике К. Аксакова¹, взгляды которого оказываются во многом близки Салтыкову 1850-х гг. Оба понимали необходимость эстетического освоения мира, доселе «чуждого» послепетровской литературе. Религиозное мирозерцание народа, ставшее в этот период предметом особого внимания Салтыкова, приводит его к мысли о возрождении той настоящей литературы, которую чаяли обрести славянофилы. В очерках «Отставной солдат Пименов», «Пахомовна», «Аринушка» Салтыков создает типы праведников, стараясь воспроизвести и представить точку зрения самого народа, что вполне отвечало славянофильским интересам. Серьезные поиски автора «Губернских очерков» в области нового «поэтического языка», характерные для писателя на протяжении всей его жизни, начинаются именно в этот славянофильский период его творчества, с попыток «узаконить полуславянскую речь народа» (18-1, с. 191), со знакомства с книгой Парфения. Свою рецензию на «Сказание...» Салтыков начинает с тезиса о том, что настоящая литература должна быть «выражением народной жизни».

Признаки истинного искусства, которые молодой К. Аксаков находил в «Илиаде», Салтыков увидел в поэзии Кольцова. По мнению Салтыкова, в таланте поэта заключено «глубокое отвращение от всякого преувеличения», а «предметы вдохновения» «слишком конкретны, чтобы дать большой простор фантазии читателя, чтобы породить в душе его ложное самодовольство» (5, с. 23). Созвучных высказываний в творчестве К. Аксакова и Салтыкова немало. Первый считал, что «отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение, – значит лишать его участия в общем деле человечества» [Аксаков К., 1995, с. 315]. Салтыков во всей русской литературе не находил личности, равной Кольцову, именно потому,

¹ См. у К. Аксакова: «Всего более чести в наше время ученым занятиям, предмет которых Россия со всех сторон. Изыскания, исследования, преимущественно по части русской истории и русского быта, должны по-настоящему быть делом всякого русского, равнодушного к вопросу мысленной и жизненной самобытности в России; это личный вопрос каждого из нас. Общее дело России должно быть частным делом каждого русского» [Аксаков К., 1995, с. 338].

что тот «первый обратился к русской жизни прямо, с глазами, не отуманенными никаким посторонним чувством, первый передал ее нам так, как она есть, со стороны ее притязания на жизнь общечеловеческую» (5, с. 31). Очевидное влияние К. Аксакова на Салтыкова сказалось не только в области художественного творчества, но простиралось много дальше и касалось отношения к проблеме народа, нации и государства¹.

По К. Аксакову, критериям художественной ценности в 1850-е гг. вполне отвечали только «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова внука» [Аксаков К., 1995, с. 327]. В спокойном, бесстрастном повествовании С. Аксакова можно найти то отсутствие у автора цели произвести эстетическое наслаждение, то полное соответствие слова предмету, которые отличали творения древних веков и в которых славянофилы видели главные признаки истинного искусства. Именно его произведения озаменовали для славянофилов начало серьезной литературной деятельности². У автора «Семейной хроники» присутствовала «эпическая ясность и простота», стремление художественно «примирить высшие начала жизни с формами народной действительности» [Гиляров-Платонов, 2008, с. 547], которые позволяли назвать Аксакова художником в высшем смысле этого слова.

О глубоком уважении Салтыкова к автору «Семейной хроники» свидетельствуют многие источники. Работая над «Губернскими очерками», Салтыков посвятил С. Аксакову первопечатную публикацию рассказов серии «Богомольцы, странники и проезжие» и намеревался снабдить таким же посвящением предполагавшееся продолжение серии. В августе того же 1857 г., когда появились «Богомольцы...», Салтыков в письме к главе семейства Аксаковых признавался: «Я с особенною любовью работал над "Богомольцами" и откровенно сознаюсь, что Ваши прекрасные

¹ См.: [Иванов-Разумник, 2013, с. 493].

² Слово Сергея Аксакова противопоставлено всей русской литературе «как идеал, как норма» в программной статье первого номера «Русской беседы» [Гиляров-Платонов, 2008, с. 540-605]. Несомненно, К. Аксаков полностью разделял эстетическую позицию Н.П. Гилярова-Платонова, но не мог говорить об этом свободно, ибо «восхвалять сочинения знаменитого отца значило для него то же, что восхвалять себя самого» [Кошелев, 1995, с. 40].

произведения имели решительное влияние как на замысел, так и на исполнение скромного труда. – Мысль, проводимая через весь ряд рассказов этой рубрики <...> – степень и образ проявления религиозного чувства в различных слоях нашего общества <...> предстоит еще много, и если Вам угодно будет одобрить мое намерение, то я и последующие рассказы буду иметь честь посвятить Вашему имени» (18-1, с. 181-182). Однако замысел «последующих рассказов» не был осуществлен, а те, которые появились в «Русском вестнике», были включены в отдельное издание «Губернских очерков» 1857 г. на правах раздела. При этом посвящение рассказов С. Аксакову было снято и в дальнейшем уже не возобновлялось [Макашин, 1972, с. 149]. Впечатление от «Семейной хроники» как о «драгоценном вкладе», который ее автор внес в русскую литературу, Салтыков сохранил до конца жизни. Необыкновенной теплотой пронизаны его строки о С. Аксакове в «Пошехонской старине». Близость картин «Семейной хроники» и «Пошехонской старины», в основе которых лежат личные воспоминания, историческая достоверность описаний дореформенного помещичьего быта, эмоциональная сдержанность позволяют предположить влияние прозы Аксакова на хронику Салтыкова.

Сотрудничество Салтыкова с И. Аксаковым во многом объясняется общностью их интересов: И. Аксаков хорошо знал провинцию, имел опыт следствия по раскольническим делам и в 1850-е гг. был чужд идеализации русской жизни. Особенно показательно сходство позиций И. Аксакова и Салтыкова в отношении к расколу: обоих приводила в недоумение искреннее стремление старообрядцев обрести истину, сопровождавшееся очевидными заблуждениями. Подобно Салтыкову, И. Аксаков пытался и не мог согласовать «высокую нравственную сторону (способность на любую жертву и муку) с безнравственностью предмета убеждения» [Аксаков И., 1994, с. 64].

В общественном сознании середины XIX в. старообрядчество представляло собой крупное социально-историческое явление и уже не отождествлялось с варварством и невежеством. Большая заслуга в популяризации и историческом осмыслении старой веры принадлежит славянофильскому направлению. Позиция старообрядцев в их

отношении к прошлому России, несомненно, была близка славянофилам¹. Осуждая реформы Петра, критически оценивая западную культуру, восставая против секуляризации общества, славянофилы отстаивали то единство народа и церкви, веры и культуры, которое надеялись обрести сторонники старой веры. Между ними и старшими славянофилами существовало и еще одно объединяющее звено – община. Старообрядческая община отвечала представлениям славянофилов о жизнеустройстве, сохранявшем связь времен, преемственность поколений, религиозный и нравственный уклад народа. В славянофильском понимании общинный строй предполагал независимость общества от государства: «народ ответствен за дух и социальную политику страны, а государство – за полицейское спокойствие и внешнюю политику» [Зеньковский, 2009, с. 486], т.е. община была неким воплощением ценностей, восходивших к старообрядческому недоверию государству.

Вопрос о христианской (или крестьянской) общине и его понимание Салтыковым остается до сего времени наиболее сложным и непроясненным. И хотя уже во второй половине 1850-х гг. Салтыков находил, что община «не представляет в себе достаточных условий и для достижения того нравственного совершенства, той полной свободы духа, к которой должен стремиться человек» (5, с. 478), интерес к общине сохранялся у писателя на протяжении жизни. С.Н. Кривенко вспоминал о «чисто русских общинных склонностях» Салтыкова, который чувствовал, что истина «в этой стороне», но что «формы жизни» для общины еще не пришли² [Кривенко, 2013, с. 424].

В «Пестрых письмах» герой Салтыкова признается: ему одно время «начинало казаться, что община скажет что-то новое». Взгляды героя «Пестрых писем» далеко не всегда можно отождествить с позицией автора. Однако говоря о своих кратковременных надеждах на общину, герой «Пестрых писем» (между прочим, поклонник

¹ См.: [Зеньковский, 2009, с. 485-486].

² Еще одним, хотя и не безусловным, подтверждением этого интереса Салтыкова служат воспоминания С.А. Унковской, которая пишет, что писатель беседовал с крестьянами о сельской общине и считал, что в пореформенное время община губила сельское хозяйство, лишала отдельных крестьян свободы [Мемуары, 2009, с. 180-181].

Белинского и Грановского) оценивает общину с точки зрения человека 1880-х гг. и, скорее, с позиции оппонента западников: «Теперь большинство славянофилов убедилось, что есть община и община; что община, на которой славянофилы когда-то созидали благополучие и силу России, не обеспечивает ни от пролетариата, ни от обид, приходящих извне; что, наконец, будущая форма общежития, наиболее удобная для народа, стоит еще для всех загадкою. Напротив, по странной случайности, бывшие западники, ставши ближе к кормилу, примирились с общиной, потому что с нею сопряжена круговая порука. Не нужно сложной мозговой работы, чтобы управлять» (16-1, с. 380). Хотя образ автора писем «обладает весьма большой смысловой амплитудой» [Тюнькин, 1974, с. 483], в приведенном монологе герой стремится к объективной оценке прошлого. Представляется, что в общине западников Салтыков видел порочное «удобство круговой поруки», в общине славянофилов – порабощение личности «в пользу личности коллективной».

Мысль о несовместимости начал древней русской жизни, в том числе и общины, с будущим развитием «молодого, но крепкого, исполненного жизни общества» (5, с. 68) пронизывает весь текст рецензии Салтыкова на книгу инок Парфения. В этой статье Салтыков предлагает читателю свое отношение к различным воззрениям на русскую народность. Из всего многообразия воззрений, распространенных в 1850-е гг., писатель подвергает критике три главные: «воззрения сонные», «воззрения идиллические» и «воззрения раздражительные или жёлчные» (5, с. 477). Показательно, что третьего рода воззрение Салтыков выделил только в первоначальном варианте статьи. По мнению автора, сторонники этого воззрения «смотрят на русскую народность как на что-то растленное, из чего, несмотря ни на какие усилия, не может произойти ничего положительного и плодотворного», во всяком явлении русской жизни они «видят следы обскурантизма и убеждены, что не стоит защиты такое явление, которое само себя защитить не может» (5, с. 479). В процессе работы над статьей Салтыков исключил критику «раздраженных», иначе – западников-космополитов. Макашин объяснял это тем, что писатель «склонен был в некоторой

мере относить и себя к упомянутому западническому воззрению» [Макашин, 1966, с. 533].

Подобному суждению противоречит в первую очередь сам текст рецензии на «Сказание». Во-вторых, следует обратить внимание на определение «прикорбные» [ИРЛИ, ф. 366, оп. 1, № 11], употребленное писателем в рукописи [Бузько, 2014, с. 128]. Характерно, что в последней редакции Салтыков вовсе не упоминает представителей «раздражительных или желчных», иначе «прикорбных» воззрений на русскую народность. Спор с ними, как, впрочем, и со сторонниками театральной, официозной народности, писатель считал бесполезным. Салтыковское обличение направлено на идиллическое воззрение, и в литературоведении господствует суждение о том, что под этим подразумевалось славянофильское направление [Яковлев, 1948, с. 85; Макашин, 1966, с. 539; Петров, 2007, с. 469]. Однако в статье о «Сказании» Салтыков не называет имен оппонентов. «Поборников» мрачно-идиллического воззрения писатель именует «нашими Тирсисами» (5, с. 479), «ненавистниками лукавого и гниющего Запада» (5, с. 38). И можно предполагать либо неизвестного читателю оппонента, либо такого, который мог «выстраиваться почти по законам художественного образа и не совпадать до конца ни с одним из реальных прототипов» [Зыкова, 2006, с. 195-196]. То и другое побуждает обратиться к общественно-литературному контексту полемики между славянофилами и западниками.

Метафора о «гниении Европы» была употреблена в статье В.Г. Белинского «Сочинения В.Ф. Одоевского», но распространение получила благодаря М.П. Погодину и С.П. Шевыреву¹, этим «неизменным спутникам» славянофилов, которые много писали и

¹ Белинский употребил это словосочетание, иронизируя над взглядами Шевырева. Последний не употреблял выражение «гнилой Запад», но в статье «Взгляд русского на современное образование Европы» писал: «Да, в наших искренних дружеских тесных сношениях с Западом мы не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферою опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет» [Шевырев, 1841, с. 247].

говорили о «нездоровье» Запада, в том числе в «Москвитянине». Однако «ненавистниками лукавого и гниющего Запада» стали называть именно славянофилов [Серов], упрощенно толкуя их понимание истории, ошибочно трактуя¹ положение о превосходстве России перед Западом, когда славянофилы вели речь о ее преимуществе. Черта, разделяющая славянофильское направление и официальную идеологию, для многих современников в прошлом не была столь очевидной. По выражению последовательного западника К.Д. Кавелина, для большинства славянофильство представляло «смесь просветительских и прогрессивных идей с обскуратизмом и реакционными замашками» [Кавелин, 1899, стб. 1135].

Но была существенная разница между официальной идеологией и славянофильским направлением. Прекрасно осознавая внутренний разлад между народом и правительством, славянофилы выступали против административного подчинения народа государству, против бюрократических указов, регулирующих русскую жизнь. По Хомякову, высокая миссия русского народа определена его стремлением к Богу, которое подразумевает согласие с христианским законом самого «родословия» народа. В славянофильской идее духовного единения людей не было места той безусловной покорности, тому беспрекословному равнодушному подчинению власти, о которых писал Погодин в своей статье «Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала» [Погодин, 1846, с. 55-82]. Славянофилы отказались от участия в «Москвитянине» именно вследствие своего категорического противостояния погодинской концепции, согласно которой русский народ покорно принимал духовные ценности, приходящие извне.

Любые выступления против власти для сторонников официальной идеологии означали противонародные действия, при этом надежды возлагались на отечественную государственность, немислимую для них без твердой руки самодержавия. Православие и народность у Погодина и Шевырева имели качественно другое наполнение, нежели в славянофильской интерпретации. Однако реальность была такова, что славянофилам приходилось выступать в

¹ См.: [Кошелев, 1984, с. 45-47; Кошелев, 2000, с. 219].

погодинском журнале, а Погодин был вхож в дом Аксаковых. И хотя Хомяков определил «Москвитянин» как «юродивое проявление русского толка и смысла» [Кошелев, 2000, с. 219], сами славянофилы не раз ошибочно принимали за «своих» и Погодина, и Шевырева.

Имя Погодина оказывается в одном ряду с идеологами славянофильства и у Салтыкова, который ставит его вместе с именами Хомякова, Самарина, К. Аксакова (16-1, с. 380), то упоминает с И. Аксаковым (5, с. 140, с. 297). Вряд ли можно говорить о том, что Салтыков не мог достаточно четко разграничить взгляды славянофилов и представителей «теории официальной народности»: со славянофильством он был знаком довольно хорошо, и в хронике «Наша общественная жизнь» за март 1863 г. назвал И. Аксакова единственным оставшимся в живых к этому времени представителем славянофильства» (6, с. 72).

Глубинные разногласия между старшими славянофилами и откровенными «охранителями» касались не только определения места церкви и роли государства в жизни России. Они лежали глубже и заключались в различном понимании внутренней свободы русского человека. Именно это различие Салтыков запечатлел в цикле «За рубежом». По замечанию И. Аксакова, он «в двух словах», «гениально» выразил славянофильскую мысль: истинные основы бытия не могут быть подчинены договорам и распискам, иначе – западническому государственному регламенту, который по своей сути оказывается продажным.

Салтыков противился такому порабощению личности, при котором «жизнь утрачивает свою цельность и делается лишь тем подвигом послушания» (5, с. 38), которое подразумевает смирение личности. Подобные проповеди Салтыков находил не только у так называемых спутников славянофилов, но и у И. Аксакова. Ограничение и даже полное низвержение человеческих интересов в чью бы то ни было пользу, по Салтыкову, неизбежно приводит к уродливым результатам. В течение всей жизни, находясь на любом поприще, писатель ратовал за условия для всестороннего развития личности, потому не принимал аскетизм во всевозможных его проявлениях, аскетизма младших в пользу старших, слабых в пользу сильных; аскетизма отдельных личностей в пользу общины, мира и т.д. Он опасался всяческого

культивирования верноподданнических чувств, любой идеологии, когда смирение и терпение считались высшими добродетелями, а послушание выставлялось главной чертой русского национального характера. В рецензии на повести Кохановской Салтыков писал: «Высший общественный идеал заключается совсем не в жертвах и принижениях, а в том, чтобы интересы частного лица и интересы общества шли рука об руку <...> Тут не может быть речи ни о смирении, ни о прощении, ибо ни на то, ни на другое никто не имеет не только повода, но и права. Это принципы, равно непригодные к жизни, равно не содержащие никаких положительных результатов» (5, с. 372).

Подвиг послушания в пользу искусственных интересов – один из трагических мотивов как в ранних, так и в поздних произведениях Салтыкова. Писатель категорически выступал против убеждения, что «земля есть юдоль скорбей, в которой люди должны терпеть», а именно такое убеждение становится «законом жизни» простеца, который «открыт и беззащитен со всех сторон» (12, с. 114). Деятельность таких простецов, или Молчалиных-аскетов, не может быть ни полноценной, ни полезной обществу. Потому так называемый спрос «на загнанность и беззаветность» Молчалина-аскета Салтыков считает очевидным признаком больного общества. В размышлениях Салтыкова о безрадостности существования простеца, опутанного «со всех сторон обузданием» и усмиряющего в себе всякий позыв на протест нетрудно увидеть укор и славянофильским выступлениям, и государственной политике, и религиозной проповеди.

Возвращаясь к истории взаимоотношений И. Аксакова и Салтыкова, напомним, что их взгляды разошлись накануне реформы 1861 г., когда закончилось раннее бытие славянофильского направления, когда уже не было в живых ни Киреевских, ни Хомякова, ни К. Аксакова. Позднее славянофильство станет предметом сатиры писателя, а с его идеологом И. Аксаковым Салтыков будет вести полемику на протяжении многих лет.

В публицистике Салтыкова эта полемика далека от одностороннего высмеивания оппонента, это прежде всего диалог о старой Руси и онемеченной Русляндии, о «Подвигах русских гуляющих людей за границей», о польском вопросе, о Тамбовской губернии и т.

д. Этот острый диалог сложно назвать противостоянием: он полон диалектики, иронии, а иногда искреннего сочувствия и даже участия. И если в «жесткой» щедринской сатире, по замечанию С.Ф. Дмитренко, «всегда есть нечто более тонкое, чем просто рукопашная с противником» [Дмитренко, 2013, с. 886], то это особенно чувствуется в диалоге Салтыкова с Аксаковым.

В отличие от этого, полемика Салтыкова с Ф.М. Достоевским, с почвенниками выглядит совершенно иначе. Писатель обвиняет их в отсутствии мировоззрения и им же противопоставляет славянофилов: «По-видимому, вы хотите усвоить себе славянофильские воззрения, но усваиваете только помой этого воззрения, и ни один славянофил, конечно, не взглянет на вас без сожаления» (6, с. 521).

В не опубликованной при жизни статье «Литературные кусты» Салтыкова подчеркивает тот факт, что вера славянофилов в творческие возможности народа, осознание внутреннего разлада между народом и государственной системой и, главное, протест против позорной крепостной зависимости были присущи не только славянофилам, но и их оппонентам. Очень важной оказывается оценка Салтыковым того значения, которое он придавал «борьбе» между славянофильством и западничеством¹: «...гораздо более широкое, нежели то, которое ей приписывается близорукими ее судьями» (6, с. 511).

Нельзя не обратить внимания не только на резкий, но раздраженный тон Салтыкова, направленный главным образом на Достоевского, но затрагивающий всех почвенников. Укоряя последних в неразумном неприятии европейских ценностей, Салтыков высказывает важную мысль о том, что «Петровская и допетровская России нужны были в этом споре (западников и славянофилов. – Е.Б.) не как доказательства, а как доступные в то время формы доказательств. И действительно, когда явилась возможность согласиться насчет реформ Петра, то споры об этом предмете

¹ Данная Салтыковым оценка исторического значения славянофильства по сути совпадает с высказыванием А.И. Герцена и отношением последнего к Хомякову и К. Аксакову как к «благородным, неутомимым деятелям», с которых начался «перелом русской мысли» [Герцен, 1958, с. 9-10].

прекратились очень скоро, а вслед за тем и название “западников” утратило свой смысл» (6, с. 511). В пореформенное время высокие стремления и чаяния старших славянофилов были подменены птичьим гомоном «стрижей» и «словесными упражнениями без подлежащего, сказуемого и связки» (6, с. 502), по своей сути не отличающимися от казенного патриотизма «Русского вестника» и «Московских ведомостей».

И как тут не вспомнить Плешивцева из «Благонамеренных речей», который под словом «почва» понимает что-то очень загадочное, «вращает глазами и вертит руками в воздухе» (11, с. 414)! Почвеннический патриотизм для Салтыкова такой же ложный, как и патриотизм западника-государственника Тебенькова: оба «благонамеренные», оба «мало чем отличаются друг от друга, оба признают необходимость «почвы», оба консерваторы, оба сторонники аристократического принципа, оба религиозны, оба разделяют человечество на пасущих и пасомых, оба уважают народность» (11, с. 417). Триада, которой поклоняется Плешивцев: религия, почва, любовь – «так называемая русская подоплека», которую тот «не может более ясно определить», хотя «ожидает от нее очень многого». Но для Салтыкова благонамеренность Плешивцева-Тебенькова обозначает идеологию, подразумевающую под патриотизмом пропаганду народного терпения, ограничивающую представление об отечестве государственными регламентами, путающую охранительство с народностью. К сторонникам подобных взглядов щедринская сатира беспощадна: орудия «стрижей»-почвенников, по мнению Салтыкова, есть всего лишь «обглоданные кочерыжки, выбрасываемые из псевдославянофильской поварни «Дня». Характерно, что метафора-гротеск здесь затрагивает уже не только «стрижей», но и издание И. Аксакова.

Острые сатиры Салтыкова направлено на славянофильскую печать, изменяющую тем исконным принципам, которые были заложены при становлении направления и которые исповедовали старшие славянофилы. В хронике «Наша общественная жизнь» писатель обращается к И. Аксакову, обвиняет его уже не иначе как в западничестве: «Если вы действительно хлопчете о земле, то для вас это будет ясно. Но это вам только так кажется, что вы хлопчете о

земле, да притом еще об *русской* земле. В сущности, вы проповедуете ту же самую политическую теорию, которая давным-давно процветает на Западе <...> Чем же вы отличаетесь от тех, которых называете “западниками”? Или, в самом деле, только тем, что история, писанная Мстиславами Удалыми и Иоаннами Грозными, милее для вас, нежели история, писанная лейб-гвардии Преображенским полком? Да ведь это ваш каприз. А вы полюбите историю, писанную преображенцами, и возненавидьте историю, писанную Мстиславами, – все это в ваших руках» (6, с. 74).

Салтыков не приемлет разграничения общественных задач для каждого сословия, он поднимает вопрос о сближении разных слоев общества и видит «западническую направленность» взглядов Аксакова в том, что в своих выступлениях тот не выходит за рамки существующей в государстве системы межсословных отношений. Под вопросом о *земле* Салтыков подразумевал в первую очередь вопрос о крестьянине. И в упреке Аксакову слышится неутраченная боль писателя за поильца и кормильца русской земли. Как и старшие славянофилы, Салтыков понимал необходимость выработать самостоятельные формы общежития и считал, что «без этих форм в будущем стране предстоит только мучительное умирание» (14, с. 165).

Вопрос об этих «самостоятельных формах», так остро звучавший у старших славянофилов, так и не был ими разрешен. Остались загадкой они и для Салтыкова. Но одно он знал точно: то, каким хотел бы видеть свою страну – не государство, а отечество: «Я желал видеть мое отечество не столько славным, сколько счастливым

вать себя подлинно славным, как не тот, который сознает себя подлинно счастливым?» (13, с. 334-335)

Нет сомнения, что в своих творческих исканиях, в исследовании народной жизни Салтыков шел собственным путем. Однако славянофильские воззрения во многом повлияли на писателя. Убеждения Салтыкова противостояли не сути славянофильского направления, а неверной трактовке его основополагающих тезисов как идеологами официальной народности, так и поздними славянофилами

и почвенниками. В таких насаждаемых триадах как «самодержавие – православие – народность», «религия – почва – любовь» Салтыков видел не что иное, как охранительство. А именно ему так противился писатель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксаков, И.С. Письма к родным, 1849–1856 / Изд. подготовила Т.Ф. Пирожкова / И.С. Аксаков. – М.: Наука. 1994. – 652 с.

Аксаков, К.С. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева / К.С. Аксаков. – М.: Искусство, 1995. – 527 с.

Амфитеатров, А.В. Михаил Евграфович Салтыков (26 января 1826 г. – 27 апреля 1889 г.) / А.В. Амфитеатров // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra: личность и творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей / Антология: Книга первая / Сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 497-555.

Бузько, Е.А. «Сказание» инок Парфения в литературном контексте XIX века / Е.А. Бузько. – М.: Индрик, 2014. – 282 с.

Герцен, А.И. Константин Сергеевич Аксаков / А.И. Герцен // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. 15. – С. 9-11.

Дмитренко, С.Ф. Щедриноведение и М.Е. Салтыков / С.Ф. Дмитренко // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 866-887.

Иванов-Разумник, Р.В. История русской общественной мысли / Р.В. Иванов-Разумник // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 489-494.

Гиляров-Платонов, Н.П. Семейная хроника и воспоминания С. Аксакова / Н.П. Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н.П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / Сост. и коммент. Ю.В. Климакова. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. – С. 540-605.

Зеньковский, С.А. Русское старообрядчество: В 2 т. / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина / С.А. Зеньковский. – М.: Ин-т ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. Т. 2. – 688 с.

Зыкова, Г.В. Славянофилы и раскольники: роль М.Е. Салтыкова в создании одного русского полемического клише / Г.В. Зыкова // Филологические записки. Вып. 25. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – С. 192-198.

Киреевский, И.В. Критика и эстетика / Сост., вступ. ст., прим. Ю.В. Манна / И.В. Киреевский. – М.: Искусство, 1998. – 463 с.

Кавелин, К.Д. Собрание сочинений: В 4 т. / К.Д. Кавелин. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. – 1256 стб.

Кривенко, С.Н. Михаил Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность / С.Н. Кривенко // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 391-426.

Кошелев, В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов: 1840–1850-е годы / В.А. Кошелев. – Л.: Наука, 1984. – 196 с.

Кошелев, В.А. «Не право о вещах те думают, Аксаков...» / В.А. Кошелев // Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1995. – С. 7-42.

Кошелев, В.А. «Исторический дворник петербургского периода...» / В.А. Кошелев // М.Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий. Материалы научной конференции / Ред.-сост. Р.Д. Кузнецова, Е.Н. Строганова. – Тверь, 1996. – С. 86–94.

Кошелев, В.А. Алексей Степанович Хомяков: жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 512 с.

Макашин, С.А., при участии П.Г. Рындзюнского. Примечания [Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения] // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 5. – М.: Художественная литература, 1966. – С. 533-541.

Макашин, С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов. Биография / С.А. Макашин. – М.: Художественная литература, 1972. – 600 с.

Мемуары С.А. и М.А. Унковских о М.Е. Салтыкове / Вступит. ст., публ. и коммент. М.В. Строганова // Щедринский сборник. Выпуск 3 / Науч. ред. Е.Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис. 2009. – С. 143–206.

Письма русских писателей к А.С. Суворину. – Л.: Публ. библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1927. – 228 с.

Погодин, М.П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала / М.П. Погодин // Погодин М.П. Историко-критические отрывки. – М.: Тип. Августа Семена, 1846. Кн. 1. – С. 55–82.

Тюнькин, К.И. Примечания / К.И. Тюнькин // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 16. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 16-1. – С. 479-523.

Шарапов, С.Ф. И.С. Аксаков о М.Е. Салтыкове: (Из моих воспоминаний) / С.Ф. Шарапов // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 1. – С. 308-309.

Шевырев, С.П. Взгляд русского на современное образование Европы / С.П. Шевырев // Москвитянин. – 1841. – № 1. – С. 219-296.

Яковлев, Н.В. Щедрин и Аксаковы в пятидесятых годах / Н.В. Яковлев // Труды отдела новой русской литературы (Пушкинский Дом). – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. – Т. 1. – С. 81-98.

Петров, Г.В., при участии К.И. Тюнькина. Салтыков // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – Т. 5. – С. 466-479.

Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/4/49.htm> (дата обращения: 24.09.2015).

Архивы

ИРЛИ. Ф. 366. Оп. 1. № 11. Из архива М.М. Стасюлевича. – «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инокa Парфения. В 4 частях. Издание второе с исправлениями. Москва». – Рецензия. Черновая рукопись (незаконченная).

М.В. Строганов¹

*Государственная академия славянской культуры
(Москва)*

**НАРОДНАЯ ПЕСНЯ, И.В. ПАВЛОВ
И ПОВЕСТЬ М.Е. САЛТЫКОВА «ЖЕНИХ»**

В статье рассматривается повесть М.Е. Салтыкова «Жених», текст которой насыщен народными песнями. Точная их идентификация показывает, что писатель отбирал произведения, имевшие в литературе определенную репутацию. Культ народной песни, свойственный 1850-м гг., особенно поддерживался в среде молодых славянофилов, в частности, в «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Посвящение повести «Жених» И.В. Павлову, издателю газеты «Московский вестник», помогает понять, что идеологическая позиция Павлова и Салтыкова была противоположна славянофильству, что и отразилось в наборе песен.

Ключевые слова: И.В. Павлов, народная песня, славянофильство, радикализм, литературный анекдот, «Москвитянин», «молодая редакция».

M.V. Stroganov

*State Academy of Slavic Culture
(Moscow)*

**FOLK SONG, I.V. PAVLOV
AND SALTYKOV-SHCHEDRIN'S NOVEL "THE SUITOR"**

The article deals with Saltykov-Shchedrin's novel "The Suitor" whose text is saturated with folk songs. Their accurate identification shows that the writer selected the songs that had a certain reputation in literature.

¹ Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры (Москва), заведующий сектором координации научных программ Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва), mistro@rambler.ru.

The cult of folk songs typical of 1850s had a special support among young Slavophiles, and even more so was it maintained by “young editors” in the “Moskvityanin” magazine. The novel’s dedication to I.V. Pavlov, the publisher of the “Moskovsky Vestnik” (Moscow Gazette), helps us to realize that Pavlov’s and Saltykov-Shchedrin’s ideological standing was the opposite of Slavophilia, which is reflected in the selection of songs.

Key words: I.V. Pavlov, a folk song, Slavophilia, radicalism, literary joke, “Moskovityanin”, “young editors”.

M.V. Stroganov
State Academy of Slavic culture
(Moscow)

FOLK SONG, I.V. PAVLOV AND SALTYSKOV-SHCHEDRIN’S NOVEL “THE SUITER”

This paper deals with Saltykov-Shchedrin’s novel “The Suiter” whose text is full of folk songs. Their accurate identification shows us that the writer picked out those works that had a bit of a reputation. The cult of folk songs (which was very peculiar to 1850s) was maintained by the Slavophile youth, especially by the “young editors” working in the “Moskvityanin”. The novel’s dedication that was addressed to I.V. Pavlov, the publisher of the “Moskovsky Vestnik” can help us to understand that the ideological viewpoints of Pavlov and of Saltykov-Shchedrin was opposite to Slavophilism, which affected the choice of songs.

Key words: I.V. Pavlov, folk song, Slavophilism, radicalism, literary joke, “Moskovityanin”, the “young editors”.

Повесть «Жених» (1857), посвященная И.В. Павлову, не входит в число самых известных произведений Салтыкова, поэтому нам придется коротко напомнить ее сюжет. Главный герой Вологжанин приезжает в губернский город Крутогорск на поиски выгодной партии. Сделав смотр потенциальным невестам, он останавливается на Феокисте Порфирьевне Порфирьевой (Тисочке), полагая за ней большое приданое. В Тисочку безнадежно влюблен

форштмейстер капитан Павел Семенович Махоркин¹, который выражает свою любовь с помощью русской песни. Но она выходит замуж за Вологжанина, которого отец Тисочки обманывает в приданом, Махоркин же, потерпев неудачу на любовном поприще, погибает.

В повести большое число эпизодов, в которых описывается пение и перечисляются песни. Но научного осмысления этого факта в литературе нет. Лишь комментаторы текста Д.И. Мишнева и Н.Е. Прийма говорят, что «эти песни встречаются во многих сборниках и публикациях конца XVIII – начала XIX в.» и приводят «уточненные или более полные и распространенные варианты названий песен с указанием первых или ранних публикаций их в сборниках, которые могли быть известны Салтыкову» (4, с. 527). Они также отмечают, что упоминаемые «в рассказе русские народные песни являются одним из источников для характеристики фольклорных интересов Салтыкова» (4, с. 527).

Но большинство уточнений в названиях песен, сделанных Д.И. Мишневой и Н.Е. Приимой, не могут быть признаны удовлетворительными и требуют пересмотра. К тому же утверждение, что перечисляемые в повести песни характеризуют «фольклорные интересы Салтыкова», нуждается в основательном переосмыслении. Даже без специального анализа ясно, что если тот или иной фольклорный текст упоминается в произведении как средство характеристики персонажа, это не значит, что он свидетельствует и о взглядах автора. Без внимания остался и вопрос, почему повесть посвящена И.В. Павлову, которого комментаторы, вслед за С.А. Макашиным, назвали литератором славянофильского лагеря.

¹ Махоркин служит по Лесному департаменту, который был создан в России в 1798 г. С 1826 г. губернские чиновники лесного управления – обер-форштмейстеры и форштмейстеры лесных дач – стали называться губернскими, учеными и окружными лесничими, с 1839 г. они входили в военизированный Корпус лесничих. Махоркин назван и форшмейстером и капитаном, таким образом, Салтыков совмещает понятия разного времени – прием, который он использовал в «Истории одного города».

1. Комментарии к песням

Сначала восстановим все сцены с исполнением песен. Экспозиция капитана Махоркина в повести представлена следующим образом:

«В одну теплую и лунную ночь, когда он <Вологжанин>, провожая Порфирьевых из загородного сада, по обыкновению суетился около их экипажа, подсаживая Софью Григорьевну и Феоктисту Порфирьевну, из-за угла внезапно появился огромный мужчина, который, при лунном освещении, показался Вологжанину саженей шести ростом, и сильным голосом сказал:

– Не опасайся, божественная Феоктиста! Друг твой бодрствует над тобой!

И вслед за тем звучным голосом запел:

Спи, ангел мой, спи, бог с тобой!» (4, с. 29).

Первая песенная цитата не прокомментирована, а наши разыскания не выявили фольклорных источников. Словосочетание *спи, ангел мой* достаточно часто встречается в поздних колыбельных песнях, но оно никогда и нигде не соединяется с сочетанием *спи, бог с тобой*. Между тем в повести Н.В. Успенского «Из дневника неизвестного» (1862) героиня также поет: «Спи, ангел мой, спи, бог с тобой» [Успенский, 1957, с. 191]. Кроме того сам Салтыков приводит ту же самую строчку в более поздней книге «За рубежом» (1881): «Вообще я давно заметил: воротись домой, ляжешь в постельку, и начнет тебя укачивать и напевать: „Спи, ангел мой, спи, бог с тобой!“» (14, с. 242). Мы пока не смогли выяснить происхождение этой певческой цитаты и можем только указать, что по своему строению она очень похожа на оперную арию, которые часто состоят из коротких стихотворных строк:

Спи, ангел мой,

Спи, бог с тобой!

Рассказ Н. Успенского особенно убеждает в этом предположении, поскольку в нем несколько раз цитируются разного рода произведения, вошедшие в круг массовой культуры.

Махоркин в повести показан как нелюдим, в свой дом он допускает только одного знакомого по фамилии Рогожкин: «И тогда начиналась у них молчаливая, сердечная беседа, которая наводняла

сердце Махоркина целыми потоками жгучих радостей. Молча подавал он Рогожкину гитару и молча же садился против него, упираясь в колена локтями и поддерживая ладонями свою голову. Рогожкин был мастер играть на гитаре и охотно пел русские песни под звуки ее. Голос у него был немудрый, сиповатый и жиденский, а пел он все-таки хорошо; казалось, вся его маленькая душа поселялась исключительно в русскую песню, и от этого самого он сделался неспособным ни на что другое. Маленькие глаза его, которые я однажды уже уподобил глазам пшеничного жаворонка, изображаемым можжевелевыми ягодами, теряли свой ребяческий глянец и принимали благодушно-грустное выражение. Начинал он обыкновенно с «Дороженьки», потом переходил к «Исполать тебе, зеленому кувшину», потом запевал «Веселая беседушка, где батюшки нет», потом «Уж как пал туман», и так далее, пока не истощался весь репертуар» (4, с. 31-32).

Песня «Дороженька» – это «Не одна во поле дороженька пролежала», опубликованная впервые Д.Н. Кашиным в 1830-е гг. [Русские народные песни, 1833, № 20]. Салтыков, конечно, знал эту популярную песню в живом исполнении. Но упоминает он ее в первую очередь потому, что после рассказа И.С. Тургенева «Певцы» (1850) она входила в «джентльменский набор» фольклорных песен. Упоминание «Дороженьки» свидетельствует не о личных пристрастиях Салтыкова, а о репрезентативности этой песни. Дело в том, что в рукописях рассказа «Певцы» и в тексте, который был опубликован в «Современнике», герой пел песню «При долинушке стояла». Но В.А. Инсарский заметил Тургеневу, что эта веселая, почти плясовая песня не может возбудить элегическое настроение и предложил заменить ее более глубокой «Дороженькой», которую тут же и спел. И в цензурную рукопись «Записок охотника» Тургенев вставил «Дороженьку», которая больше соответствовала его замыслу и ярче контрастировала с песней рядчика. Известно также, что Тургенев устроил состязание певцов: К.А. Горбунова, исполнявшего русские песни (в том числе «Дороженьку»), и Л.А. Жемчужникова, исполнявшего песни украинские, и, как следует полагать, он организовал это состязание для проверки указаний В.А. Инсарского [Гришунин, 1979, с. 492-493].

Песню «Исполать тебе, зеленому кувшину» комментаторы связывают с песней «Да спасибо же тебе, синему кувшину» и

называют ее фольклорной. В действительности это не фольклорная, но авторская песня Н.Г. Цыганова, вошедшая в песенники уже в 1850-е гг. Песня была впервые опубликована в 1828 [Цыганов, 1828, с. 100], а вторично – в собрании сочинений Цыганова в 1834 г., причем эти редакции существенно отличаются друг от друга. Приводим фрагмент редакции 1834 г.:

Ах, спасибо же тебе,
Синему кувшину,
Разгулял ты мою
Горькую кручину;

Знаться б мне давно с кувшином,
Горе б по ветру неслоь,
Ретивого б не сушило,
В русы кудри не ввилось.

<.....>

От сего же я часа
Уж не сдамся ласкам,
Не поверю я, краса,
И твоим уж глазкам.

Лишь у синего кувшина
Буду радости просить,
С ним обнявшись, сиротина,
Буду ждать, как смерть скосит.

Ах, спасибо же тебе,
Синему кувшину,
Разгулял ты мою
Горькую кручину! [Цыганов, 1965, с. 287].

Мы не можем судить, знал ли Салтыков, что песня о кувшине не является собственно фольклорной, но важнее другое. Чтобы у читателя повести не оставалось сомнений в том, чем наполнен кувшин, Салтыков сообщает ему эпитет *зеленый*, который ни разу не встречается ни в опубликованных текстах Цыганова, ни в ее народных

вариантах. Здесь мы вновь видим тот же принцип использования фольклорной песни: не выражение фольклорных предпочтений, а сюжетная характеристика героя и ситуации.

Песню со строкой «Веселая беседушка, где батюшки нет» комментаторы идентифицируют как песню «Подуй, подуй, мать погодушка, низовенькая», которая впервые была опубликована Ф. Студитским в 1841 г., хотя Студитский опубликовал эту песню с другим зачином: «Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет» [Народные песни, 1841, с. 104]. Песня эта была очень популярна в фольклорном репертуаре [Песни, собранные П.В. Киреевским, 1917, № 1309, 1419, 1481, 1665, 1680, 1853, 1905, 2519, 2664]. Следует учесть, что Т.И. Филиппов опубликовал эту песню в своем сборнике народных песен со следующим примечанием: «Очень распространенная. В первый раз слышал в Ржеве» [Тюрина, 2006, с. 183]. Это значит, что Филиппов мог исполнять ее во времена своих знаменитых концертов. Об этом отчасти свидетельствует тот факт, что А.Н. Островский включил переработку второй части песни в пьесу «Бедность не порок» (1853). Однако ни в одной из известных нам записей этой песни нет той строчки, которую приводит Салтыков. Приведем основные варианты, которые можно соотнести с текстом повести:

- 1) Веселая беседушка, где батюшка пьет.
Он пить не пьет, родимый мой, за мной, молодой, шлет.
- 2) Смирная беседушка, где батюшка мой;
Веселое гуляныце, где миленький пьет.
Он пить не пьет, разлюбезный мой, за мной, молодой, шлет.
- 3) Веселая беседушка, где мой милый пьет.
Он пить не пьет, голубчик мой, за мной, младого, шлет.
- 4) Широкой дороженькой, где миленький шел;
Веселой компанией, где миленький пьет...
Он пить не пьет, голубчик мой, за мной, молодой, шлет.
- 5) Не весела компания, где милого-то нет;
Веселая беседушка, где миленький пьет.

Он да не пьет, голубчик мой, за мной, молодой, шлет
[Великорусские народные песни, 1896, с. 216-222].

Как можно судить, Салтыков не сознательно переделывал текст песни, а просто ошибся при цитировании, и причина этой

ошибки – сочетание «пить не пьет», которое повторяется практически во всех вариантах.

Последняя песня в процитированном выше фрагменте – «Уж как пал туман». Комментаторы считали, что она впервые была опубликована в 1810 г. [Новейший и полный российский песенник, 1810, с. 169]. Однако песня «Уж как пал туман» была хорошо известна в печати с XVIII в. [Чулков, 1773, с. 427-428], и авторскую переработку ее опубликовал Н.А. Львов [Львов, 1791, с. 341-342; Милюгина, 2008, с. 181-182].

Легко заметить, что движение от песни «Дороженька» к песне «Исполать тебе, зеленому кувшину» напоминает в известной степени рассказ Тургенева «Певцы». После исполнения Яковом Турком «Дороженьки» рассказчик говорит: «Я еще раз взглянул на Якова и вышел. Я не хотел остаться – я боялся испортить свое впечатление <...> Долго я не мог задремать; долго звучал у меня в ушах неотразимый голос Якова... <...> из недалекого, ярко освещенного кабака неся нестройный, смутный гам, среди которого, мне казалось, я узнавал голос Якова. Ярый смех по временам поднимался оттуда взрывом. Я подошел к окошку и приложился лицом к стеклу. Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: всё было пьяно – всё, начиная с Якова. С обнаженной грудью сидел он на лавке и, напевая осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песню, лениво перебирал и щипал струны гитары» [Тургенев, Сочинения, 1979, с. 223-224]. К этой параллели мы еще вернемся.

Пение сопровождает героев повести «Жених» и далее: «В этот же день, когда Рогожкин, возвратившись из двухчасового отпуска, начал петь “Не березонька с березкой свивалася”, Махоркин бросился на него как иступленный и зажал ему рот, но потом как будто очнулся, отошел от него и, сказав: “Пой!” начал слушать стоя. Но когда дошло до стиха: “Ты прощай, прощай, моя любушка”, то Махоркин вдруг повалился всей тушей на кровать, и захватывающие душу рыдания огласили в первый раз домик Шумиловой» (4, с 33).

Достаточно редкая песня «Не березонька с березкой свивалася» не прокомментирована в Собрании сочинений. Впервые она была опубликована в 1821 г. в адресованном «милым девушкам и любезным женщинам» «Новейшем туалетном песеннике» [Новейший

туалетный песенник, 1821, с. 173; Великорусские народные песни, 1899, с. 388]. Но цитируемая строчка «Ты прощай, прощай, моя любушка» взята из второй публикации песни в книге А.В. Терещенко «Быт русского народа» (1848). В публикации 1821 г. эта строка читалась иначе: «Ты прости, прости, моя любушка, моя белая лебедушка!». Приводим текст песни, вызвавшей столь бурную реакцию героя:

Не березонька с березкой свивалася,
 Не девушка с молодцом совыкалася;
 Совыканьице было с дружкой тайное,
 Расставанье же с дружкой было явное.
 Отъезжает мой любезный во путь во дороженьку;
 Хоть не в дальнюю, любезный! Жаль мне и тошненько.
 Он запел, мой дружочек, запел с горя песенку:
 – Ты прощай-ка, прощай, прощай, моя любушка!
 Ты прощай-ка, моя сизенька голубушка!
 Наживай-ка ты себе дружка иного –
 Буде лучше наживешь, меня позабудешь;
 Буде хуже наживешь, меня вспоманешь.
 Приезжай-ка, мой любезный, жить-то мне тошненько.
 Надорвется живот, живот и сердце плачут,
 Все тебя, мой друг, дожидают!
 Со восточныя, мой милой, со сторонушки,
 Со любезныя пути-дороженьки [Терещенко, 1848, с. 334]¹.

Книга А.В. Терещенко, написанная с позиций «официальной народности», была явлением массовой культуры, уже в то время спекулировавшей на интересе к народности. По поводу этой книги К.Д. Кавелин написал резко отрицательную и, в целом, совершенно справедливую статью, которая стала первой попыткой разработки этнографического материала в России. Статья была напечатана в 1848 г. в журнале «Современник», и Салтыков несомненно читал ее.

В следующих двух эпизодах повести «Жених» песни характеризуют не героя как такового, а определенные его состояния.

¹ При цитировании этой песни мы восстанавливаем нарушенное у А.В. Терещенко деление песни на строки, что мешало адекватному восприятию ее.

Один из важных матримониальных эпизодов сопровождается пением народной песни, на этот раз – видимо, Махоркиным: «Однажды и сам Порфирий Петрович, пересчитывая ночью деньги, слышал, как некто ходил по тротуару около его дома и пел:

Во поле березонька стоя-а-а-ла,
Во поле кудрявая стоя-а-а-ла.

И так как в это время к Тисочке сватался шестидесятилетний ассессор казенной палаты Чигунов, то Порфирий Петрович не без основания заключил, что слова песни

Встань ты, старый черт, проснися!
Борода седая, пробудися!

– относятся не к чему иному, как к оскорблению чести вышереченного Чигунова» (4, с. 34).

Здесь цитируется песня «Во поле березонька стояла», которая впервые была опубликована Н.А. Львовым в 1790 г., но у Львова обращение к мужу звучит более мягко: «Встань ты, мой старой, проснися», а текст отличается от цитируемого в повести [Собрание народных русских песен с их голосами, 1790, № 6; Собрание русских народных песен с их голосами, 1806, № 6]. Ясно, что эту популярную песню Салтыков слышал и в устном исполнении. Как и предыдущая песня «Не березонька с березкой свивалася», песня «Во поле березка стояла» выполняет сюжетную функцию, развивает события и показывает отношения героев друг к другу.

Наконец, в кульминационный момент повести Махоркин, слушая песни, переживает потерю Тисочки: «Рогожкин начал петь и пел в этот раз действительно удачнее обыкновенного. Он чувствовал, что в эту минуту он обязан употребить нечеловеческие усилия, чтоб удовлетворить своего господина. Пел он песни всё грустного содержания: про старого мужа-негодая, который “к устам припадает, словно смолой поливает”, про доброго молодца, приезжающего, с чужой дальней сторонушки, на могилу своей красной девицы, своей верной полюбовницы.

Расступись ты, мать сыра-земля!
Ты раскройся, гробова доска!
Пробудись ты, душа-девица!
Ты простися с добрым молодцом,

С добрым молодцом, другом милым,
С твоим верным полюбивником» (4, с. 55-56).

Песня «про старого мужа-негодяя, который “к устам припадает, словно смолой поливает”» – это вариант песни «Во поле береза стояла»:

Невызревшей рябинушки
Нельзя заломать,
Не выросшей девушки
Нельзя замуж взять.
Я пойду, рябину заламаю,
Сделаю я два гудочка,
Стану я старого будити...

Далее сюжет песни развивается, как и в песне о березе. Завершается она противопоставлением «старого мужа» и «ревнюшки» (ревнюшки):

Стар муж на руку ложится,
Словно колода валится,
Ревнюшка на руку ложится
Легче пера ли лебединого;
Старый муж к устам припадает,
Словно смолой поливает,
Ревнюшка к устам припадает,
Словно медом поливает [Рыбников, 1864, с. 453-454].

Сейчас трудно объяснить, почему Салтыков написал, что эта песня «грустного содержания»: в современной классификации необрядовых песен она относится к частым, плясовым, высмеивающим «старого мужа», при пении совершаются игровые действия, которые иллюстрируют содержание. Более того, мы не можем установить, была ли напечатана эта песня до повести «Жених». Как и в других случаях, можно предположить, что Салтыков слышал песню в живом бытовании, но включал в свой текст те, которые уже были использованы в литературе.

Песенную цитату «Расступись ты, мать сыра-земля!..» комментаторы идентифицируют как «заключительные строки песни «Как по матушке, по Неве-реке» (Собрание разных песен. М.Д. Чулков. СПб. 1770, ч. II, № 177)» (4, с. 527). Между тем самый близкий вариант мы находим в собрании Н.А. Львова:

Расступися ты, мать сыра земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица,
Ты простись со мной с добрым молодцом,
С добрым молодцом с другом милым,
С твоим верным полубовником [Собрание народных русских песен с их голосами, 1790, № 22; Собрание русских народных песен с их голосами, 1806, № 22].

Итак, мы видим, что подбор песен не может свидетельствовать о фольклористических пристрастиях Салтыкова. Первое и самое очевидное назначение песен – создать образ героя, который через эти песни осознает свою любовную неудачу. У Махоркина нет своего языка, чтобы выразить любовные чувства, и он прибегает к песне как языку массовой культуры. При этом Махоркин в основном только слушает песни, он сам даже с их помощью не может передать свои чувства и, только слушая песни, усваивает язык чувств¹.

Вместе с тем, как мы заметили, большинство песен, выбранных Салтыковым для характеристики своего героя, уже были использованы в литературных и публицистических произведениях. Можно сказать, что эти песни были растиражированы литературой и стали обиходными обозначениями собственно народной песни, хотя не все они народные по своему происхождению. Это своего рода массово узнаваемый сигнал народности.

2. Комментарий к посвящению

Народность была предметом внимания и теоретиков «официальной народности», и славянофилов, и западников. Вопрос о народности в данном случае актуален потому, что повесть «Жених» посвящена И.В. Павлову, которого С.А. Макашин [Макашин, 1972, с.

¹ Мы не анализировали еще две песни: «песню о чижики» (4, с. 45), которую «барабанит по коленке» Порфирий Петрович, и песню «Я вечер в саду, младшенька, гуляла», которую вспоминает Вологжанин (4, с. 37). Обе эти песни могли бы стать предметом специального разыскания.

147-161], а вслед за ним и другие авторы называли славянофилом, хотя почти никто не уделял ему специального внимания¹.

Обычно пишут, что Иван Васильевич Павлов (6.04.1823, Мценский у. Орловской губ. – 1904) – врач, литератор, близкий знакомый Герцена, Тургенева, Салтыкова и многих других деятелей литературы середины XIX в. Но остальная информация о Павлове требует тщательной проверки. Например, во всех справках сообщается, что А.И. Герцен назвал Павлова «замечательно умным молодым человеком». Но в дневнике Герцена 29 ноября 1844 г. читаем: «Встретил, в числе слушателей Глебова, одного замечательно умного молодого человека и с горестью наглазно измерил, сколько свободного и благородного задавили в нас опыт и гонения. Этот молодой человек открыто, прямо говорит свои убеждения, не кастрируя каждую мысль, не оглядываясь воровски». В примечании к этому фрагменту комментаторы пишут: «Вероятно, Герцен имеет в виду Ивана Васильевича Павлова. Павлов Иван Васильевич, студент Московского ун-та в начале 40-х годов, друг М.Е. Салтыкова» [Герцен, 1954, с. 390, 480]. Таким образом, нет оснований утверждать, что речь идет именно о Павлове, но составители биографических справок забывают слово *вероятно*.

Павлов родился в дворянской семье в Мценском уезде Орловской губернии (в литературе встречаются два указания на принадлежавшее ему имение: либо Шишкино, ныне деревня Большекуликовского с/п, либо Уптуха, ныне железнодорожная станция, на р. Уптухе), учился в Дворянском институте, откуда в 1838 г. вместе с Салтыковым был переведен в Царскосельский лицей. Но 15-тилетний Павлов был зачислен на XII курс, Салтыков же, которому шел только 13-й год, стал воспитанником XIII курса. В лицее Павлов пережил увлечение идеями М.В. Буташевича-Петрашевского, что, возможно, отразилось на его поведении, и весной 1842 г. он был исключен из лицея за какой-то «дерзкий поступок» [Макашин, 1949, с. 98–101, 441]. Осенью того же года он поступил в Московский университет, где учился сначала на естественнонаучном отделении

¹ Наиболее обстоятельный очерк жизни и творчества Павлова см.: [Мостовская, 1982]. См. также Указатели имен [Макашин, 1949; Макашин, 1972].

философского факультета, а потом на медицинском факультете. В университете Павлов сблизился со своими земляками П.И. Якушкиным, М.А. Стаховичем, П.Г. Заичневским, Н.К. фон Рутценом. В университет он поступил, потому что не завершил курс обучения в лицее, но выбор профессии непонятен и похож на вызов обществу. Герцен, положим, тоже изучал медицину, но врачом становиться не собирался. Русские дворяне в 1840-е гг. не часто поступали в университет для получения медицинского образования. Однако Павлов сделал этот выбор вполне сознательно, причем в возрасте, когда его современники оканчивали обучение, в 19 лет, по тем временам вполне зрелым человеком. Учась в университете, Павлов вошел и в литературные круги.

В дневнике Герцена мы находим две записи, в которых Павлов назван вполне определенно. Первая запись от 16 декабря 1844 г.: «Вспомнил мысль, резко высказанную Павловым (студентом). Он называет всемирный процесс химизмом, двуначальный химизм неорудной природы и многоначальный – орудной; так что последний результат – мышление и человек. Человек – высшее равновесие и взаимодействие составных радикалов, малейшее неравновесие – животное, ряд неравновесий – ряд животных; прочность покупается степенью понижения, например, амфибии, устранение слабости дает крепость, приближающую к минералу, и пр.» [Герцен, 1954, с. 396]. Вторая запись относится к 13 февраля 1845 г.: «Иван Васильевич Павлов рассказывал, как были приняты студентами мои статьи в “Отечественных записках”, – признаюсь, мне было очень весело слышать, большей награды за труд не может быть. Юноши тотчас оценили, в чем дело, и гурьбою ходили в кондитерские читать. Грановский пользуется между студентами чрезвычайным авторитетом, для них – мера, к которой прикидывают других профессоров» [Герцен, 1954, с. 404]. Эти записи показывают Павлова как молодого материалиста, который, подобно самому Герцену, ориентирован на философское осмысление явлений природы. В первой записи Герцена очень примечательно слово *резко*: оно означает и ‘резко определенно’, и ‘прямо, грубо’. Судя по всему, Павлов сознательно говорил и поступал резко определенно и резко без деликатничания.

Летом 1845 г. семья Герцена жила на даче в подмосковном селе Соколове. Сам Герцен в дневнике не упоминал Павлова в числе своих посетителей, но П.В. Анненков писал: «В середине лета подмосковное село это образовало нечто вроде подвижного конгресса из беспрестанно наезжавших и пропадавших литераторов, профессоров, артистов, знакомых, которые, видимо, все имели целью перекинуться идеями и известиями друг с другом». Вслед за этим, назвав И.И. Панаева и Н.А. Некрасова, Анненков пишет: «Затем Ив. Вас. Павлов, здесь впервые мною и встреченный и поражающий оригинальной грубостью своих приемов, под которыми таилось у него много мысли, наблюдения, юмора и т.д.» [Анненков, 1983, с. 257-258]. Сам Павлов в письме к А.И. Малышеву от конца июня 1845 г. рассказывал о пребывании Некрасова в Соколове: «У Герцена мы нашли Некрасова и попойку. Мы с Некрасовым забавляли честную компанию похабными анекдотами и песнями. Мои глубокие познания по этой части поразили всех! В особенности Некрасов был восхищен и беспрестанно приговаривал: “Нет, этого-то я уж не знаю”» [Баландин, 1969, с. 45]. После этого Некрасов в середине июня жил несколько дней на квартире Павлова в Москве и весьма откровенно рассказывал о своих холостяцких похождениях [Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова, 2006, с. 182-183]. В июне 1845 г. между Павловым и Герценом происходит какой-то конфликт, а 13 августа Павлов сообщает Малышеву, что окончательно разошелся с Герценом [Летопись жизни и творчества А.И. Герцена, 1974, с. 340-341, с. 342].

По окончании в 1850 г. Московского университета Павлов получил звание уездного врача и был определен на службу в Оренбург, врачом к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В.А. Перовскому. Об оренбургском периоде его жизни мы знаем только, что Павлов, по воспоминаниям К.И. Герна, ходатайствовал перед В.А. Перовским об облегчении участи ссыльного Т.Г. Шевченко [Т.Г. Шевченко, 1898]. В Оренбурге Павлов служил недолго, и уже в конце 1853 г. по собственной просьбе был переведен окружным врачом в Орловскую губернию. Выехал Павлов в Орел с женой

Надеждой Николаевной (урожденной Павловой) и двумя детьми [Оренбургская Шевченковская энциклопедия]¹.

Живя в Орле, Павлов знакомится и сближается с И.С. Тургеневым, на которого производит, видимо, сильное впечатление. Во всяком случае, в формулярном списке действующих лиц романа «Отцы и дети» Тургенев писал о Базарове: «В университете занимался естественными науками, философией. Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного – работящ. – (Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского.)» [Тургенев, 1986, с. 566]. Сохранившаяся переписка Павлова с Тургеневым относится к периоду издания газеты «Московский вестник». Особо следует сказать о конфликте 1861 г. между Тургеневым и Н.А. Основским, который вместе с Павловым издавал «Московский вестник»². П.В. Анненков вспоминал: «Как удивились приятели Тургенева, рассчитывавшие на его поддержку в их расчете с Основским, когда получили от него формальный отказ участвовать в каких-либо заявлениях и протестах против издателя, нанесшего такой ущерб ему и погубившего целое предприятие! В числе негодующих тогда находился один из заимодавцев Основского и горячий энтузиаст самого Тургенева, которого он называл основателем русского женского Олимпа, населенного богинями непогрешимой нравственной чистоты и прямой, неуклонной воли, – именно известный умный, даровитый писатель Иван Вас. Павлов. Г. Павлов разорвал дружелюбные сношения с Тургеневым, не понимая, как можно потворствовать явному нарушению своих обязанностей и покрывать их молчанием и своим именем» [Анненков, 1983, с. 454].

Наконец, в орловский период Павлов сближается с П.В. Киреевским и становится его врачом в предсмертные дни. Видимо, он первым установил смертельный характер болезни, и В.А. Елагин писал в дневнике: «21-го Павлов объявил, что он опасен. 22-го <доктор> Майдель требовал консультации, сказал об этом самому больному» [цит. по: Литературное наследство, 1968, с. 70-73]. Павлов же описал и

¹ У И.В. Павлова был, видимо, брат Николай Васильевич, которому принадлежала деревня Лыково, 15 дворов, 141 душа [Агошков, 2012].

² См. комментарий к «Письму к издателю <“Колокола”>»: [Тургенев, 1988, с. 63]; см. также: [Мостовская, 1982, с. 145-158].

последние дни П.В. Киреевского в письме к А.И. Малышеву. Для нашего представления Павлова эти фрагменты стоит напомнить. Письмо не датировано, но написано, судя по содержанию, после смерти Киреевского. Павлов характеризует Киреевского как главу славянофилов, но при этом из славянофильства как движения изымается практически всё специфически славянофильское: «Славянофилы – немецкие дети слепорожденные, а от немецкой золотухи у них нос заложило, они обонять русской народности не могут, они вертят в одном кругу <...> они похожи на ту гоголевскую барышню (в “Портрете”), которая, увидев изображение дворника, восклицала с снисходительным восторгом и умилением: “Ах, мужичок! мужичок в русской рубашке!” Понимают они мужичка столько же, сколько и эта барышня, но снисходительность у них заменяется безусловным поклонением. Поклоняются же они ими же самими вымышленному идеалу и как истый сумасшедший оскорбляются всяким напоминанием о действительности <...> Я не даром назвал их слепорожденными... Славянофилы все консеквентные немцы, тупоумные вольфы <...> Лейбником же был у них человек необыкновенный, малоизвестный в печати <...> человек, который был моим другом и наставником. Октября 26 дня его не стало! Уходила его, в моих глазах уходила отвратительная славянофильская семья... Ты, конечно, догадываешься, что я говорю о Петре Васильевиче Киреевском. Знаешь, Андрюша, каково я чадушко? И что значит иметь на меня влияние?.. И на меня – мужа развитого и укоренившегося – Петр Васильевич имел страшное влияние! Нравственное обаяние этого человека было неописанно... Пятна не было на душе его. <...>

Петр Васильевич ничего и не печатал, говорил мало, с запинкой и заиканием. Как же эти слепорожденные могли видеть главу своего, когда все они бойко говорят и пишут и стихами погромычивают? Мы-де сами. Ты, я думаю, от меня первого слышишь, что не Иван, а Петр есть истинная глава славянофилов» [цит. по: Баландин, 1969, с. 106].

Судя по этому письму, Павлов понимает славянофильство как интерес к народной жизни и жизнь интересами народа, и этой второй составляющей он не видит у известных ему славянофилов. Славянофильство же как теоретическое, головное построение он отвергает.

Высшая точка литературной деятельности Павлова пришлось на 1859–1861 гг., когда он стал одним из редакторов и издателей еженедельной политической и литературной газеты «Московский вестник». Фактически же Павлов руководил газетой, где печатался под псевдонимами, в которых соединял свои профессиональные занятия лекаря и название своей усадьбы Оптухи (Л.; Лекарь Оптухин; Оптухин Л.; Оптухин) [Масанов, 1960, с. 355]. В «Московском вестнике» сотрудничали Тургенев, Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.И. Лажечников, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, Б.Н. Алмазов, И.К. Бабст, М.Н. Лонгинов, А.Н. Плещеев. Наиболее активно переписывался Павлов с Тургеневым: обсуждал программу газеты [Тургенев, Письма, 1979, с. 345], отдельные произведения [Тургенев, 1980, с. 19, 184]. Тургенев обращался к Павлову как к врачу [Тургенев, 1980, с. 108], а лейтмотивом его писем были слова: «Очень бы хотелось Вас видеть и побеседовать с Вами»; «мне очень хочется видиться с Вами и потолковать о многом – перед моим отъездом в чужие края» [Тургенев, 1980, с. 29, 39].

Итак, собранный материал представляет Павлова как человека, которого можно определить словом *нигилист*. Но он нигилист не в том политическом значении, какое это слово получило под пером Д.И. Писарева, а в том классическом значении, которое сближает его со словом *киник*: парадоксальное злоречие, внешне грубое и якобы жестокое остроумие и радикальное настроение. Это был характер, который вскоре признали знаменем времени, социальным типом. Всё это следует учесть, возвращаясь к анализу повести Салтыкова «Жених».

3. Салтыков и повесть «Жених»

Теперь, наконец, следует свести вместе два эти вопроса: вопрос о фольклоризме повести и о посвящении ее Павлову. В 1840–1850-х гг. главными пропагандистами народной песни были славянофилы разных поколений и идеологических оттенков. Они не только профессионально собирали, изучали и пропагандировали народные песни, но и «непрофессионально» выражали эту любовь пением, что особенно было распространено среди молодого поколения, особенно в кружке «молодой редакции» «Москвитянина»

[Баландин, 1969, с. 47]. Аполлон Григорьев с гитарой, поющий Третий Филиппов, который запомнился не одному А.Ф. Писемскому (Тертиев в романе «Взбаламученное море»)¹, – вот самые очевидные и самые яркие примеры.

С нашей точки зрения, повесть «Жених» представляет собой пародию на славянофильское песенное аматерство. Любовные томления капитана Махоркина можно было бы изобразить и без многочисленных народных песен. Следовательно, этот народно-песенный репертуар имеет самостоятельное значение. Салтыков снижает увлечение народной песней, свойственное дворянским кругам, далеким от народной жизни, и в этом состоит смысл включения народной песни (и собственно фольклорной и, как мы сказали бы теперь, массовой) в состав повести.

На этом фоне особое значение приобретает переписка Салтыкова с Павловым, фрагменты которой известны благодаря перлюстрированным копиям. Павлов, судя по всему, почти не общался с Салтыковым после выхода из лица, и первые шаги к возобновлению знакомства сделал, скорее всего, сам Салтыков, который освободился от принудительного служения в Вятке и искал службы в других городах в центре России. Первое из известных писем принадлежит Павлову и послано из Орла 13 августа 1857 г. В это время уже появились в печати первые рассказы из цикла «Губернские очерки», и Павлов активно использует образную систему Салтыкова. Но речевая манера у Павлова совершенно специфическая, незаемная:

«Гувернантки бывают с музыкой и без музыки, и дураки тоже бывают с музыкой и просто дураки. Тип дурака с музыкой – это граф Дмитрий Андреевич Толстой. <Н.П.> Вульф – дурак без музыки. Эти гораздо сноснее, потому что безвреднее. Его, вероятно, скоро сделают губернатором. Губернатор же наш <В.И. Сафонович> – это тип, какого в твоих очерках не встречается. Это петербургский понатершийся холуй, который, в сущности, гораздо бессовестнее Порфирия Петровича, но за веком следует: грабит не через правителя канцелярии, а через темного и грязного столоначальника губернского правления Игнатьева, который хотя в так называемый свет и не

¹ О Т.И. Филиппове как исполнителе народных песен см.: [Тюрина, 2006, с. 141-150].

показывается, но имеет дома, рысаков, любовниц. Все это знают; но ведь это не перед глазами, а где-то там – в людской. На показ же держатся юные университетанты – правитель канцелярии и чиновники по особым поручениям, люди благороднейшие и смирные. Случалось ли тебе месяца два или три сряду раскладывать пасьянец одной и той же колодой второго разбора? Когда колода совсем засалится, она делается сносной, карты перестают липнуть, ими можно свободно орудовать, – колода перешла тогда в третий период засаленности. Второй период – самый ужасный! Ни стасовать, ни снять, ни карту выдернуть. Карты пристают и к рукам и одна к другой; ты грязь осылаешь, а на вид они будто чисты. Ко второму периоду засаленности принадлежат все петербургские холуи, рассылаемые на различные кормления по губерниям. И Михаил-Трофимычи и Пршикржецинские и Кржепржецинские – всё это второй период, самый отвратительный и неудобный для употребления. Наш Поганович (так зовет Сафоновича вся губерния) стоит во главе этих господ и стоит того, чтобы ты возвел его в „перл создания“. Я в последние четыре года много читал древних актов и пришел к следующему убеждению: сказание о призвании варягов есть не факт, а миф, который гораздо важнее всяких фактов. Это, так сказать, прообразование всей русской истории. “Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет”, вот мы и призвали варягов княжить и владеть нами. Варяги – это губернаторы, председатели палат, секретари, становые, полицеймейстеры – одним словом, все воры, администраторы, которыми держится какой ни на есть порядок в великой и обильной земле нашей. Это вся ваша 14-классная бюрократия, этот 14-главый змий поедучий, чудо поганое наших народных сказок. Змия этого выпустил Петр Великий на народность русскую за то, что она не укладывалась в рамки европейского государства. Только при помощи змия он одолел и сломал ее. Всё, что носит печать змия, обстоятельства поставлено во вражду с народностью и само по себе с нею враждует. Стоит администраторам официально признать какое-нибудь народное учреждение, так оно тотчас же опохабится в глазах народа. Главная опора змия – это крепостное право, в котором закон освящает эксплуатацию человека человеком, произвол, насилие и грабеж. Всякий варяжский администратор действует, следовательно, в духе закона. Оттого

бессильны все нападки на взяточничество: и капнистова “Ябеда”, и гоголев “Ревизор”, и твои очерки – увы! Пока по закону существует крепостное право, до тех пор в сплошной твердыне взятки даже и бреши нельзя сделать» [Неизданные и несобранные письма, 1959, с. 456].

Упоминаемые в письме Михаил-Трофимычи, Прикержецинские и Кржепржецинские заимствованы Павловым из рассказа Салтыкова «Неприятное посещение»: «Партию для его высокородия он <городничий> уж составил, и партию приличную: Михайло Трофимыч Сюртуков, окружной начальник, молодой человек, образованный и с направлением; ассессор палаты, Кшепшицюльский, тоже образованный и с направлением, и, наконец, той же палаты чиновник особых поручений Пшикшецюльский, не столько образованный, сколько с направлением. Все они согласны играть во что угодно и по сколько угодно» (2, с. 45). Порфирий Петрович – это заглавный герой рассказа в «Губернских очерках». И когда Салтыков называет этим же именем отца невесты в «Женихе», он, как представляется, возражает Павлову на его слова, что орловский губернатор Сафонович «гораздо бессовестнее Порфирия Петровича». Салтыков как бы утверждает, что новые черты, добавленные им в образ Порфирия Петровича, доказывают, что никого «гораздо бессовестнее Порфирия Петровича» на свете нет.

Салтыков отвечал Павлову 23 августа 1857 г., и отвечал по пунктам. Сначала – на неизвестный нам фрагмент письма Павлова, в котором шла речь о перемещении Салтыкова на службу в Орел: «Уж как бы хорошо было в Орел вице-губернатором, но вряд ли это может стать. Вульф известен и в министерстве не только как дурак, но даже просто как идиот. Да и это бы еще ничего, потому что глупость не только не мешает, но даже украшает губернаторское звание, как ты можешь убедиться, прочитав мою комедию “Просители”; но худо то, что у Вульфа протекции мало, вследствие чего он лишен всякой надежды на возведение в сан святительский. Участь Орла – претерпевать Вульфа до конца. Одно лишь средство есть: напустить на Вульфа бешеную собаку, чтобы она его укусила, и потом оставить его без врачебного пособия. С ума свести его нельзя, ну а взбесить, может быть, и можно. Да притом с таким губернатором, как теперешний, только и можно служить, бывши Вульфом. Ты представь себе меня на

месте Вульфа? Ведь бы горло перегрыз Игнатьеву, который, вдобавок, еще в губернском правлении и, следовательно, прямо под рукою вице-губернатора». Салтыков развивает принципы построения речи, предложенные Павловым, но при этом ссылается на свою комедию «Просители» из «Губернских очерков» в подтверждение той истины, что «глупость не только не мешает, но даже украшает губернаторское звание». Салтыков хочет сказать Павлову: я уже об этом написал.

Потом Салтыков отвечает на замечание Павлова, что в «Губернских очерках» нет такого типа, как В.А. Сафонович: «В моих “Богомольцах” есть тип губернатора, похожего на орловского. Ты представь себе эту поганую морду, которая лаконически произносит: “Постараемся развить”, и напиши мне, не чесались ли у тебя руки искровянить это гнусное отребье, результат содомской связи холуя с семинаристом?» (18-1, с. 178).

Наконец, Салтыков отвечает Павлову на гиперболический миф о варягах и разворачивает этот ответ гораздо пространнее, чем два предыдущих: «И вот каковы наши варяги! Не взяточничество страшно, а это торжественное признание себя холопом, это холуйское самодовольство, защищенное от палки недосыгаемостью запяток.

Твоим мифом о призвании варягов я намерен воспользоваться и устроить очерк под заглавием “Историческая догадка”. Изложу ее в виде беседы учителя гимназии с учениками.

В pendant к этому будет у меня история о том, как Иванушку-дурака за стол посадили, как он сначала думает, что его надувают и т. д. Выйдет недурно... <...>

Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития: а реформа-то Петра, ты видишь, какие результаты принесла. Господи, что за пакость случилась над Россией? Никогда-то не жила она своею жизнью: то татарскою, то немецкою. Надо в удельный период залезать, чтобы найти какие-либо признаки самостоятельности. А ведь куда это далеко: да и не отскоблишь слоев иноземной грязи, насевшей, как грибы, на русского человека» (18-1, с. 178-179).

Салтыков вновь стремится утвердить себя в глазах Павлова в качестве писателя: он напишет и очерк «Историческая догадка», и в пару к нему историю об Иванушке-дураке. Салтыков только входит в литературу, и, несмотря на зрелый возраст (тридцать один год), он еще не имеет стабильной литературной репутации. А Павлов – убежденный поклонник и близкий знакомый уже увенчанного читательским признанием Тургенева. Более того, Павлов – это только второй адресат Салтыкова из литературной среды (первым был А.В. Дружинин). Потому Салтыков настойчиво говорит: об этом я написал, об этом тоже написал. Салтыков ищет всякого рода опоры для своего литературного статуса, почему и посвящает журнальную публикацию рассказа «Богомольцы, странники и проезжие» из «Губернских очерков» С.Т. Аксакову, чье творчество, как писал Салтыков самому маститому писателю 31 августа 1857 г., повлияло на его произведение (18-1, с. 181-182). Впрочем, это посвящение Салтыков снял при перепечатке рассказа уже в сентябре 1857 г. в отдельном издании «Губернских очерков».

Признание Салтыкова, что он «сильно гнет в сторону славянофилов», нужно осмыслять не изолированно, а в контексте того мифа о призвании варягов, которое изложил Павлов. И мы еще к этому вернемся.

Свой ответ Салтыкову от 28 августа 1857 г. Павлов начал с той части письма Салтыкова от 23 августа, которая нам неизвестна и в которой говорилось о книге К.Д. Кавелина «Областные учреждения в России XVII века» (М., 1856): «Ну, об областных учреждениях. Где брали больше взятки – у нас или на Западе? Это бабка надвое сказала. Сотрудников “Вестника” сдуру пугает слово кормление... Да ведь воеводы жалованья-то не получали. Просим же мы теперь хорошего местечка, “чтобы жить было чем”. В русском народе существует исконный обычай платить как за административный и судебный акт чиновнику, так и за духовно-обрядовой священнику не огулом, а в разноту. Что ж тут дурного? Конечно, от необразования нашего всякий стремится захватить побольше. Но медики и до сих пор на таковом положении и во всем образованном мире. А что, братец, мне хочется об этом статейку тиснуть в “Современнике” – а? Помести, голубчик, постараюсь написать гладко. Главное дело, мне хочется провести ту мысль, что истинный родоначальник современного взяточничества

есть Петр I: 1) он завершил крепостное право своим указом о первой ревизии; 2) он уничтожил плату в разноту и стал платить от правительства гулом ничтожнейшее жалованье. Как будто труд не тот же товар, которому цену бог строит? Какой черт заставит меня продать рожь по рублю, когда ей цена четыре? Какой черт заставит секретаря гражданской палаты трудиться на 10 000, а получать только 500? Ведь это всё от тупости не понимается. Истинно ты прав, что – эпидемия. Что я буду за свинья, коли, совершая купчую, не заплачу за мастерство в составлении акта секретарю и надсмотрщику, а за чистую переписку канцелярскому, чтобы он мне дорогого листа не испортил? Что я буду за скотина, коли, желая взыскать с соседа за потраву моих земель, выпишу станového за тридцать верст по бездорожью и не заплачу ему за визит? Ты скажешь, что он по закону обязан. Да ведь это бессмыслица! И мужик по закону обязан для меня проливать кровавый пот. Это уж совсем “rag amou”, а чиновник почти “rag amou”, как полпивные бл.... Нелепо! Помести, голубчик, статейку... я напишу <...> Я Петра признаю за великого гения, а реформу его за временное политически необходимое объявление России на военном положении. В высшей степени нелепо продолжать военное положение целые века и еще нелепее видеть в нем альфу и омегу нашего исторического развития. Чтобы шагнуть от Нарвы до Полтавы, может быть, всё это и нужно было, да теперь-то не нужно! Это всё твой “Вестник” шелудит. Экая скотина!

Ежели бы Петр I теперь восстал от мертвых, он бы их всех палкой отдул. Видишь ли, для сплочения государства и расширения его до естественных географических пределов нужна была не только военная армия, но и армия штатская, этот четырнадцатоголовый змий поедучий, который, как всякая армия, не разделял бы интересов народа, а был бы душой и телом предан начальству. Ему и грабить было необходимо – это фуражирство. Но всё это на время, пока нужда была. Прошла нужда, армия распускается, расходы сокращаются. Одного, признаюсь, не понимаю – это треклятого прикрепления человека к земле. Неужели без него нельзя было обойтись? Мне кажется, об этом Петр не подумал, просто маху дал. За государством не видал человечества...

Так вот я какой антипетрист, понимаешь?» [Неизданные и несобранные письма, 1959, с. 459-460].

Павлов в этом письме просит Салтыкова помочь напечатать его статью в «Современнике», что комментаторы называют не вполне понятным, поскольку отношения Салтыкова с журналом Некрасова летом 1857 г. только формировались. Но стоит соотнести активную переписку Салтыкова с Павловым и сдачу в «Современник» повести «Жених», посвященную тому же Павлову, как всё становится совершенно ясным: и время работы над повестью, и причины посвящения ее Павлову. Если нижняя граница работы определяется временем цензурного разрешения (30 сентября), то верхняя граница – это время общения с Павловым. Именно в активном общении с ним и была написана повесть. И Павлов, судя по этому письму, знал о том, что Салтыков пишет нечто для «Современника» по предложению самого Некрасова, потому и просил его о протекции.

Салтыков отвечал Павлову на его письмо 15 сентября 1857 г.:

«Вот ты ругаешь Петра за крепостное состояние и за бюрократию, однако ж и оправдываешь его обстоятельствами времени; а я так и того не делаю, а просто нахожу, что это был величайший самодур своего времени. Если бы он видел только временную необходимость в четырнадцатиглавом змие, то понимал бы, что всякое осадное состояние когда-нибудь снимается же; а он нас обрек на вечное рабство или вечную революцию. Маху давать в таком деле нельзя, и я нахожу, что настоящее положение дела есть не что иное, как логическое развитие мысли Петра. Вспомни, что он учредил наших преторианцев, которые полвека глумились из Петербурга над Россией, возводя то браунгшвейгцев, то голстинцев.

Нет, воля твоя, а таким образом нельзя благодетельствовать отечеству. Петру просто по нраву пришлись заморские обычаи, а он и ну гнуть в эту сторону, благо материал попался способный. Слова нет, хороши обычаи, но ведь они слились бы с нами естественным порядком, и тогда бы не было того странного раздвоения, которое теперь в России» (18-1, с. 183-184).

В принципе, Павлов и Салтыков трактуют личность и историческое значение Петра I достаточно сходно. Только Павлов, как обычно бывает, виляет между альфой и омегой, стремясь быть объективным. С одной стороны: «За государством не видал

человечества»; а с другой: «Я Петра признаю за великого гения, а реформу его за временное политически необходимое объявление России на военном положении». Салтыков же радикально отказывает в величии политическому деятелю, который построил свои реформы на нарушении прав человека. Салтыков не стремится к исторической «объективности», потому что эта «объективность» приводит к оправданию «величайшего самодура своего времени». Радикализм Салтыкова и метание между *да* и *нет* Павлова очень скоро разведут бывших единомышленников. И именно радикальное неприятие деятельности Петра, утвердившего личную зависимость человека от государства, и сблизает Салтыкова в конце 1850-х гг. со славянофилами. Не положительная программа славянофильства была близка Салтыкову, а критическая оценка деятельности Петра и оценка современного состояния России как следствия петровских реформ. Макашин писал, что, «не разделяя общей исторической концепции славянофилов, Салтыков отчасти усвоил из нее отрицательную оценку деятельности Петра I и его реформ» [Неизданные и несобранные письма, 1959, с. 454]. Но главное отличие нашей трактовки проблемы от утверждения Макашина состоит в том, что Салтыков не усваивал ничего и ни от кого, но у других авторов он находил близкое, родственное ему, и потому мог говорить: «...я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития». Это не учеба у славянофилов, а объединение со сходной идеологической позицией. И.С. Аксаков на вопрос А.С. Суворина об этом «славянофильском» признании Салтыкова писал 2 октября 1884 г.: «То, что вы сообщаете о Салтыкове, – меня не удивляет. Он был в приятельских отношениях в те годы со мной и с братом, навещал покойного отца и близок был к нашему направлению» [Письма русских писателей к А.С. Суворину, 1927, с. 20]. Но это, разумеется, ничего не объясняет. Салтыков был на самом деле «в приятельских отношениях», но не с Константином, а только с Иваном Аксаковым, он на самом деле «навещал покойного отца» их, но никакой близости во взглядах у него с ними не было.

Славянофильские замашки не были свойственны и издателям «Московского вестника», о чем свидетельствует одно недатированное

письмо Павлова к Основскому: «Сейчас получил письмо из Петербурга. Чернышевский с радостью взялся написать нам несколько статей, только с тем условием, чтобы никто из славянофилов у нас не участвовал. Моя статья ему очень понравилась» [цит. по: Письма русских писателей к А.С. Суворину, 1927, с. 20]. Желание Чернышевского сформулировано так, что не возникает никаких сомнений в том, что Основский и Павлов разделяют его позицию. Сходство же позиций Павлова и Салтыкова мы уже выявили.

Павлов и Салтыков в силу своей ученической близости настолько доверяли друг другу, что позволяли себе в переписке вольности на грани допустимого, как теперь можно было бы сказать – на грани фола. Вообще о письмах Павлова можно сказать вслед за А.Н. Плещеевым: «Анекдотов в этом письме бездна и преуморительных; вообще всё письмо написано чрезвычайно юмористически и зло. На это он мастер...» (письмо к В.Д. Дандевиллю от 18 января 1854). Это свойство он сохранил до конца жизни, и Плещеев в 1885 г. писал: «Очень постарел “физически”, но нравом всё тот же, и несмотря на свое “генеральство” ни на волос не чиновник; и всё такой же юморист и анекдотист; и такой же охотник до необычайных рифм» [Литературный архив, 1961, с. 216, 265]. Точно так же можно сказать и о Салтыкове, который принял эту манеру частной переписки и развил ее в своих «мушкетерских письмах» [Строганова, 2013, с. 28-52]. Можно даже предположить, что первые «мушкетерские письма» Салтыкова были адресованы тому же Павлову, который в период подготовки «Московского вестника» писал Основскому 13 октября 1859 г.: «Очень хорошо чувствую, что вся штука в названии статей, которыми можно похвастаться в приличном объявлении, и потому предупредил твое желание: Салтыкову написал напрямик: “Сообща название”. А Ивану Сергеевичу послал твое объявление и копию с прилагаемого сокращения... <...>

Посылаю тебе салтыковское письмо... Разделение генералов забавно. Ежели Иван Сергеевич и действительно генерал-инкогнито, то ему позволительно: из пишущей братии кто же ему по колено подходит? А в Салтыкове, как видишь, говорит болезненное самолюбие. Письмо его, пожалуйста, никому не показывай» [Неизданные и несобранные письма, 1959, с. 461]. Судя по этим словам, Салтыков написал нечто остроумно-злое о Тургеневе как

литературном «генерале-инкогнито», но Павлов, считавший, что «из пишущей братии» никто ему «по колено» не подходит, оценил это письмо как проявление «болезненного самолюбия».

Салтыков, можно сказать, учился у Павлова злой и язвительной речи, которая у него самого в конце 1850-х гг. только формировалась. Когда политические пути бывших единомышленников разошлись, Салтыков в публицистическом цикле «Наша общественная жизнь» (сентябрь 1863 г.) писал о Павлове так, как будто не был знаком с ним лично: «В газете “День” некто г. Оптухин, малоархангельский обыватель, весьма язвительно назвал поляков “коллективную Мариной Мнишек”, готовою из-за почестей разделять ложе с кем угодно, и изъявил предусмотрительную надежду, что ежели на будущее время встретится надобность рекомендовать полякам посетить восточную Россию, то они будут размещаемы в тамошних крепостях отдельно от командированных туда же и для той же надобности русских, потому что, в противном случае, первые непременно заразят последних, и пойдет это у них “гей! надзея еще с нами!” и Мицкевичев краковяк». Салтыков цитирует здесь статью Павлова: «Не дай бог теперешней русской молодежи, где-нибудь в дальней восточной крепости, сойтись с новоконфирмованными и арестантами из поляков. Пойдет это опять: “Гей, надзея еще с нами” да Мицкевичев краковяк» [Оптухин, 1863]. Салтыков продолжает: «Это последнее замечание вызывает невольную улыбку гордости в русском читателе. В самом деле, как подумаешь, каких нет на свете смешных наречий и говоров! Возьмите, например, те же самые слова и переведите по-русски, выйдет: “да! надежда еще с нами!” ведь ничего! между тем по-польски... Господи! да одна эта ужасная “надзея” чего стоит! “Надзея”! ну-тко еще! “Надзея”! – ох, прах тебя побери! да тут животики от уморы надорвешь!» (6, с. 125). Салтыков не принимает чувство национального превосходства, тем более если оно выражается таким низкопробным способом. Но «коллективная Марина Мнишек» звучит как синоним появившейся позже в «Истории одного города» «опчественной кружки».

Эволюция Павлова после 1861 г., которая привела его к ряду охранительных выступлений во время польского восстания 1863 г., его участие в поздних изданиях славянофилов должно стать предметом

самостоятельного исследования. И оно для нас не менее интересно, так как, хотя сотрудничество Салтыкова с Павловым прекращается, личное общение продолжается до конца жизни Салтыкова. В частности, Павлову адресовано одно из «мушкетерских писем» от 27 ноября 1878 г. по поводу назначения Т.И. Филиппова на должность товарища государственного контролера: «Сидим мы с Унковским и удивляемся: как это ты так нерасторопен, братец! Третий вот уж с месяц как назначен, а ты и до сих пор с поздравлением не бывал! В прошлый сезон мы с ним в сибирку игравали, а нынче думаем: вот кабы Павлов приехал, он бы к нему съездил, а от него к нам, – всё бы хоть частицу аромата с собой принес» и т.д. (19-1, с. 89-90).

Повесть «Жених» – вовсе не такое слабое произведение, как это принято повторять. Салтыков искал новую манеру письма, которая выразилась прежде всего в гротескном образе Махоркина. Салтыков искал новые формы сатирического осмеяния искусственной любви к народу, для которого он использовал популярный песенный репертуар эпохи. Повесть «Жених» – это очень интересный эксперимент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агошков, В.И. Становой Колодезь. И.В. Павлов / В.И. Агашков. – [Электронный ресурс], – URL: <http://www.proza.ru/2012/04/09/2170>.

Анненков, П.В. Литературные воспоминания / П.В. Анненков. – М.: Художественная литература, 1983. – 694 с.

Баландин, А.И. П.И. Якушкин. Из истории русской фольклористики / А.И. Баландин. – М.: Наука, 1969. – 336 с.

Великорусские народные песни / Сост. А. И. Соболевский. – СПб.: Гос. тип., 1896. – Т. II. – XVI, 588 с.

Великорусские народные песни / Сост. А. И. Соболевский. – СПб.: Гос. тип., 1899. – Т. V. – XVI, 644 с.

Герцен, А.И. Собрание сочинений: В 30 т. / А.И. Герцен. – М.: АН СССР, 1954. – Т. 2: Статьи и фельетоны. 1841–1846. Дневник. 1842–1845. – 516 с.

Гришунин, А.Л. Примечания / А.Л. Гришунин // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Сочинения. Т. 3. – М.: Наука, 1979. – С. 487-493.

Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. – М.: Наука, 1974. – [Т. 1:] 1812–1850. – 612 с.

Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: В 3 т. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 1. – 581 с.

Литературное наследство. – М.: Наука, 1968. – Т. 79: Песни, собранные писателями. – 680 с.

Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – Т. 6. – 482 с.

Макашин, С. Салтыков-Щедрин: Биография. I / С. Макашин. – М.: ГИХЛ, 1949. – 512 с.

Макашин, С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов: Биография / С. Макашин. – М.: Художественная литература, 1972. – 600 с.

Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / И.Ф. Масанов. – М.: Книжная палата, 1960. – Т. 4. – 558 с.

Милюгина, Е.Г., Строганов, М.В. Гений вкуса. Н.А. Львов: Итоги и проблемы изучения / Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2008. – 278 с.

Львов, Н.А. Письмо к П. Л. Вельяминову / Н.А. Львов // Московский журнал. – 1791. – Ч. IV. – С. 98-99.

Мостовская, Н.Н. И.В. Павлов – корреспондент Тургенева / Н.Н. Мостовская // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Ред. М.П. Алексеев. – Л.: Наука, 1982. – С. 145-158.

Народные песни Вологодской и Олонецкой губернии, собранные Ф. Студитским. – СПб.: Тип. Бородина, 1841. – 116 с.

Неизданные и несобранные письма Салтыкова / Публикация С.А. Макашина // Литературное наследство. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 67: Революционные демократы. – С. 449-536.

Новейший и полный российский общенародный песенник... / Сост. А. Капустин. – М.: В Университетской тип., 1810. – XIV, 391 с.

Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин, или Собрание лучших песен с объяснением содержания и голосов оных и с присовокуплением приличных каждой

песни девизов в стихах: 3 ч. / [Сост. М.И. Маклаков]. – Орел: В типографии И. Сытина, 1821. – Ч. 3. – 244, VIII с.

Оптухин, Л. Письма из провинции / Л. Оптухин // День. – 1863. – № 31. – 3 августа. – 16 с.

Оренбургская Шевченковская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://kraeved.opck.org/biblioteka/enciklopedii/ose/p.php> (5.09.2015).

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Ред. М. Н. Сперанский. – М.: Общество любителей российской словесности при Моск. ун-те, 1917. – Вып. II. Ч. 1. – IV, 125 с.

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. – Петрозаводск: В губ. тип., 1864. – Ч. 3: Народные былины, старины, побывальщины и песни. – 460, LXXI с.

Письма русских писателей к А.С. Суворину. – Л.: Изд. Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, 1927. – 228 с.

Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашиным: В 3 кн. – М.: Тип. Селивановского, 1833. – Кн. 1. – 143 с.

Т.Г. Шевченко. Письмо К.И. Герна к М.М. Лазаревскому // Русский архив. – 1898. – Кн. 3. – № 12. – С. 550–555.

Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. – [СПб.]: Тип. Горного училища, 1790. – Ч. I. – XVIII, 192 с.

Собрание русских народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части: В 2 ч. – СПб.: Тип. И.К. Шнора, 1806. – Ч. I. – XII, 79 с.

Современник. – 1848. – № 9. – Раздел 3. – С. 1-49; № 10. – С. 85-139; № 12. – С. 95-138.

Строганова, Е.Н. «Мушкетерские» письма М.Е. Салтыкова / Е.Н. Строганова // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra, антология: Книга первая / Сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 28-52.

Терещенко, А.В. Быт русского народа / А.В. Терещенко. – М.: Тип. Военно-учебных заведений, 1848. – Ч. 4. – 335 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 3 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1979. – 526 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 12 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1986. – 814 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 3 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1979. – 702 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 4 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1980. – 767 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 5 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1988. – 640 с.

Тюрина, Н.В. Т.И. Филиппов и его собрание русской народной песни / Н.В. Тюрина // В.И. Симаков и народное творчество: Материалы и исследования: Вып. 3. – Тверь: Марина, 2006. – С. 141-199.

Успенский, Николай. Повести. Рассказы и очерки / Николай Успенский. – М.: ГИХЛ, 1957. – 655 с.

Цыганов, Н.Г. Ах, спасибо же тебе / Н.Г. Цыганов // Московский вестник. – 1828. – Т. XI. – № 18. – С. 100.

Цыганов, Н.Г. Стихотворения / Н.Г. Цыганов // Песни и романсы русских поэтов / Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.Е. Гусева. – М.; Л.: Советский писатель, 1965. – Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. – 1119 с.

Чулков, М. Собрание разных песен / М. Чулков. – СПб.: [Тип. Морского кадетского корпуса], 1773. – Ч. 2. – 256 с.

С.М. Шаврыгин¹

*Ульяновский государственный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова*

**«РЕКА» В СТРУКТУРЕ «НОВОГО ЯЗЫКА»
ЛИТЕРАТУРЫ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

«Река» как мифопоэтический образ и элемент «нового языка» литературы появилась в «Губернских очерках» и произведениях послевятского периода, сначала – как образ, связанный с гоголевской традицией и трансформированный в соответствии с мирозерцанием Салтыкова. Этот поэтический образ развивался на протяжении 1860-х годов и преобразовался в универсальный эсхатологический символ в «Истории одного города».

Ключевые слова: художественное пространство, мифопоэтика, образ, фантастика, метафора, символ, ирония, евангельские мотивы.

S.M. Shavrygin

Ulyanovsk State Pedagogical University

**“RIVER” IN THE STRUCTURE OF SALTYKOV-SHCHEDRIN’S
“NEW LANGUAGE” OF LITERATURE**

The «River» as the mythopoetic symbol and the element of the «new language of literature» appeared in Saltykov-Shchedrin's «Provincial Essays» and in the later works of the Vyatka period, first – as a poetic image associated with the tradition of Gogol and later as an image reinterpreted, transformed according to Saltykov's worldview. This poetic image developed during the 1860s and then was transformed into a universal eschatological character in «The History of a Town».

¹ Сергей Михайлович Шаврыгин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, старший научный сотрудник Регионального Центра по изучению наследия Н.М. Карамзина, sshavrygin@gmail.com.

Key words: Literature space, mythopoetics, image, fantasy, metaphor, symbol, irony, evangelical motives.

Село Спас-Угол, где родился М.Е. Салтыков, находилось в самом дальнем, «медвежьем углу» Тверской, Московской и Ярославской губерний, эта местность отнюдь не изобиловала водными богатствами. Вот какой концептуальный образ внешнего (географического) пространства сложился в сознании писателя и стал устойчивой пространственной моделью: «Равнина, покрытая хвойным лесом и болотами, – таков был общий вид нашего захолустья <...> Текучей воды было мало. Только одна река<...>, да и та неважная, и еще две речонки <...> Последние еле-еле брели среди топких болот, по местам образуя стоячие бочаги, а по местам и совсем пропадая под густой пеленой водяной заросли» (17, с. 10-11). Как видим, образов «текучей воды» в структуре этой модели нет, а если и есть какие-то «реки», и «речонки», то они стремятся к превращению в «стоячую» воду: топкие, вонючие болота, застойные бочаги, водяные заросли, совсем скрывающие водную поверхность. Поскольку понимание пространства строится на основе восприятия объектов внешнего мира, то отсутствие с детства такого важного пространственного элемента, как «река», соответственно и сформировало сознание будущего писателя. Пространственные модели его художественного мира тяготеют к одному типу: замкнутому, мрачному, почти безводному пространству, наполненному гниением и отравленному миазмами.

Даже попав в Петербург, Салтыков как бы не замечает того, что этот город наполнен водной стихией, природно и культурно связан с ней. В письмах к родным не проскальзывает даже намек на впечатление от огромной реки и вообще от водных пространств города. В «петербургских» повестях 1840-х гг., в частности, в повести «Запутанное дело», подробно выписанное «низовое» городское пространство резко отделено от какой-либо водной стихии. Вода льется на героев сверху в виде дождя в ненастную, промозглую осеннюю погоду – «меленькая, острая жидкость» (1, с. 203). Удивительно, как изначально сформированное пространственное представление писателя не впускает в себя новые реалии, стихию «текучей» воды. Эта мрачность превращается в замкнутость и

мрачность характера человека, а слякотная погода в мучения странствующего «во мраке грязи и невежества человечества» (1, с. 205), формируя совершенно особую философию жизни, свойственную персонажам Салтыкова и в целом его художественному миру.

Жизнь в Вятке, служба, общение с людьми разных сословий убедили Салтыкова, что «формы жизни существенно изменяются», но, чтобы захватить в себя всего человека, им нужен «новый язык»: темы, персонажи, образы, идеи. Об этом Салтыков писал в статье «Напрасные опасения» (1868), размышляя о состоянии современной беллетристики. Литература как средство пробуждения в обществе «самосознания и самостоятельности» должна идти за едва видимыми изменениями, вовлекать стихию жизни в круг мысли и чувства, а значит, должны поменяться «и ее симпатии, и те новые люди, которых она выводит на сцену, и тот новый язык, которым она начинает говорить» (9, с. 18). «Положение современной русской литературы можно сравнить с положением исследователя, которому предстоит уяснить совершенно новый вопрос. Отправной пункт найден, правильные приемы для исследования созданы, но в то же время материал, находящийся под руками, так разнороден и так мало подвергался даже поверхностной разработке, что проникнуть в ту сокровенную сущность, которую заключает в себе каждое звено его, составляет затруднение очень существенное». Литература «обязана обратиться прежде всего к исследованию именно этой грубой среды и принимать даваемый ею материал в том виде, как он есть, не смущаясь некрасивою внешностью и не отвращаясь от темных сторон...» Что дает литературе право на живучесть и силу? «Это – новые типы, которые она пробует выводить, это – новое дело, о котором она говорит, это – новый язык, с которым она нас знакомит» (9, с. 13-23).

Впервые Салтыков попытался как-то объединить разнородный жизненный материал, проникнуть в его сокровенную суть в «Губернских очерках», поставил своей задачей привить вкус читающей публики к новому материалу, рассказанному новым языком. Ощущение необходимости обновления пришло к писателю в период высылки в Вятку. Путь к вынужденному месту жительства оказался тем водоразделом, который поделил жизнь на «до» и «после». Осознание необратимости случившегося пришло в дороге: «Помню, что когда мы въехали в эту неприсветную лесную полосу, я как будто

от сна очнулся, и в голове моей ясно мелькнула мысль: да! это так! <...>Я понял, что все это не сон <...> Не таинственным миром чудес глянули на меня леса макарьевские и ветлужские, а какую-то неприветливо пошло-отрезвляющею правдою будничной жизни <...> Мне казалось, что здесь, на этом рубеже, я навсегда покинул здание мысли, любви и счастья...» (7, с. 345-346). Понимание этого «рубежа» стало даже более сильным переживанием, чем «горькие дни» ареста и пребывания на Адмиралтейской гауптвахте в ожидании решения императора, когда Салтыков не мог «еще достаточно собраться с мыслями» (18-1, с. 30) от внезапной перемены положения.

Физической пространственной границей отчуждения от прежней жизни стали не только северо-восточные непроходимые леса, но и река Вятка, произведшая маленький переворот в мирозерцании писателя: она ломала те пространственные модели сознания, которые были сформированы с детства. Обилие воды, прежде не воспринимавшееся Салтыковым, становится предметом рефлексии и источником образности, как в письме к А.Я. Гринвальд, которую он благодарит за дарованную ему дружбу и надеется на скорое возвращение в Петербург: «В ожидании будущего я обречен увеличивать воды Вятки потоками своих слез» (18-1, с. 33). Впечатление от большой «текучей» реки, составляющей пространственное целое с расположенным на ее берегах городом в скором времени, через семь лет, будет во многом определять пространственные границы художественного мира «Губернских очерков».

Это собрание очерков Салтыков считал действительным своим вступлением «на литературное поприще», и, хотя впоследствии он писал, что «пошел несколько вперед против “Губернских очерков”», именно здесь начал складываться «новый язык литературы», стали вырабатываться новые приемы и общие структуры, определившие зрелый стиль писателя.

Одной из таких новых поэтических структур стал образ «реки», открывающей глазу простор, величие и красоту окружающего ландшафта. Для самого Салтыкова это было ранее неизвестное и непривычное представление о пространстве, в его поэтической лаборатории естественно отсутствовали способы передачи этого

представления читателю. Именно поэтому образ реки в «Губернских очерках» имеет архетипическую природу и почти текстуально воспроизводит гоголевский образ Днепра из повести «Страшная месть». Непосредственное сходство двух описаний видно из сравнения.

Салтыков	Гоголь
«Перед вами река... Но ясна и спокойна ее поверхность, ровно ее чистое зеркало, отражающее в себе бледно-голубое небо с его миллионами звезд... » [2, с. 8]	«Чуден Днепр при тихой погоде <...> чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога , без меры в ширину, без конца в длину <...> Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда всё засыпает <...> Звезды горят и светят над миром, и все разом отдаются в Днепре ». [Гоголь, 1940, 1, с. 268-269]

Салтыков воспроизводит основные приемы гоголевской прозы: поэтический ритм (рваный хорей), основные мотивы (тишины и спокойствия, неподвижности, отражения) и метафоры (зеркало, звезды). Однако сходство на этом заканчивается, потому что функционирование обоих описаний совершенно разное.

По определению Ю.М. Лотмана, Гоголь строит «фантастическое», «сверхраспространенное пространство» [Лотман, 1992, с. 424], в котором граница заменена безграничностью, создает особую точку зрения, позволяющую охватить одним взглядом вселенную, наделяя пространственную модель разнообразным, в том числе и этическим содержанием. Масштаб добра и зла и их столкновения подчеркнут безграничностью художественного сверхпространства. Пейзаж усиливает ощущение колоссальности эпического противостояния. Потому и завершается гоголевское описание страшным бунтом Днепра: громом водяных холмов, их стоном и плачем, переходящем в человеческую трагедию. «Так убивается старая мать козака, вы провожая своего сына в войско. Разгульный и бодрый, едет он на вороном коне, подбоченившись и

молодецки заломив шапку»/ Он едет на битву с колдуном. Столкновение человеческого и демонического, праведного и грешного не только в мире, но и в самом человеке заложено уже в самой системе пространственных отношений. Два типа пространства у Гоголя разведены и противопоставлены: волшебное и бытовое. Однако персонажи, принадлежащие одному из пространств, могут перемещаться в другое и даже показываться попеременно то в одном, то в другом [Лотман, 1992, с. 424].

Салтыков при внешнем соблюдении гоголевской модели ее перестраивает. Описание реки во «Введении» переходит в бытовую сцену: «Но вот и берег. Начинается суматоха; вынимаются причалы; экипаж наш слегка трогается; вы слышите глухое позвякивание подвязанного колокольчика; пристегивают пристяжных; наконец все готово; в тарантасе появляется шляпа<...> А в городе между тем во всех окнах горят уж огни...» (2, с. 8). Автор готовит читателя к восприятию не героического национального эпоса, а «эпоса» глухой, далекой от современной цивилизации провинциальной жизни, утонувшей в низменных устремлениях и пороках. Поэтому резко меняется пространственная модель этого мира.

Салтыков окружает описание реки своеобразной «рамой»: «Но мрак все более и более завладевает горизонтом; высокие шпили церквей тонут в воздухе и кажутся какими-то **фантастическими** тенями <...> Нетерпеливый стук лошадиного копыта о помост да всплеск вынимаемого из воды шеста возвращают вас к сознанию чего-то действительного, не **фантастического** (выделено нами. — С. III.)» (2, с. 8). В момент созерцания речного пейзажа сознание наблюдателя и повествователя оказывается в измененном состоянии и образ реки становится каким-то фантастическим видением из прошлого времени и культуры, подсознательным «воспоминанием» о героической жизни и борьбе предков, а не реалистическим описанием реки Вятки. Таким образом, «волшебное» пространство существует только в воображении и видении автора, оно виртуально, а в действительной жизни есть только одно пространство – будничного, бытового существования. Никакого противопоставления двух типов пространств у Салтыкова не существует, а есть лишь сближение в сознании идеального и реального представлений о пространстве. Это сближение окрашивается глубокой

саркастической иронией: город Вятка – это не исторический Киев, река Вятка – это не летописный Днепр. В жизни все мельче, ничтожнее, и персонажи, действующие в этих обстоятельствах, – это не романтические герои или злодеи, а сгнившие изнутри «богатыри», прелюбодеи, взяточники, провинциальные интриганы, заключенные, городские сумасшедшие и прочие «талантливые натуры».

Ирония, воплощенная в книге, предвосхищает развитие гротесковой поэтики в дальнейшей прозе писателя. В то же время подобное сближение ярче подчеркивает никчемность и пошлость реальной провинциальной жизни с ее низменными ценностями привычками и обычаями. Начинает осуществляться четко сформулированный Салтыковым в середине 1860-х гг. принцип построения художественных структур: новая жизнь может выразиться в искусстве только отрицательно, однако искусство обязано обладать каким-либо идеалом, чтобы создания его не оказались бессмыслицей.

Мифопоэтическая природа речного пространства у Салтыкова, ярко выраженная уже в первой книге, в какой-то степени распространяется и на те пространственные объекты, с которыми речное пространство соприкасается или физически, или ментально. Происходит образование смешанных и сложных пространственных моделей, в данном случае это «река-город» или «город-на-реке». В «Губернских очерках» эти пространственные отношения еще наполнены реальным содержанием (Крутогорск – Вятка, река – Вятка), и непосредственно связаны с ним. Но впоследствии реальное содержание отделяется от этого локуса/топоса, выявляется порождающая функция этой модели пространственных отношений, способная выразить сложное символическое содержание. Именно в этом направлении и развивается в дальнейшем образ реки в прозе Салтыкова.

В повестях, очерках и рассказах 1860-х годов, например, «Глухов и глуповцы. Общее обозрение» (1862), «Тихое пристанище» (1858–1862), образ реки утверждается в качестве обязательного сопровождения концепта «город». Река становится неотъемлемой частью топографии художественного мира писателя. «Глухов представляет равнину, местами пересекаемую плоскими возвышенностями. Главнейшие из этих возвышенностей суть: Чертова плешь и Дураковы столбы <...> Глухов раскинулся широко по обеим

сторонам реки Большой Глуповицы, а также по берегам рек: Малой Глуповицы, Забулдыговки, Самодуровки и проч.» (4, с. 202-203). Такова топография Глупова. Не случайны названия рек: Перла, Юла, Вопля, Большая Глуповица, Малая Глуповица, Забулдыговка, Самодуровка – по-видимому, навеянные еще детскими воспоминаниями о реках как стоячих болотах, источающих миазмы, и в то же время как нельзя наглядно и метафорично отражающих образ и философию жизни населения, обитающего по берегам этих рек.

Параллельно этому выстраивается другой образ реки, также имеющий корни в детском сознании и обогащенный литературными ассоциациями. «Он [город Срывный] стоит на высоком и обрывистом берегу судоходной реки и вдоль и поперек изрезан холмами, оврагами и суходолами. Вид с нагорного берега реки на противоположную сторону <...> привлекателен <...> В особенности хорошо бывает в Срывном весною. Точно море, разливается в это время река, затопляя и луга, и частый тальник, растущий по берегу, и даже старый сосновый бор, который, словно движущийся остров, выступает в это время из воды колышущуюся зеленью вершин своих. Строго и негостеприимно смотрит огромная масса вод, меняя в быстром и грозном беге своем всевозможные оттенки цветов, от мутно-бурого и темно-стального до светло-бирюзового, местами переходящего в прозрачно-изумрудный и рубиновый; а в вышине бегут гонимые весенними ветрами облака, то отставая, то обгоняя друг друга и принимая самые прихотливые, узорчатые формы. Картина суровая и разнообразная, но вместе с тем поражающая зрителя величию самой простоты своей» (4, с. 262-263). Невозможно не заметить и здесь влияния гоголевского описания Днепра в грозовую погоду. Но в основе этого пейзажа лежат и детские воспоминания об одной помещичьей усадьбе, «утопавшей в зелени парка», «стоявшей на высоком берегу реки», откуда открывался красивый вид на «поемные луга и дальние села» (17, с. 12). Эта усадьба на берегу реки воплотила для Салтыкова представление о красоте, свободе и силе природной стихии, чего напрочь была лишена жизнь большинства помещиков Калязинского уезда и обитателей села Спас-Угол. Однако в «Тихом пристанище» природная суровая красота реки резко контрастирует с теми изменениями, которые происходят в округе: исчезновением «первобытных», патриархальных форм жизни,

наступлением господства «акционерных компаний», усилением «промышленной горячки». Эти изменения неизбежно грозят уничтожить природную, стихийную красоту и мощь местного ландшафта.

Обе эти ипостаси образа реки, окружившей город, Салтыков использовал для создания, пожалуй, своего главного Города – города Глупова. Его топография органично включает в себя не только многочисленные слободы (Стрелецкую, Навозную и др.), холмы и овраги, но и болота, образованные водами реки Глуповицы, и реку, которую случайно обнаружил Угрюм-Бурчеев при попытке создания на месте Глупова «идеально распланированного» города. В болотах тонули несчастные жители и опальные градоначальники, а вот река, обнаруженная последним градоначальником, представляет собой новую пространственную модель, базирующуюся на новых ассоциациях, не связанных с романтической гоголевской традицией.

Жанровое своеобразие «Истории одного города» определяется поэтикой всеобъемлющего гротеска. Замысел писателя состоял в создании единого и целостного образа России, ее судьбы, «известного порядка вещей», национального характера и заключался в решении сложных нравственно-философских задач. Поэтому неизбежно усложнялся и жанр. Авторское определение – книга – шире и неопределеннее, чем роман или цикл рассказов. Появляется произведение, в котором объединяются особенности многих жанровых форм: цикла рассказов, эпопеи, романа, исторического повествования. Одновременно в авторском определении явно ощущается ориентация на библейские тексты, прежде всего на тексты Нового Завета.

«Истории одного города» присущ библейский эсхатологизм, в особенности черты апокалипсических жанров и прежде всего Откровения Иоанна Богослова. Писательской позиции и произведению в целом свойствен и пророческий пафос сказаний о конце мира, Страшном Суде. Салтыков оказался способен через прошлое и настоящее увидеть будущее. На апокалипсическое повествование ориентирован стиль предисловий, первой и последней глав книги. Однако в самом тексте нет прямого соответствия апокалипсическому сюжету. Писатель выстраивает систему эсхатологических образов-символов, сменяющих друг друга по принципу калейдоскопа и ассоциативно связанных с содержанием Апокалипсиса.

Книга за семью печатями (сама «История одного города»): каждый последующий рассказ соответствует очередной печати, которую срывает автор с таинственных покровов русской общественной и национальной жизни.

Вавилонская блудница, подлежащая суду (шесть градоначальниц, Аленка Осипова, стрелчиха Домашка).

Город, в котором сосредоточены разврат и порок (Вавилон, Содом и Гоморра) и гибель их в результате страшного великого землетрясения – город Глупов и его разрушение в результате прихода ОНО.

Город, противоположный Вавилону, – город Иерусалим, сходящий от неба, место общения с Богом. Городу Глупову противопоставлен соседний город Умнов (см. очерк «Клевета», 1861), который и должен остаться после гибели погрязшего в пороках Глупова.

Зверь с семью головами, василиск – Угрюм-Бурчеев, которого глуповцы называют сатаной, трепещут перед ним, угадывая в этом градоначальнике демонические черты.

Чистая река («И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящая от престола Бога и Агнца». – Откр. 22: 1) – символ жизни и возрождения – река, на которой стоит город Глупов, чье течение не удалось остановить даже Угрюм-Бурчееву.

Образ реки оказывается очень важным и специфическим в «Истории одного города». Салтыков освобождает его от конкретных, реальных значений и наделяет многообразным символическим смыслом. Река оказывается роковым и непреодолимым препятствием на пути «преобразований» Угрюм-Бурчеева, пределом, положенным действию разрушительных чудовищных сил. «“Зачем?” – спросил, указывая на реку Угрюм-Бурчеев <...> когда прошел первый момент оцепенения». Попытки градоначальника перегородить реку плотиной и остановить ее течение провалились. Река размыва плотину и пришло ОНО, стершее с лица земли город.

Одновременно река – это природная, первозданная стихия, и созидательная и разрушительная одновременно. «К вечеру разлив был до того велик, что не видно было пределов его, а вода между тем все еще прибывала и прибывала. Откуда-то слышался гул; казалось, что

где-то рушатся целые деревни, и там раздаются вопли, стоны и проклятия» (8, с. 413).

Река воплощает собой красоту и целесообразность созданного творцом. «По-прежнему она текла, дышала, журчала и извивалась; по-прежнему один берег ее был крут, а другой представлял луговую низину, на далекое пространство заливаемую, в весеннее время, водой» (8, с. 412).

И наконец, река – это живое существо, воплощение и начало жизни, неуничтожимая воля творца. «Излучистая полоса жидкой стали сверкнула ему в глаза, сверкнула и не только не исчезла, но даже не замерла под взглядом этого административного василиска. Она продолжала двигаться, колыхаться и издавать какие-то особенные, но несомненно живые звуки. Она жила» (8, с. 411-414).

Апокалипсический образ реки, как и все подобные образы и мотивы, наделяют книгу Салтыкова эсхатологическим смыслом. Писатель предостерегает общество от возможного рокового пути развития. Тон книги трагичен, ибо писатель уверен, что укоренившееся в обществе зло настолько прочно вошло в плоть общественных отношений, что просто так избыть его нельзя. Необходимо потрясение, которое поможет обществу одуматься и измениться. Для «Истории одного города» характерна евангельская идея возрождения через гибель, определяющая оптимистический трагизм произведения.

На протяжении творчества 1840–1860-х годов Салтыков создавал собственный язык литературы, неотделимым структурным элементом которого были те пространственные модели, в рамках которых существовал его художественный мир. Образ «реки» играл важную роль в создании и трансформации художественного пространства и в передаче движущихся и углубляющихся смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / Н.В. Гоголь. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 1 / Ред. М.К. Клеман. – 556 с.

Лотман, Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – 480 с.

Т.Н. Головина¹
Иваново

ГЛУПОВСКОЕ ЛЮБОНАЧАЛИЕ И НАЧАЛЬСТВОЛЮБИЕ В БИБЛЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье показано, что проблема «власть и народ» раскрывается в «Истории одного города» с ориентацией на Библию в ее старообрядческом истолковании. Образы глуповских градоначальников, посягающих на Божественные prerogatives, и образы их подданных, хранящих «упорное начальствлюбие», соответствуют представлениям староверов о ложных божествах (идолах) и идолопоклонниках. Наказанием за богоотступничество служит «богооставленность царства» (Н.А. Бердяев), трагическим осознанием которой проникнуты сочинения старообрядцев и «История одного города».

Ключевые слова: «История одного города», Библия, старообрядчество, природа мирской власти, ложные божества, идолопоклонники.

T.N. Golovina
Ivanovo

THE TOWN OF GLUPOV'S THURST FOR POWER AND LOVE OF AUTHORITY IN BIBLICAL CONTEXT

The article shows that the problem of power and people in “The History of a Town” is revealed with a focus on the Bible in its interpretation of the Old Believers. The characters of mayors of the town of Glupov encroaching on the prerogatives of the divine, and the characters of their subjects storing their “stubborn love for authority”, correspond to the Old Believers’ views on the false gods (idols) and idolaters. The punishment for apostasy is “the kingdom of those abandoned by God” (N.A. Berdyaev), the

¹ Татьяна Николаевна Головина, кандидат филологических наук.

tragic awareness of this permeating the works of Old Believers and “The History of a Town”.

Key words: “The History of a Town”, the Bible, Old Believers, the nature of the secular power, false gods, idolaters.

В литературе о М.Е. Салтыкове-Щедрине не раз писалось о связях «Истории одного города» с Библией. Однако ученые ограничивались указанием на апокалипсические мотивы в главе «Подтверждение покаяния. Заключение», сопровождая его оговорками: «Несомненно <...> что “эсхатологическая” окраска картин, это как бы всеразрушающее и прекращающее течение истории *оно* (курсив автора. – Т. Г.), есть не более как необходимая уступка стилю “летописца-архивариуса”» [Бушмин, 1959, с. 89]. Или: «Восприятие Щедриным “Откровения Иоанна Богослова” выражается не в погружении в идею религиозную, а в обращении к стороне внешней, событийной...» [Павлова, 1981, с. 128]. Моя задача заключается в том, чтобы показать, что библейских реминисценций в «Истории одного города» больше, и – главное – смысл их значительно глубже.

Приведу примеры, доказывающие, что ассоциации с Ветхим и Новым Заветами пронизывают все главы и все уровни текста.

Салтыков цитирует Священное Писание, в частности начальную строку псалма «На реках вавилонских...», в главе «Соломенный город». Встречаются и парафразы евангельских изречений, например, в главе «Поклонение мамоне и покаяние»: «Человек не одной кашей живет» (8, с. 380). В главе «Сказание о шести градоначальниках» использовано характерное для Библии клише (выделено мною курсивом. – Т.Г.): «Взяв в плен казначея и бухгалтера, а казну бессовестно обокрав, <Ираида Палеологова> *возвратилась в дом свой*» (8, с. 293). Еще раз это устойчивое словосочетание встречается в журнальном варианте главы «Подтверждение покаяния. Заключение»: «Было множество молодых глуповцев, которые <...> долгое время странствовали по чужим краям, а к тому времени *возвратились в дома свои*» (8, с. 589).

Иногда библейский мотив редуцирован до «проходной» детали, какой представляется, на первый взгляд, звук «ту-ру-ту-ру», сопровождающий прибытие в Глупов карательной команды. Он

вызывает в памяти иерихонские трубы, разрушившие стены города (Нав. 6: 19), и трубные голоса семи Ангелов, возвещающие Конец Света (Откр. 8: 6–10). Это пример скрытой реминисценции. Но часто ситуации и герои открыто уподобляются описанным в Библии событиям и персонажам. Так, вслед за народной молвой повествователь-летописец в главе «Голодный город» сравнивает Фердыщенко и Аленку с Ахавом и Иезавелью. Вспомним события, изложенные в «III Книге Царств». Израильский царь Ахав по наущению своей жены Иезавели отобрал виноградник у Навуфея, а самого Навуфея казнил. В наказание Господь послал израильтянам тяжкие испытания, продолжавшиеся до тех пор, пока Ахав и Иезавель не были растерзаны псами. Такая же участь постигла «бригадирову сладкую утеху» Аленку, которая, по мнению глуповцев, навела на город Божью кару – засуху и голод.

Пародийно переосмыслены другие библейские сюжеты. Выражение «усекновение головы майора Прыща» (8, с. 373) в главе «Поклонение мамоне и покаяние» вызывает ассоциации с евангельским повествованием о смерти Иоанна Крестителя: «Она <Иродиада> сказала <Ироду>: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя» (Мф. 14: 8). В той же главе рассказывается о том, как глуповцы, подобно жителям Вавилона (Быт. 11: 4–8), «вздумали строить башню с таким расчетом, чтоб верхний ее конец непременно упирался в небеса» (8, с. 376). Следующий за этим эпизод идолопоклонства глуповцев продолжает ассоциативный ряд, связанный с прегрешениями избранного народа перед Господом, самым тяжким из которых является служение ложным божествам.

Количество летописцев – их четверо – соответствует числу евангелистов. Они обладают «пророческим даром»: предвидят строительство железных дорог, изобретение телеграфа и проч.

Я привела эти весьма тривиальные наблюдения (количество можно было бы умножить), потому что, как мне кажется, лежащие на поверхности библейские реминисценции выполняют функцию обнажения приема. Умышленно их нагнетая, Салтыков побуждает читателя искать иные параллели, не столь явные, но гораздо более значимые для понимания смысла книги. В результате перед читателем открывается «метаисторический» сюжет, представляющий собой

параллель сюжету «историческому». Причем оба они вызывающе снижены.

«История в некотором смысле есть священная книга народов» [Карамзин, 1989, с. 13], – писал Н.М. Карамзин в предисловии к «Истории государства Российского». В первоначальном его варианте, по свидетельству А.С. Пушкина, аналогия между Священной и национальной историями была выражена еще отчетливей: «История для народа то же, что Библия для христианина» [Пушкин, 1979, с. 89].

Салтыков нарушил правило соблюдать благоговейную серьезность при обращении с историческими фактами и даже с текстом Священного Писания. Но считать это глумлением над прошлым своего народа и богохульством столь же неверно, как видеть кощунство в средневековых пародиях на церковные песнопения и молитвы [Бахтин, 1965, с. 17-19 и др.; Лихачев, 1987, с. 348]. Подобно их безымянным авторам, Салтыков преследовал иную цель, чем осмеяние святых. Какую – это предстоит выяснить.

Начну с такого ключевого эпизода «Истории одного города», как поиски головотяпами князя, о которых рассказывается в главе «О корени происхождения глуповцев». В связи с ним возникает широкое поле ассоциаций, как исторических (факт призвания князей-варягов на Русь и полемика ученых по этому поводу¹), так и литературных (басня И.А. Крылова «Лягушки, просящие царя», сюжет которой заимствован из одноименной басни Лафонтена, в свою очередь восходящей к Эзопу). Но важнейшие из них отсылают читателя к Ветхому Завету.

Прежде всего приходит на память рассказанная в «Книге Судей» притча о том, как деревья предложили Маслине, Смоковнице и Виноградной Лозе царствовать над ними. Те отказались оставить свои добрые плоды ради власти. Тогда деревья обратились с той же

¹ Замечу, что это сквозной мотив в творчестве Салтыкова-Щедрина. Вариации на тему приглашения иноземных правителей есть в ряде произведений разных лет: «Сатиры в прозе», «Невинные рассказы», «Современная идиллия» и др. Повествование об этом эпизоде русской истории неизменно окрашено авторской иронией: «...В старые годы отцы наши варягов из-за моря призывали, и варяги порядок у нас производили, и не обошлось без того, чтобы гости хозяев легонько не постегали. <...> И стало <...> хозяевам куда как радостно: земля, говорят, наша хоть и не изобильна, да порядок в ней есть <...>» («Невинные рассказы». – 3, с. 11-12).

просьбой к Терновнику. И он согласился: «Если вы вправду ставите меня царем над вами, то идите, покойтесь в моей тени; если же нет – выйдет огонь из Терновника и пожжет Кедры Ливанские» (Суд. 9: 8–15). Смысл притчи в том, что к власти стремятся отнюдь не самые достойные.

Другая ассоциация – с восьмой главой «I Книги Царств» – еще более значима для понимания отношения Салтыкова к сильным мира сего. Сравним.

«История одного города»: «Надумали они <головотяпы> искать себе князя. – Он нам мигом все предоставит <...> он и солдат у нас наделает, и острог, какой следует, выстроит! Айда, ребята! <...>» А далее реплика князя: «И будете вы мне платить дани многие <...> у кого овца ярку принесет, овцу на меня отпиши, а ярку себе оставь; у кого грош случится, тот разломи его на-четверо: одну часть мне отдай, другую мне же, третью опять мне, а четвертую себе оставь. Когда же пойду на войну - и вы идите!» (8, с. 274-275).

«I Книга Царств»: «И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему: <...> Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов. <...> И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними <...>

И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него царя, и сказал: вот какие будут права <...> сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим и сделает их всадниками своими <...> и чтобы они возделывали поля его <...> и от посевов ваших и от виноградных садов ваших возьмет десятую часть <...> и сами вы будете ему рабами; и восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда. Но народ не послушался голоса Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами, и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (I Цар. 8: 7). Земной царь трактуется здесь как соперник Царя Небесного.

Мотив посягательства земных правителей на божественные prerogatives проходит через всю «Историю одного города».

В начале истории города Глупова было слово, слово было у князя, и слово было: «Запорю!» – «с этим словом начались исторические времена» (8, с. 277). И в других произведениях Салтыкова начальники мыслят себя создателями мироздания – демиургами. «Вначале земля была пуста – кто ее заселил? Звери свободно ходили из края в край – кто им надлежащие места определил? <...> Не было ни земских, ни уездных судов, а тем паче магистратов и ратуш – откуда восприняли они начало?» – на эти вопросы у героя очерка «Завешание моим детям» из цикла «Признаки времени» есть один ответ: «Начальство» (3, с. 12).

В одном из очерков цикла «Недоконченные беседы» повествователь, прочитав в газетах о суде над волчанским исправником Зографом, обвиняемым в превышении власти, пытается определить: «Да кто же кому предшествовал, Зограф ли Волчанску или Волчанск Зографу?» (15-2, с. 276) Решение приходит в виде «аллегорического сновидения»: «Вначале будто бы появился исправник <...> Налетели <...> нижние чины и зачали город завивать» (15-2, с. 277). Потом исправник сотворил людей: брошенные им камни превратились в жителей города, а градской голова был слеплен из глины.

Каждый щедринский администратор независимо от ранга претендует не только на роль Творца, но и на роль всемогущего, вездесущего и всеведущего Вседержителя. Помпадуры (цикл «Помпадуры и помпадурши») уверены в том, что наделены божественными свойствами. Один из них сочиняет руководство «Об административном вездесущии и всеведении» (8, с. 33). По приказу другого в местной газете напечатаны такие строки: «Начальство <...> есть то зиждущее, всепроникающее начало, которое непрестанно бдит и изыскивает» (8, с. 118–119).

Глуповские градоначальники, присвоив себе данное Богом первому человеку право нарекать имена, изменили названия народа и города: первый князь повелел головотяпам называться глуповцами, а Угрюм-Бурчеев переименовал Глупов в Непреклонск. Бородавкин предписал Константинополь «во всех учебниках географии числить тако: <...> губернский город Екатериноград» (8, с. 335). Кстати, мечты Бородавкина о завоевании Византии – деталь не случайная. В соответствии с теорией «Москва – третий Рим» глуповский

градоначальник выступает преемником римских и византийских императоров и как глава последнего православного государства наделяется мессианистической ролью¹.

Когда глуповские администраторы обнаруживают «непреодолимую склонность к законодательству» (8, с. 358), они вновь вступают в соперничество с Богом Отцом, вручившим Моисею Скрижали Закона (Исх. 19: 23), и с Богом Сыном, даровавшим людям Заповеди блаженства (Мф. 3: 11).

И.Т. Ищенко не без основания указывал на «Свод законов «Российской империи» как источник пародийных законодательных актов [Ищенко, 1973], в том числе рескриптов Беневоленского. Но остался без внимания тот факт, что стиль «Закона I-го», «Устава о добропорядочном пирогах печении» и «Устава о свойственном градоначальникам добросердечии» имеет мало общего со стилем государственных документов: «Всякий человек да опасно ходит; откупщик же да принесет дары» (8, с. 362). Лексика и синтаксис явно церковные, недаром Беневоленский сочинял также проповеди.

Убежденность властей предрежащих в чудодейственной силе своих законов постоянно служила Салтыкову мишенью для насмешек. Приведу лишь названия некоторых пародийных циркуляров, инструкций и предписаний: «Проект всероссийского возрождения посредством распространения улучшенных пород поросят» («Помпадуры и помпадури»), «О расстрелянии и благих оного последствиях» («Дневник провинциала в Петербурге»), «Правила о переводе в разряд полезных животных тех из волков, кои добрыми нравами и примерным поведением признаны будут заслуживающими сего отличия» («В среде умеренности и аккуратности»). Обилие

¹ Идеологема об особом предназначении России иронически обыгрывается в «Истории одного города». В «Обращении к читателю» летописец сравнивает Глупов с Древним Римом, а глуповских градоначальников с римскими императорами. «Некоторое тайное указание» (8, 293) на последнюю династию византийских монархов содержится в фамилии одной из градоначальниц – Палеологова. Планы российских политиков «насчет <...> взятия Константинополя» (18-2, с. 239) Салтыков высмеял и в не предназначавшихся для печати «Рескриптах Николая Павловича Поль де Коку» (см. письмо к А.Н. Еракову, 21 декабря 1875 г.).

законов, их очевидная для всех, кроме самих законодателей, неосуществимость – все это придает им мистическую окраску. Сам сатирик называл такие государственные документы «волшебными», «чудесными» и «фантастическими».

Взыскание с обывателей дани, к чему сводится суть большинства законов, выглядит как требование жертвоприношений: «По вынутии (пирога. – Т.Г.) из печи, всякий да возьмет в руку нож и, вырезав из середины часть, да принесет оную в дар» (8, с. 362–363). Ср.: «Начатки плодов земли твоей приноси в дом Господа, Бога твоего» (Исх. 23: 19).

Градоначальники обладают способностью «исцелять» людей, «например, один <...> плюнул подчиненному в глаза и тот прозрел» (8, 388). Параллель с евангельским текстом очевидна: «Он <Христос>, взяв слепого за руку, вывел его из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки...» (Мк. 8: 23).

Бородавкин, Дю-Шарио и Угрюм-Бурчеев присваивают себе божественную прерогативу устанавливать праздники. Первый учредил «празднование с свистопляскою» (8, с. 342) Слепород, второй – Перуновы именины, третий назначил праздники «по случаю переименования города из Глупова в Непреклонск», «в воспоминание побед, одержанных бывшими градоначальниками над обывателями» и в честь «предержащих властей» (8, с. 421).

Глуповские градоначальники полагают, что способны влиять на ход истории. «История города Глупова, замечает летописец, представляет собой мир чудес...» (8, 348) А «все в мире волшебство», как сказано в другой книге Салтыкова-Щедрина, «от начальства происходит» (15-1, с. 101).

Уверенные в своей безграничной власти над городом и его историей градоначальники все же не решаются распространить ее на природу. В сочинении «Мысли о градоначальническом единомыслии» Бородавкин спорит с теми, кто считает, «что градоначальническое единовластие состоит в покорении стихий»: «Желать следует только того, что к достижению возможно; ежели же будешь желать недостижимого, как, например, укрощения стихий, прекращения течения времени и подобного, то сим градоначальническую власть не токмо не возвысишь, а наипаче сконфузишь» (8, с. 429).

Но воображение самого зловещего из глуповских градоначальников «сбрасывает с себя всякое иго действительности и начинает рисовать своему обладателю предприятия самые грандиозные. Погасить солнце, повертеть в земле дыру, через которую можно было бы наблюдать за тем, что делается в аду – вот единственные цели, которые истинный прохвост признает достойными своих усилий» (8, с. 114). Угрюм-Бурчеев задумал обуздать Божью стихию. Он «был убежден, что стоит только указать: от сих мест до сих – и на протяжении отмеренного пространства наверное возникает материк, а затем по-прежнему, и направо и налево, будет течь река» (8, с. 408). Сравним: «И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую стороны» (Исх. 14: 22). Или: «Господь сказал Иисусу (Навину. – Т.Г.): сей день Я начну прославлять тебя перед очами всех сынов Израиля, дабы они узнали, что как Я был с Моисеем, так буду и с тобою <...> Вода, текущая сверху, остановилась и стала стеною на весьма большое расстояние <...> а текущая в море равнины, в море Соленое, ушла и иссякла» (Нав. 3: 16). То же дано сотворить Илие и Елисею: «Елисей поднял милоть Илии, упавшую с него, и <....> стал на берегу Иордана <...> и ударил ею по воде <....> И она расступилась туда и сюда и перешел Елисей. И увидели его сыны пророков, которые в Иерихоне, издали, и сказали: опочил дух Илии на Елисее» (4 Цар. 2: 7–8).

Переключу свое внимание с библейского плана на реально-исторический. Деяния глуповских градоначальников есть не что иное, как попытки утвердиться в роли Бога. К этому же стремились некоторые русские самодержцы – Петр I, Павел I и др. В интереснейших работах В.М. Живова и Б.А. Успенского [Живов, Успенский, 1994; Успенский, 1998] приводятся разнообразные факты, свидетельствующие о харизматическом понимании царской власти в России. Среди них именование императора Богом, Христом в одической традиции, прославление его как основателя города (что соотносимо с сотворением мира) и покорителя водной стихии, празднование дней рождений царей и членов их семейств наравне с церковными праздниками и пр.

В христианском поклонении монарху как заместителю Бога на земле просматриваются реликты архаического «царского мифа», о

котором писал Д. Фрезер: «Царь <...> наделен сверхъестественными способностями или является воплощением божества, и в соответствии с этим верованием предполагается, что ход природных явлений <...> находится под его контролем. На него возлагают ответственность за плохую погоду, плохой урожай и другие стихийные бедствия» [Фрезер, 1983, с. 165].

Глуповцы убеждены, что источник их процветания – добродетельный властелин: «Целых шесть лет сряду город не горел, не голодал, не испытывал ни повальных болезней, ни скотских падежей, и граждане не без основания приписывали такое неслыханное в летописях благоденствие простоте своего начальника...» (8, с. 306). Напротив, незаконный правитель навлекает несчастья на свой народ: «Старожилы не без основания приписывали это явление (засуху. – Т. Г.) бригадирскому грехопадению» (8, с. 310). И сами градоначальники уверены, что от них мистически зависит благополучие Глупова. «Утучнятся поля, прольются многоводные реки, поплывут суда, процветет скотоводство, объявятся пути сообщения» (8, с. 329), стоит только градоначальнику посетить свои владения. Прибытия в Глупов одного из таких правителей граждане ожидают, как Христова пришествия: «Жители ликовали <...> Поздравляли друг друга с радостью, целовались, проливали слезы...» (8, с. 280)

Но история города Глупова хранит примеры не только «упорного начальстволюбия» (8, с. 281). В народе ходили слухи о том, что Брудастый «совсем даже не градоначальник, а оборотень» (8, с. 283). «Проповедник <...> перелагал фамилию “Бородавкин” на цифры и доказывал, что <...> выйдет 666, то есть князь тьмы» (8, с. 340). Любовницу Беневоленского дразнили «антихристовой наложницей» (8, с. 374). «Всеобщее изобилие» при градоначальнике Прыще приписывали «участию черта» (8, с. 367). Угрюм-Бурчееву «народная молва присвоила <...> название «сатаны» (8, с. 398).

В этом двойственном отношении глуповцев к своим градоначальникам отразилась реальная картина восприятия монаршей власти в России: как харизматической – в официальном православии и как имеющей антихристову природу – в старообрядчестве [Гурьянова, 1998].

Интерес Салтыкова к «старой вере», возникший еще в период службы в Вятке, когда он «имел случай практически изучать раскол»

(5, 49) [Макашин, 1951, с. 352-366; Петряев, 1984] не угасал и в последующие годы: он прочел много книг о расколе, сам записал от старообрядцев несколько духовных стихов. Из его статьи о «Сказании о странствии инок Парфения» (1857), а также из рецензий на книги «Современные движения в расколе» (1863) и «Сборник из истории старообрядства» (1864) видно, что писатель глубоко понимал «внутреннюю сущность» (5, с. 400) этого религиозного течения, хотя и не все принимал в нем. Тем не менее, во «Введении» к циклу «Мелочи жизни» (1886–1887) он писал о старообрядцах как о «цвете русского простолюдыя» (16-2, с. 9). Ранее, в 1864 г., та же мысль прозвучала в неопубликованном тогда апрельском выпуске хроники «Наша общественная жизнь».

Тема старообрядчества разрабатывалась Салтыковым в ряде художественных произведений разных лет: в «Губернских очерках», «Тихом пристанище», «Пошехонской старине» и др. Но даже в тех сочинениях, где она, казалось бы, не затрагивается, можно обнаружить отголоски хорошо известных писателю старообрядческих книг¹. Думается, идея, центральный образ и даже название сказки «Пропала совесть» навеяны сатирой анонимного приверженца старой веры «Известия новейших времен», в которой есть такие строки:

«Правда *пропала*.

Совесть хромает» (курсив мой. – Т.Г.) [Цит по: Юзов, 1882, с. 197].

В «Истории одного города» влияние старообрядческой идеологии и литературы не слишком явно, но весьма ощутимо. Самый главный образ книги – город Глупов – и авторское отношение к нему невольно заставляют вспомнить слова апостола Павла: «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13: 14). Их часто цитировали старообрядцы. Ими заканчивается «Послание Стаду верных или Кораблю Христову» протопопа Аввакума: «Не имамы зде града, но грядущего взыскуем» [Пустозерская проза, 1989, с. 173].

¹ «По обязанности следователя Салтыкову часто приходилось знакомиться с находившимися в старообрядческих скитах и пустынях старинными рукописными сборниками, со всякого рода раскольничьими “цветниками” и “трилистниками”» [Макашин, 1951, с. 365].

Этими словами ревнители старой веры отвечали на вопрос о месте жительства: «Града настоящего не имею, но грядущаго взыскую» [Авраамий, 1989, с. 509].

В главе «Голодный город» есть несколько параллелей и чуть ли не прямых отсылок к так называемой «Книге толкований» протопопа Аввакума. Одна из ведущих тем этого сочинения – тема личной ответственности царя за положение дел в государстве: «...началних согрѣшения какову бѣду миру наносить <...> А в нашей России <...> много пагубы бывало: морѣ на всю землю, и сѣча, и междоусобие, и кровь безпрестанно льется, за начальничьи игрушки!» [Пустозерская проза, 1989, с. 435].

Глуповцы также видят причину своих страданий в беззакониях, творимых правителями: «...мы, сироты, за твою дурость напасти терпели!» (8, с. 311) Жители Глупова укоряют градоначальника Фердыщенко: «А ведь это поди ты неладно, бригадир, делаешь, что с мужней женой уводом живешь!» (8, с. 311) Здесь легко прочитывается намек на библейское повествование о царе Давиде, завладевшем женою своего военачальника Вирсавией. Этот ветхозаветный сюжет использовал и Аввакум, чтобы убедить царя Алексея Михайловича раскаяться: «О, царю Алексѣе! <...> Возри на царя Давида, что сотвори, вниде к Вирсавии, женѣ Уриевѣ, сирѣчь у живого мужа отнял жену и на постелю к сѣбе взялѣ» [Пустозерская проза, 1989, с. 435]. В «Книге толкований» Аввакум упоминает о царе Ахаве и царице Иезавели, чье поклонение Ваалу (в библейской и святоотеческой традиции имя этого языческого божества воспринималось как синоним разврата, телесного и духовного) навлекло на Израиль страшные беды. Напомню, что глуповский летописец уподобляет Фердыщенко и Аленку тем же самым персонажам Святого Писания.

В названных эпизодах из «Книг Царств» неправедным царям противостоят пророки Нафан и Илия Фезвитянин. Образ бесстрашного обличителя есть и в «Книге толкований», и в главе «Голодный город». Аввакум, сравнивая царя Алексея с Давидом и Ахавом, роль сурового обвинителя отводит самому себе. «Самый древний в Глупове человек» (8, с. 313) Евсеич некоторыми своими чертами напоминает ревнителя «древлего благочестия» Аввакума: смело указывает правителю на его грехи, призывает к покаянию и без ропота готов принять за это

наказание: «С правдой мне жить везде хорошо!» (8, с. 314) Восклицание Евсеича подобно возгласу Аввакума: «Отрада на душу гонение велико живеть» [Пустозерская проза, 1989, с. 436]. Евсеич повторил судьбу «огнепального протопопа». Он «исчез без остатка, как умеют исчезать «старатели» русской земли» (8, с. 315). Если учесть, что казни старообрядцев обычно осуществлялись путем сожжения, то особый смысл приобретут слова глуповцев о том, что их можно «в кучу сложить и с четырех концов запалить» (8, с. 311), а также сцена пожара, описанная в следующей главе «Соломенный город».

Проведенное сравнение убеждает, что влияние старообрядчества на Салтыкова-Щедрина было весьма значительным. О том же говорит и такой известный факт. Беседы с раскольниками в ходе проводимого Салтыковым в 1854–1855 гг. следствия произвели на молодого чиновника столь сильное впечатление, что фамилия одного из них стала постоянным псевдонимом писателя.

К сожалению, тема «Салтыков-Щедрин и старообрядчество» затрагивалась редко и притом исключительно в работах биографического плана. Давняя кандидатская диссертация Д.Ф. Лучинской ««Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина» [Лучинская, 1954] – единственное известное мне исследование, в котором показано, как Салтыков использовал свои знания о расколе в литературном труде. Поэтому, не претендуя на полноту ее раскрытия, остановлю свое внимание на таком вопросе, как отношение к мирской власти. И постараюсь доказать, что изображение правителей в «Истории одного города» ориентировано на Библию в ее специфически старообрядческом истолковании.

В действиях русских царей, начиная с Алексея Михайловича или с Петра I, староверы усматривали посягательство на божественный статус [Соловьев; Пыпин, 1897; Баснин, 1903; Успенский, 1976; Немировский, 1990; Platt, 2000]. Так, «Статья особая об антихристе» гласит: «Взяв себе власть не тоию царскую и святительскую, но и Божию, и учинися сам вместо Христа быти» [Цит. по: Гурьянова, с. 41]. Желание правителей утвердиться в роли Христа соответствовало идущим от Нового Завета представлениям о поведении антихриста. Царствующая особа объявляется антихристом

во многих старообрядческих сочинениях, например, в «Письме дьякона Федора к семье протопопа Аввакума»: «Несть царь, братие, но рожок антихристов [Пустозерская проза, 1989, с. 221].

Образы глуповских градоправителей есть во многом результат преломления в творческом сознании Салтыкова старообрядческих учений о «чувственном» и «расчлененном» антихристе (т.е. воплощении его в целом ряде реальных исторических лиц). Ранее приведенные примеры градоначальнических амбиций дополню апофеозом «бесстыжности притязаний» (8, с. 412) – покорением водной стихии. Угрюм-Бурчеев, разгневавшись на реку за то, что она «не только не исчезла, но даже не замерла под взглядом этого административного василиска» (8, с. 408), пытается ее укротить: «Уйму, я ее уйму!» (8, с. 408). Весьма близкая смысловая параллель к этому эпизоду находится в старообрядческом «Цветнике»: «Как он <Петр I> ехол по Ладовскому озеру <...> и как привидив истинный Бог и Творец всей твари, что он будет Богу и святым Его противник, и воздвигнул бурной ветр, и кочал его волнами три дня и три ночи. А он, яко лев лютой, разсфирипися. Зрите, на Кого он прогневался и Кто его кочал волнами <...> И приехал к берегу и выскочел, яко лев из вертепу, закричал громким своим голосом и свирипым оком: Подовайте полоча с кнутами наказовати озера. При сем зрите опасно, Кого он наказовал. Но он наказовал не тварь, но Творца, не создание, но Создателя» [Цит. по: Гурьянова, 1988, с. 129].

Между «Цветником» и «Историей одного города» имеется еще одна – важная – перекличка. В «Цветнике» неизвестный защитник старой веры утверждает, что подчинение царской власти равносильно признанию владычества антихриста: «...антихрист, диавол и седмиглавый змий <...> нам прислал отраду и ослабу <...> мы ему вручили свои души и плотим душевный оклад, аки Богу святому, и дитей ему своих в полки бесовския провожаем и снаряжаем...» [Гурьянова, 1988, с. 143]. Очевидны, во-первых, ориентированность этого отрывка на уже цитированный фрагмент I Книги Царств и, во-вторых, его сходство с эпизодом поисков князя в главе «О корени происхождения глуповцев». Из этого следует существенное уточнение. Ранее рассказ глуповского летописца о поисках князя я напрямую соотнесла с Библией. Теперь же отмечу наличие опосредующего звена – старообрядческой книги.

Осмелюсь предположить, что Салтыков воспринимал противоречивые указания Библии относительно мирской власти именно в старообрядческом ключе. Староверы находили в Библии многочисленные подтверждения законности и праведности своего неповиновения властям. Они ссылались, например, на слова Самуила о том, как «велик грех, который вы <израильяне> сделали пред очами Господа, прося себе царя» (I Цар. 12: 17). Официальное православие занимало полярно противоположную позицию. Поддерживая правительство, оно также опиралось на авторитет Священного Писания: «...будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа...» (I Петр. 2: 13)¹.

Подданные, обоготворяющие земного царя, с точки зрения старообрядцев, являются отступниками от истинного Бога, идолопоклонниками. Эта мысль близка автору «Истории одного города». Глуповцы почитают своих правителей как богов. Летописец неоднократно упоминает об их «склонности к сооружению монументов» (8, с. 236) в нарушение заповеди «Не делай себе кумира» (Исх. 20: 4).

Да и сами по себе градоначальники, по крайней мере, некоторые из них, больше похожи на изваяния, чем на живых людей. Так, основная черта облика Угрюм-Бурчеева – неподвижность: «Он не жестикулировал, не возвышал голоса, не скрежетал зубами, не гоготал, не топал ногами, не заливался начальственно-язвительным смехом <...> Он никогда не бесновался, не закипал, не мстил, не преследовал...» (8, с. 398). Использованный при изображении его лица эпитет «деревянное» соотносится не с человеком, а со статуей. Отнюдь не случайно летописец начинает рассказ об Угрюм-Бурчееве с описания церковной фрески, на которой изображен сатана, застывший в скульптурной позе: «Сатана представлен стоящим на верхней ступени адского трона, с повелительно простертою вперед рукою и с мутным взором, устремленным в пространство. Ни в фигуре, ни даже в лице врага человеческого не усматривается особой страсти к

¹ Полемика об отношении церкви к мирской власти не утрачивает актуальности [См.: Асмус, 1996, 1997, 1998; Шохин, 1997, № 2; 1997, № 4; 1998; Игумен Иннокентий (Павлов), 1999].

мучительству, а видится лишь нарочитое упразднение естества. Упразднение сие произвело только одно явственное действие: повелительный жест, – и затем, сосредоточившись само в себе, перешло в окаменение» (8, с. 399).

В России существовала прочная церковная и литературная традиция связывать «статуи с идолопоклонством, с сатанинскими силами, с колдовством» [Якобсон, 1987, с. 173]. О том, что у Салтыкова представители высшей государственной власти ассоциировались со статуями-идолами, свидетельствует и подпись «Статуй» под посланиями императора в небезызвестных «Рескриптах Николая Павловича Поль де Коку».

В служении ложным божествам, в поклонении идолам, как гласит Библия, заключаются «начало и конец и причина всякого зла» (Прем. 14: 27). Тема обреченных гибели нечестивых городов проходит через весь Ветхий Завет: «Смерть, убийство, ссора, меч, бедствия, голод, сокрушения и удары, – все это для беззаконных; и потоп был для них» (Сир. 40: 9-10).

Глухов живет в ожидании Божьей кары. Время от времени являются «юродивые и блаженные и предсказывают народу всякие бедствия» (8, с. 240). Мишке Возгрявому приснился «муж грозен и облаком пресветлым одет» (8, с. 290). Юродивый Архипушка предрекает: «Увидите меч огненный, услышите голос архангельский...» (8, с. 322). Страшную катастрофу прорицает купчиха Распопова. Параллель с библейскими пророками так и просится быть замеченной.

Однако более, чем персонажи, достоин этого сравнения сам автор. Следуя русской традиции, Салтыков сопоставлял предназначение писателя с миссией пророка, но делал это в своей обычной горько-иронической манере. Так, в угрозах глуховцев в адрес писателя-обличителя улавливается напоминание об участии побитого камнями пророка Иеремии: «А мы-то будем надрываться от смеху! А мы-то будем взапуски швырять в тебя, кто камешком, а кто и поленцем, в то время как ты, весь в язвах, будешь, подпрыгивая от боли, удаляться от нас в пустыню! <...> Ишь ты пророк какой выискался!» («Сатиры в прозе». – 3, с. 281). Вся «История одного города» являет собой грозное предупреждение погрязшему в грехах «городу». В беспощадной щедринской критике сильных мира сего

слышатся гневные интонации Исайи: «...князя <...> законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздою...» (Ис. 1: 23); «...вы <князя> опустошили виноградник; награбленное у бедного в ваших домах...» (Ис. 3:14).

Но в том, что вокруг несправедливость, насилие, разврат, виноваты не только правители, виноват сам народ: «Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, – повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? <...> Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими» (Ис. 1: 4-7). Слова пророка – не презрительная насмешка, а жестокий, но заслуженный укор и призыв к покаянию. Таково и отношение Салтыкова к своему народу, многими не понятое и истолкованное как «бесцельное глумление» (8, с. 453) над ним.

В свете этого многочисленные несчастья, которые одно за другим обрушиваются на Глупов, воспринимаются как наказание за идолопоклонство – «начальствование», заменившее любовь к Богу. Картины засухи и пожара в главах «Голодный город» и «Соломенный город», голода в главе «Поклонение мамоне и покаяние», наводнения и смерча в главе «Подтверждение покаяния. Заключение» явно ориентированы на «Книги пророков», которые описывают гибель нечестивых городов от огня, мора, меча и потопа. Приведу несколько цитат из них. «...и дал Я вам голые зубы во всех городах ваших и недостаток хлеба во всех селениях ваших; но вы не обратились ко Мне, говорит Господь. И удерживал от вас дождь за три месяца до жатвы. <...> Производил Я среди вас разрушения, как разрушил Бог Содом и Гоморру, и вы были выхвачены, как головня из огня, – и при всем том вы не обратились ко Мне» (Ам. 4: 6-13). «Я сделаю тебя городом опустелым, подобным городам необитаемым, когда подниму на тебя пучину, и покроют тебя большие воды <...> не для веяния и не для очищения; и придет ко мне оттуда ветер сильнее сего, и Я произнесу суд над ними. Вот, поднимается он, подобно облакам, и колесницы его – как вихрь...» (Иер. 4: 11-13) «Идут из отдаленной страны, от края неба, Господь и орудия гнева Его, чтобы сокрушить всю землю. Рыдайте, ибо день Господа близок, идет как

разрушительная сила от Всемогущего. Оттого руки у всех опустились, и сердце у каждого человека растаяло» (Ис. 13: 5-7).

Ориентация на Вечную Книгу позволила Салтыкову наполнить свое «историческое» произведение метаисторическим смыслом. Как известно из письма в редакцию журнала «Вестник Европы», автор горячо возражал против попыток некоторых критиков ограничить его труд рамками исторической сатиры: «Не «историческую», а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду...» (8, с. 452) Это высказывание иногда истолковывалось как признание в том, что сатира написана на злобу дня.

Это неверно. Ведь не для того же Салтыков спорил с рецензентами, чтобы самому заключить «Историю одного города» в другие тесные границы – границы своего времени? Называя «Историю одного города» «обыкновенной сатирой», он имел в виду, что ее содержание нельзя приурочить к какому-либо конкретному историческому периоду. Вневременной смысл этого произведения тонко почувствовал и изобретательно передал режиссер С. Овчаров в киноверсии «Оно», где сквозь призму «Истории одного города» показаны события и отдаленного и недавнего советского прошлого.

Помещая «Историю одного города» в теологический контекст, следует, однако, соблюдать известную осторожность. Первые биографы отмечали глубокую религиозность Салтыкова [Трубачев, 1889, с. 138]. Затем пришли времена, когда атеизм вменялся писателю в заслугу [Лебедев, 1967]. Сейчас все чаще встречаются утверждения, подобные следующему: «Салтыков был прежде всего русским православным человеком» [Захаров, 1994, с. 258]. Но ответ на вопрос о вере или безверии Салтыкова, по-видимому, не так прост. Он требует серьезного обоснования с привлечением всех биографических фактов и с учетом семантики художественных произведений.

Осознавая всю сложность и ответственность размышлений о миропонимании писателя, сосредоточусь на вопросе о том, насколько щедринское видение истории соответствовало христианским взглядам на нее. В христианской историософии основным является понятие Божественного промысла, который и направляет ход истории. Вера в Бога предполагает разумность творения. Салтыков же не ощущал тайного присутствия Логоса в истории. В то же время у него не было и просветительской веры в могущество человеческого разума как

двигателя прогресса. Поэтому история в изображении сатирика лишена смысла. Это история города Глупова или, иначе говоря, глупая история.

Для христианского сознания «смысл истории – в искуплении греха и возвращении творения к Творцу» [Бердяев, 1989, с. 139]. Ожидая Конца Света, христианин верит в явление Нового неба и Новой земли. Эсхатологические настроения Салтыкова не были проникнуты надеждой на преобразование мира. «Глуповский летописец» зафиксировал несколько «светопреставлений», но после каждого из них все возвращается на круги своя. «Град пребывающий» – город Глупов – вновь и вновь возникает в прежнем качестве. «Града грядущего» нет и не предвидится, ни в библейском образе Небесного Иерусалима, ни в секуляризованном виде земного утопического города [Головина, 1997, с. 37-60].

Е. Трубецкой в книге «Смысл жизни» писал: «В аду (несколькими строками ниже он пояснил, что “ад таится уже в той действительности, которую мы видим и наблюдаем”. – Т.Г.) все – вечное повторение <...> поэтому даже самое разрушение там – призрачно и принимает форму дурной бесконечности, безысходного магического круга». И далее: «Во Христе жизненный круг перестает быть порочным кругом. Победою на кресте упраздняется дурная бесконечность и дурная периодичность смерти» [Трубецкой, 1994, с. 267, 296].

При обилии параллелей с Ветхим Заветом в «Истории одного города» почти отсутствуют евангельские мотивы. Благая весть о Христе, об искуплении грехов, о спасении как будто не коснулась ушей автора. В рассказанной им истории нет даже смутного намека на явление в мир Спасителя. Слова Иоанна Предтечи: «...стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня» (Ин. 1: 26-27), – в искаженном виде: «Идет некто за мной <...> который будет еще ужаснее меня» (8, с. 397), – произносит Угрюм-Бурчеев – лжепророк, предсказывающий приход антихриста.

Из новозаветных книг лишь «Откровение Иоанна Богослова» нашло отражение в «Истории одного города» в главе «Подтверждение покаяния. Заключение». Причем в восприятии Салтыкова

Апокалипсис – это кара, которая грозит отпавшему от Бога и упорствующему в грехе человечеству. Такое толкование «Откровения» неполно, так как в нем отсутствует вера в окончательное поражение зла и преображение мира. «Нет ожидания эпохи Святого духа <...> Его эсхатология все-таки прежде всего эсхатология суда. Это один из эсхатологических аспектов, но должен быть другой» [Бердяев, 2008, с. 250, 252], – сказано как будто о финале «Истории одного города», хотя на самом деле Н.А. Бердяев имеет в виду «Повесть об антихристе» Вл. Соловьева.

В христианском понимании «история <...> есть драма <...> имеющая свое начало, свое внутреннее развитие, свой конец, свой катарзис, свое свершение» [Бердяев, 1990, с. 23]. В книге же Салтыкова-Щедрина история представлена в виде фарса, бесконечного и бессмысленного. Из нее ушло то, что придает ей смысл, направление и цель – Божественный промысел. История оказалась во власти враждебных Богу и человеку сил, заставляющих ее двигаться по замкнутому кругу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авраамий. Вопрос – ответ старьца Авраамия // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. – М.: Художественная литература, 1989. – Кн. 2. – С. 508-522.

Асмус, В. Происхождение царской власти. К истолкованию I Книги Царств / В. Асмус // Regnum Aeternum (Царство Вечное). – Москва; Париж, 1996. – Вып. 1. – С. 41-46.

Асмус, В. Открытия господина Шохина / В. Асмус // Радонеж. – 1997. – № 16-17. – С. 8.

Асмус, В. О В.К. Шохине и не только / В. Асмус // Континент. – 1998. – № 3 – С. 243– 247.

Баснин, П.И. Раскольничьи легенды о Петре Великом / П.И. Баснин // Исторический вестник. – 1903. – Т. 92. – С. 513-548.

Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1965. – 543 с.

Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 12-253.

Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 300 с.

Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 173 с.

Бушмин, А.С. Сатира Салтыкова-Щедрина / А.С. Бушмин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 644 с.

Головина, Т.Н. История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: литературные параллели / Т.Н. Головина. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1997. – 78 с.

Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма / Н.С. Гурьянова. – Новосибирск: Наука, 1988. – 187 с.

Захаров, В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы / В.Н. Захаров // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск, 1994. – С. 249-261.

Игумен Иннокентий (Павлов) Язычествующие: Об одной антицерковной идеологии // Континент. – 1999. – № 99. – С. 212-222.

Ищенко, И.Т. Пародии Салтыкова-Щедрина / И.Т. Ищенко. – Минск: Изд-во БГУ, 1973. – 120 с.

Живов, В.М., Успенский, Б.А. Царь и бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России / В.М. Живов, Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды. – Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Языки славянских культур, 1994. – С. 110-218.

Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – 640 с.

Лебедев, Я.М. Атеизм М.Е. Салтыкова-Щедрина / Я.М. Лебедев. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 160 с.

Лихачев, Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Избр. работы: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 343-417.

Лучинская, Д.Ф. «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина: дисс. ... канд. филол. Наук / Д.Ф. Лучинская. – Казань, 1954. – 170 с.

Макашин, С.А. Салтыков-Щедрин: Биография / С.А. Макашин. – М.: Гослитиздат, 1951. – 588 с.

Немировский, И.В. Библейская тема в «Медном всаднике» / И.В. Немировский // Русская литература. – 1990. – № 3. – С. 3-17.

Павлова, И.Б. Загадка финала «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина / И.Б. Павлова // Писатель и жизнь. – М.: Советская Россия, 1981. – С. 122-130.

Петряев, Е.Д. Вятский плен / Е.Д. Петряев // Петряев Е.Д. Живая память. – М.: Молодая гвардия, 1984. – С. 120-130.

Пустозерская проза. – М. Московский рабочий, 1989. – 364 с.

Пушкин, А.С. Письмо Л.С. и О.С. Пушкиным, 4 дек. 1824 г. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л. Наука, 1979. – Т. 9. – С. 125.

Пыпин, А.Н. Петр I в народном предании / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1897. – Ч. 7. – С. 670-672.

Соловьев, С.М. Сказка о Петре Великом / С.М. Соловьев // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1862. – Кн. 4. С. 432-433.

Трубачев С. Литературная деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина / С. Трубачев // Исторический вестник. – 1889. – № 7. – С. 119-140.

Трубецкой, Е. Смысл жизни / Е. Трубецкой // Смысл жизни: Антология. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – С. 243-488.

Успенский, Б.А. *Historia sub specie semioticae* / Б.А. Успенский // Культурное наследие Древней Руси. – М.: Наука, 1976. – С. 286-292.

Успенский, Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление / Б.А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 680 с.

Фрезер, Д. Золотая ветвь / Д. Фрезер. – М.: Политиздат, 1983. – 704 с.

Шохин, В. Преемство или «вечное возвращение»? / В. Шохин // Континент. – 1997. – № 2. – С. 250-269.

Шохин В. О православии, цареславии и воцерковляемом монтанизме: (По поводу статьи прот. Валентина Асмуса и не только) / В. Шохин // Континент. – 1997. – № 4. – С. 371-396.

Шохин, В. В завершение дискуссии / В. Шохин // Континент. – 1998. – № 3. – С. 248-278.

Юзов, И. Политические воззрения староверья / И. Юзов // Русская мысль. – 1882. – № 5. – С. 181-217.

Якобсон, Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р.О. Якобсон // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 145-180.

Platt Kevin, M.F. Antichrist Enthroned: Demonic Visions of Russian Rulers // Russian Literature and its Demons / Ed. by Pamela Davidson. – https://vk.com/topic-90734187_33767310Oxford: Berghahn Books, 2000. – P. 87-124.

О.Г. Зимина¹

Тверской государственный объединенный музей

К 40-ЛЕТИЮ ТВЕРСКОГО МУЗЕЯ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В статье рассказывается о создании Музея М.Е. Салтыкова-Щедрина в Твери, формировании его коллекций, поисках концепции и художественного решения экспозиции, об основных аспектах его деятельности за 40 лет существования.

Ключевые слова: музей, коллекция, экспозиция, творческий коллектив, концепция, научные сотрудники, художники-оформители, Керцелли, Чумаков.

O.G. Zimina

Tver State United Museum

ON THE 40-TH ANNIVERSARY OF SALTYKOV-SHCHEDRIN'S TVER MUSEUM

This paper refers to creating Saltykov-Shchedrin's museum in Tver, organizing museum collections, searching for the concept and design of the exposition, and mentions the main aspects of its operations for the 40 years of its existence.

Key words: museum, collection, exposition, creative team, conception, researchers, decorators, Kerzelli, Chumakov.

В 2016 году исполняется 40 лет тверскому Музею М.Е. Салтыкова-Щедрина, который был открыт в январе 1976 года к 150-летию со дня рождения писателя.

О том, что в городе должна существовать такая экспозиция, говорили ученые, краеведы и музейщики задолго до юбилея. Но только за 2 года до этого события областные власти приняли решение о

¹ Ольга Григорьевна Зимина – заслуженный работник культуры, научный сотрудник ТГОМ, заведующая музеем М.Е. Салтыкова-Щедрина (1976–1985); wzimin67@yandex.ru.

создании музея и предложили для его размещения особняк начала XIX века с пристройкой начала XX века в доме № 11 по улице Рыбацкой,

Илл. 1. Музей М.Е. Салтыкова-Щедрина в Твери

где Михаил Евграфович, будучи тверским вице-губернатором в 1860–1862 годах, снимал квартиру.

В советское время особняк использовался как жилой дом, где в коммунальных квартирах проживало 26 семей. В течение одного года жильцам, живущим в мемориальной части дома – бывшей квартире вице-губернатора, предоставили отдельные квартиры. Позже особняк освободили полностью и передали музею. После капитального ремонта, когда до открытия музея оставалось 2 месяца, началась работа по созданию экспозиции.

Еще за год до всех этих событий в Калининском краеведческом музее приказом директора Израиля Моисеевича Бружеставицкого (1922–2006), замечательного музейщика и настоящего подвижника музейного строительства, был создан литературный отдел, до сегодняшнего дня занимающийся созданием литературных и мемориальных экспозиций в Твери и Тверской области. Возглавила отдел Людмила Арсеньевна Казарская, пушкинист, одна из создательниц Пушкинских музеев в Бернове и Торжке.

Первое задание, которое получил отдел, было изучение жизни и творчества писателя и формирование коллекций будущего музея.

Мы рассчитывали получить для музея 2–3 комнаты на первом этаже в доме по улице Рыбацкой. Известие о передаче нам мемориальной части особняка (около 400 кв. м экспозиционной площади) повергло нас в уныние: на тот момент мы располагали только одной реликвией – гипсовым бюстом Салтыкова начала 1889-х годов работы скульптора П.П. Забелло.

Срочным поиском экспонатов занялись трое сотрудника нового отдела. К открытию музея нам удалось собрать многие прижизненные издания и журнальные публикации Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др. Уже после открытия музея в наши фонды поступили два ныне экспонируемых раритета: номер журнала «Современник» с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и январский номер журнала «Отечественные записки» за 1878 год, единственный сохранившийся до наших дней доцензурный экземпляр. В Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина были заказаны копии рукописей произведений писателя.

Одним из направлений нашей работы были поиски потомков семьи Салтыковых. До открытия музея они не решались расстаться с дорогами для них реликвиями.

Поэтому первые посетители нового музея из мемориальных вещей увидели только письменный стол Салтыкова, переданный Государственным литературным музеем. Постепенно из семьи Лебедевых, потомков Ильи Евграфовича Салтыкова, в музей стали поступать мебель и предметы быта из принадлежавших О.М. Салтыковой имений Спас-Угол и Ермолино, многие из которых заняли свое место в экспозиции.

Большим другом музея стал Владимир Николаевич Депарма, потомок Дмитрия Евграфовича Салтыкова. Вместе с ним мы совершили экспедицию в Талдомский район Московской области, побывали в селе Спас-Угол, где родился будущий писатель, и в окрестных деревнях, принадлежавших его родителям. Там нам удалось собрать предметы быта местных крестьян, предки которых были крепостными господ Салтыковых. Кроме того через посредство Депарма в музей поступили письма и рисунки братьев писателя –

Илл. 2. Зал № 1. Фрагмент экспозиции: круглый столик из имения Спас-Угол, ломберный стол – из имения Ермолино

Николая и Дмитрия Салтыковых, обучавшихся в Московском дворянском институте, автографы Евграфа Васильевича и Ольги Михайловны Салтыковых, семейные письма и документы, самый ранний из которых датируется началом XVIII века. Была приобретена и единственная пока обнаруженная книга из библиотеки отца писателя с его автографом 1826 года – года, когда в семье родился сын Михаил. Позже пришла еще одна книга – «Круглый год» Салтыкова-Щедрина с автографом автора.

К моменту открытия музея нам удалось собрать больше половины перечисленных экспонатов. Остальная часть коллекции сложилась уже за годы существования музея. Новые экспонаты поступают и сейчас, но довольно редко. В прошлом году после долгих переговоров в музей пришли наконец от Лебедевых каминные часы (середины XIX века) из Спас-Угла. Это приобретение было профинансировано Министерством культуры РФ, так как уже много лет Тверской государственный объединенный музей, филиалом которого является Музей М.Е. Салтыкова-Щедрина, совершать такие покупки самостоятельно не имеет возможности.

Готовясь к открытию музея, мы связались со многими известными советскими художниками, иллюстрировавшими сочинения писателя. Специально для музея выполнили авторский повтор своих прежних работ народные художники СССР М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н.А. Соколов (КУКРЫНИКСЫ) и народный художник СССР

Б.Е. Ефимов. Мы приобрели офорты народного художника Казахстана Е.М. Сидоркина, скульптуры и литографии В.А. и Г.А. Караваевых, офорты Л.И. Ламма, рисунки заслуженного художника РСФСР из Твери Е.Д. Светогорова и многих других художников, работавших в 1970–1980 годах. Родственники классиков советской книжной графики А.Н. Самохвалова, М.М. Черемных, А.В. Ванециана предоставили нам их работы. Перед самым открытием в музей поступили литографии М.С. Башилова, первого иллюстратора «Губернских очерков», созданные в 1864–1870 годах. На сегодняшний день мы располагаем самой большой и представительной в России коллекцией иллюстраций к книгам Салтыкова-Щедрина.

Параллельно с комплектованием коллекции мы разрабатывали концепцию новой экспозиции, решив, что она будет вполне традиционная – монографическая, охватывающая всю биографию писателя с момента рождения до кончины, фиксирующая главные события его жизни и творчества. Особое место решили уделить пребыванию Салтыкова в Твери.

Для создания художественного проекта будущей экспозиции был приглашен замечательный художник-оформитель Государственного музея А.С. Пушкина Юрий Леонидович Керцелли (1923–1975). Он принимал участие в создании Пушкинских музеев Тверской (тогда Калининской) области, оформлял экспозиции в Бернове и Торжке, фактически создал художественную концепцию музея В.Я. Шишкова в Бежецке.

Предложенное Керцелли художественное решение салтыковского музея было неожиданным, ярким и чрезвычайно эмоциональным. Экспонаты – памятники XIX века – должны были располагаться на фоне выполненных в остро-гротесковой манере больших панно (холст, темпера), не являющихся иллюстрациями к сочинениям сатирика, а представляющими через их призму исторический фон того времени.

Для выполнения такого сложного и необычного задания Керцелли пригласил московского художника Валерия Егоровича Чумакова (1940–2006), работавшего в жанрах карикатуры, плаката и книжной графики. Чумаков был хорошо знаком с творчеством Салтыкова-Щедрина и иллюстрировал его книги.

Процесс создания сюжетов для панно был необычным и увлекательным. К встречам с художником мы готовили специальный материал: здесь была и историческая канва, и отклики общественности на разные события, и какие-то отдельные факты разного характера, важные для экспозиционера, и факты из жизни сатирика, и мотивы его произведений. Мы надиктовывали Валерию Егоровичу целые простыни наших пожеланий и через какое-то время получали эскизы, обсуждали их, редактировали и корректировали.

Между тем на дворе стоял уже ноябрь и до открытия музея оставалось чуть больше двух месяцев. Было очевидно, что такую огромную работу – 11 многофигурных композиций размером примерно 2,5 на 3 метра – за такое время завершить невозможно. Для исполнения панно по эскизам Чумакова пригласили группу художников Воронежского художественного фонда.

Затем уже по готовой живописи автор прошелся рукой мастера

Илл. 3. Зал № 2. Панно «История одного города»

и художники-оформители Калининского художественного фонда, уже много лет работавшие в музеях области, приступили к оформлению залов. Группой тверских оформителей руководил заслуженный работник культуры А.И. Бобров. В группу входили: оформитель почти всех литературных музеев области, заслуженный работник культуры Г.Н. Ореликов, И.С. Суриков, О.М. Михайлов, Л.В. Фадеев. Им помогала группа столяров высшей квалификации Калининского

художественного фонда. Вот такой большой и дружный коллектив трудился в бывшей вице-губернаторской квартире с огромным энтузиазмом и любовью.

С печалью констатирую, что наш вдохновитель и друг Ю.Л. Керцелли не увидел окончания труда стольких собранных им людей. Он ушел из жизни в декабре 1975 года. А мы продолжали трудиться днями, а последнюю неделю и ночами, и успели закончить все ровно к 11-ти часам 26 января 1976 года.

В дальнем зале еще натирали полы, а к музею уже подошли первые посетители. Это были областные и городские партийные руководители во главе с первым секретарем Обкома КПСС Н.Г. Корытковым, под чьим неусыпным контролем создавался музей, писатели (среди них были Б.Н. Полевой, А.Д. Дементьев, А.С. Пьянов), ученые-филологи из Калининского университета и других вузов города, журналисты. Позже в музее побывали И.Л. Андроников, Р.Г. Гамзатов и многие другие литераторы и деятели культуры.

Новый музей был принят доброжелательно, можно сказать – восторженно, всеми категориями калининцев и гостей города. С первых же дней здесь стали проводиться учебные экскурсии и уроки для студентов и школьников. Единственное тогда в городе экскурсионное бюро организовало посещение музея группами туристов из Москвы. После первых же экскурсий слава о музее разнеслась не только по столице, но и по другим городам и весям, и он стал одним из самых посещаемых музеев города.

При участии кафедры русской литературы Калининского (впоследствии Тверского) государственного университета в музее проходили Щедринские чтения.

С большим успехом в зале музея проводились литературные и музыкальные вечера, встречи с прозаиками и поэтами, детские конкурсы и олимпиады.

Когда весь особняк стал территорией музея, мы получили три новых экспозиционных зала площадью примерно по 70 кв. м каждый.

Мы решили не расширять и без того обширную щедринскую часть музея, а в новых залах размещать различные выставки из наших

фондов и из других музеев страны.

У нас побывали выставки из Всероссийского музея А.С. Илл.

Илл. 4. Зал № 2. Кабинет писателя (воспроизведение): письменный стол М.Е. Салтыкова-Щедрина из его подмосковного имения Витенево; бюро из имения Спас-Угол

Илл. 5. Зал № 2. Фрагмент экспозиции: в центре – гипсовый слепок с бронзового бюста работы П.П. Забелло, 1878 г.

Пушкина (Санкт-Петербург), из Государственного музея-усадьбы «Останкино», из музеев Л.Н Толстого в Москве и Ясной Поляне, Музея революции (Москва), Музея Советской армии (Москва), Музея этнографии (Дагестан) и многие другие. В 2015 году в рамках года литературы были открыты две выставки: «Нет, музы не молчали...» Писатели на Калининском фронте. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне» – из фондов Тверского государственного объединенного музея и «Вот этот дом 100 лет тому назад...». Кузьмины-Караваевы и их окружение. 20 век» – из двух частных коллекций Санкт-Петербурга.

Сегодня мы с сожалением смотрим на наши старые стены и изрядно поблекшую за 40 лет, хотя по-прежнему пользующуюся интересом посетителей экспозицию. В 2016–2018 годах в музее предполагается капитальный ремонт. Остается надеяться, что новая экспозиция после ремонта окажется лучше нынешней и будет достойна великого писателя, творчество которого, проникнутое любовью к России и болью за нее, столь же актуально в наши дни, как и прежде.

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА А.М. УНКОВСКОГО К А.К. ЖИЗНЕВСКОМУ

(по материалам Государственного архива Тверской области)

Публикация, вступительная заметка и примечания

Е.Н. Строгановой

Письма А.М. Унковского к А.К. Жизневскому, носящие частный характер, затрагивают актуальные проблемы «эпохи великих реформ». Заинтересованный современник и участник событий, он критично оценивал происходившие процессы, думая в первую очередь об интересах крестьян. Эти письма дают представление о личности человека, имеющего свою позицию, готового откликнуться на любой призыв о помощи, обладающего живым чувством юмора.

Ключевые слова: А.М. Унковский, тверская либеральная оппозиция, судебные реформы, А.К. Жизневский, Тверская Ученая Архивная комиссия, Тверской музей, неформальное общение, М. Е. Салтыков.

A.M. UNKOVSKY'S LETTERS TO A.K. ZHIZNEVSKY

(based on the State Archive of Tver Region)

Publication, introductory article and notes

by E.N. Stroganova

A.M. Unkovsky's letters to A.K. Zhiznevsky having a private character, touch upon some topical issues of "the era of great reforms". A concerned contemporary and participant in the events, he was critical about what was happening, thinking in the first place about the interests of the peasants. These letters give an idea about the personality of a man with his own standing, ready to respond to any call for help, possessing a lively sense of humor.

Key words: A.M. Unkovsky, Tver liberal opposition, judicial reforms, A.K. Zhiznevsky, Tver academic archival board, Tver Museum, private communication, M.E. Saltykov.

В фонде Тверской ученой архивной комиссии (ТУАК), находящемся в Государственном архиве Тверской области, хранятся материалы А.К. Жизневского. Среди этих документов значительное место занимают адресованные ему письма. Личные письма самого Жизневского отсутствуют, но сохранившийся журнал регистрации этих писем с 1849 по январь 1882 г. позволяет судить о круге адресатов и частотности отправляемой корреспонденции. В числе знакомых Жизневского был и М.Е. Салтыков, но в переписке они не состояли. О неформальном характере этого знакомства свидетельствуют другие материалы, в частности письмо А.М. Унковского, с которым Жизневский поддерживал более тесное общение. В журнале значатся 10 его писем к Унковскому, датированных 18 декабря 1857, 13 января 1858, 21 января 1858, 5 сентября 1865, 8 сентября 1865, 14 марта 1867, 28 августа 1868, 11 февраля 1869, 5 апреля 1879, 23 октября 1873 г. [ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 509, л. 189, 189 об., 14 об., 23, 31 об., 34, 35, 68 об.]. Сохранились 4 письма Унковского к Жизневскому и одна карандашная записка. Непосредственное отношение к Унковскому имеет и сообщение, отправленное неустановленным лицом:

«Многоуважаемый Август Казими́роч спешу вас уведомить что Алексей Михайлович Уньковской скончался 20 Декабря тело его повезли в Дмитрюкова 21 Декабря» [ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 672, л. 1]¹.

Алексей Михайлович Унковский (1828–1893) был личностью замечательной. Воспоминания современников сохранили чрезвычайно привлекательный облик человека, на которого «все смотрели <...> как бы с благоговением». «...Я бы назвал Унковского святым, если бы сравнение с ним не было для святых слишком большою честью» – писал В.И. Танеев [Танеев, 1975, с. 218]. Долгие годы знакомства и дружеского общения связывали Унковского с Салтыковым. Уроженцы Тверской губернии, они получили сходное образование, начав свое обучение в Московском дворянском институте и продолжив его в Царскосельском (Александровском) лицее. Но, как вспоминал

¹ Письмо цитируется с сохранением грамматических особенностей оригинала.

Унковский, в лице они «знали друг друга почти только в лицо». Знакомство возобновилось в 1857 г., когда они встретились в Петербурге и «сошлись весьма близко» [цит. по: Джаншиев, 1894, с. 80]. Дружеские отношения окрепли, когда Салтыков как вице-губернатор оказался в Твери в начале 1860-х гг., в период подготовки и проведения крестьянской реформы. Тверские дворяне во главе с Унковским уже в конце 1850-х годов выступили с радикальным проектом освобождения крестьян: «Вопрос об освобождении <...> ничем иным не может быть разрешен, как предоставлением всей земли в собственность крестьян посредством выкупа» [Записки, 1992, с. 26]. Именно с деятельностью Унковского и его единомышленников связано понятие «тверские либералы», вошедшее в историю общественной мысли России.

После реформы Унковский как юрист представлял интересы крестьян в их земельных тяжбах против помещиков. Так, в 1862 г. он поддержал крестьян в тяжбе с графом Д.А. Толстым, впоследствии обер-прокурором Святейшего Синода и министром народного просвещения. Толстому принадлежало 10000 десятин земли в Зарайском уезде, но он присвоил себе еще и часть крестьянской земли, ухитрившись «отрезать у крестьян наилучшую землю, а взамен предоставить им негодную», к тому же, «вопреки Положению 19 февраля 1861 г., увеличил сумму оброка» [Хотеевков, 1996, с. 133]. Толстой довел дело до суда, где интересы крестьян представлял Унковский, выигравший процесс. По словам Унковского, он выиграл у Толстого 16 дел, но эти столкновения «не обошлись <...> даром»: он был лишен права «подавать прошения в присутственные места, вести дела, быть защитником» [Записки, 1992, с. 29].

Дальнейшая деятельность Унковского была связана с реформами в судебной системе и становлением института адвокатуры в России. Он оказался в числе присяжных поверенных первого призыва и, по словам Г.А. Джаншиева, «уже одно вступление человека с таким нравственным ореолом в ряды новой адвокатуры <...> служило к реабилитации адвокатской профессии» [Джаншиев, 1907, с. 750]. Репутация Унковского как «талантливового, знающего и честнейшего адвоката» была настолько безукоризненна, что само принятие им какого-либо дела оказывалось «почти равносильно выигрышу дела в одной инстанции» [Джаншиев, 1907, с. 751]. Своих

выгод Унковский никогда не преследовал. О его обстоятельствах Салтыков писал А.Л. Боровиковскому 26 августа 1885 г.: «Он, бедный, работает без устали, но, по обыкновению, скромен и живет с хлеба на квас» (20, с. 213). Не нажил Унковский ни чинов, ни богатств. Будучи бесребреником по натуре, «последние имевшиеся в доме деньги» он «на смертном одре отдал обратившемуся за помощью» и похоронен был на средства петербургской адвокатуры [Джаншиев, 1894, с. 191].

Человеком другого рода был Август Казимирович Жизневский (1819/1820–1896), чиновник, занимавший значительные посты в ряде губерний и закончивший свою жизнь в чине тайного советника. В некрологе можно прочесть: «как один из старейших и опытнейших чиновников, Жизневский неоднократно был вызываем в С.-Петербург и Москву для участия в совещаниях относительно различных мероприятий по Министерству Финансов» [А. О., 1896, с. 603]. Дважды служил он в Твери: с 1851 по 1856 г. товарищем председателя уголовной палаты, в 1863–1896 гг. председателем казенной палаты. Здесь Жизневский пользовался «общей любовью и уважением», и в 1888 г. ему было присвоено звание почетного гражданина – так была оценена его деятельность по сохранению исторического прошлого Тверского края [А. О., 1896, 606]. С 1872 г. Жизневский заведовал созданным за несколько лет до этого Тверским музеем и, как писал современник, с момента вступления его в должность началась «новая эпоха в жизни Тверского музея», ставшего едва ли не богатейшим из всех провинциальных музеев России [Колосов, 1896, с. 4, 6]. В 1884 г. Жизневский возглавил ТУАК, одну из первых комиссий, созданных «по высочайшему соизволению» в четырех губернских городах. Закрыв в 1880-х гг. ряда периодических изданий, в том числе «Отечественных записок», и создание архивных комиссий были явлениями одного порядка – осуществлением курса, направленного на нейтрализацию политической активности интеллигенции, переключение ее интересов из сферы настоящего в область прошлого. Однако независимо от причин их создания архивные комиссии сыграли большую роль в сохранении реалий ушедших эпох. Не приходится отрицать заслуги Жизневского, но осмелюсь предположить, что деятельность комиссии могла быть многообразнее и плодотворнее, если бы во главе ее стоял человек менее осторожный

и «благонамеренный». Если же судить по ряду фактов, по тщательно отобранному и обработанному «для истории» архиву Жизневского, именно «благонамеренность» была движущей пружиной многих его поступков. Примером может служить отношение Жизневского как заведующего Тверским музеем и председателя ТУАК к Салтыкову.

Знакомство Салтыкова и Жизневского состоялось, скорее всего, благодаря общению каждого из них с Унковским. Вполне вероятно, что они познакомились летом 1865 г., когда по своей должности – как председатели казенных палат (Салтыков в Пензе, Жизневский в Твери) – они находились в Петербурге «для ознакомления с опытом реорганизации местных финансовых учреждений» [Макашин, 1984, с. 188-189]. Дружеских отношений не возникло, да и не могло быть, потому что они слишком различались и по образу мыслей, и по своему общественному поведению. Жизневский, умевший располагать к себе окружающих, всегда пребывал «в ясном и добром расположении духа, исполненный душевного мира, всегда и всем <...> был доволен» [А. О., 1896, с. 606-607]. Он являл собой полную противоположность резкому и язвительному Салтыкову, не скрывавшему своих чувств и не стремившемуся завоевывать симпатии. «Летописец настоящего», страстно болеющий проблемами текущей жизни, Салтыков наверняка иронически относился к археологическим занятиям Жизневского (достаточно вспомнить сцены занятий «археологов» в романе «Современная идиллия»). Саркастически воспринял Салтыков и переход Жизневского из католицизма в православие: «...оставил заблуждения католицизма и познал свет истинной веры» (20, с. 79).

Несмотря на увлечение древностями, Жизневский оперативно реагировал на веяния текущей жизни. В 1881 г. земский врач М.И. Петрункевич подарил Тверскому музею гипсовый слепок с бронзового бюста Салтыкова работы скульптора П.П. Забелло. Но в 1884 г., после закрытия «Отечественных записок», по распоряжению Жизневского бюст был удален из экспозиции. «...В родном городе некто пожертвовал в местный музей мой бюст. Стоял-стоял этот бюст год или два благополучно – и вдруг его куда-то вынесли. Оказалось, что я – вредный...» – писал Салтыков в цикле «Мелочи жизни» (16-2, с. 8). Тема «изгнания» бюста не раз возникает и в письмах Салтыкова 1884–1885 гг., в частности 5 октября 1884 г. он писал К.А. Буху:

«Замечательно, что г. Жизневский в прежнее время неоднократно заявлял мне о своем сочувствии и даже спешил приобретать мои сочинения, опасаясь, что они будут запрещены» (20, 79). Интерес Жизневского к сочинениям Салтыкова подтверждают и воспоминания сына А.М. Унковского Михаила Алексеевича, который знал, что у Жизневского имелись копии тех писем Салтыкова к Унковскому, где содержалась шутливая «Переписка императора Николая I с французским писателем Поль де Коком». При этом мемуарист замечал, что эта «переписка» не могла попасть в архив Тверского музея «в виду крайней осторожности Жизневского» [Литературное наследство, 1934, с. 586]. Эта осторожность проявилась и в «изгнании» бюста, которая давала писателю материал для разработки темы измен либеральным убеждениям, в более общем плане – темы предательства.

История с бюстом, однако, имела продолжение, о котором Салтыков уже не мог знать. Журналы заседаний ТУАК дают основания утверждать, что Жизневский сдерживал сбор материалов, связанных с жизнью и деятельностью писателя. Факты таковы. На заседании 14 апреля 1889 г. председатель доложил о получении им письма от члена ТУАК А.Ф. Селиванова, проживавшего в Пензе. Селиванов сообщал, что составил брошюру с биографиями 23 уроженцев и деятелей Пензенской губернии¹ и предлагал «приступить к составлению подобного же сборника и по Тверской губернии». Сам он брал на себя составление биографий ряда лиц, включая Салтыкова. Однако в ответ на это ТУАК «нашла удобным помещать в сборнике биографии лишь лиц умерших, но не живых» и приняла решение «просить председателя подготовить список лиц, коих биографии было бы желательно включить в предполагаемый сборник» [Журнал 23-го заседания, 1889, с. 2].

Злая ирония заключается в том, что решение это было принято за две недели до смерти Салтыкова, который таким образом приобрел право оказаться в «списке лиц». На заседаниях комиссии было

¹ Биографии. Собрал и доп. А.Ф. Селиванов. – Пенза: Губ. тип., 1889. Экземпляр книги, присланный Жизневскому с дарственной надписью: «Уважаемому Августу Казимировичу Жизневскому от любящего и ув<ажаяющего> автора», ныне находится в Научной библиотеке Тверского государственного университета.

заведено вспоминать об ушедших из жизни земляках, но кончина Салтыкова осталась незамеченной и память его не была почтена комиссией. Правда, в газете «Новое время» за 6 июня 1889 г. появилась информация о том, что «Тверская ученая архивная комиссия готовится к печати и, вероятно, в скором времени издаст в память М.Е. Салтыкова дела и бумаги, которые им были написаны во время службы его в Твери вице-губернатором и которые отчасти послужили ему материалом в его сочинениях» [Новое время, 1889, с. 3], однако источник этого заявления непонятен. Подобного рода сведения в первую очередь публиковались обычно в «Тверских губернских ведомостях». В данном случае ни журналы заседаний ТУАК, ни «Тверские губернские ведомости» (кстати, очень подробно излагавшие содержание журналов), такой информации не дают. Не содержится ее и в личных архивах членов ТУАК, проживавших в Твери.

Пензенский же житель Селиванов от своей идеи издания сборника биографий тверских уроженцев и деятелей не отказался. В журнале заседаний ТУАК от 21 января и 16 апреля 1892 г. сообщается о том, что Селиванов приступил к составлению сборника и предполагает в первом его томе поместить биографии покойных «митрополита Платона, высокопреосвященных: Павла, Феоноста и Саввы, М.Е. Салтыкова, С.А. Юрьева, Н.А. Попова, И.Е. Забелина» (далее следует еще целый ряд имен). Селиванов просил «членов комиссии сообщить ему, в дополнение к собранному уже материалу автобиографии, переписки и разные бумаги, относящиеся к биографиям указанных лиц». На это последовал казуистический ответ, не менее благонамеренный, чем в апреле 1889 г., и позволявший устранить Салтыкова из списка замечательных земляков: «...просить А.Ф. Селиванова предпочтительно заняться составлением биографий многочисленных деятелей и уроженцев Тверской губернии, живших в прошлом и начале нынешнего столетия, тем более что материалы для биографий этих лиц с течением времени могут быть утрачены и вообще собирание их со временем станет более трудным, тогда как собирание материалов о теперешних деятелях обеспечивается самою комиссией...» [Журналы 37-го и 38-го заседания, 1892, с. 14–25]. В числе «теперешних деятелей», видимо, подразумевался и Салтыков, но, как уже было сказано, никаких следов собирания материалов о его жизни и деятельности, к сожалению, не обнаруживается. Вполне

очевидно, что Жизневский, пользуясь своей властью и авторитетом, сознательно не допускал соби́рание и публикацию материалов, связанных с Салтыковым.

Письма Унковского к Жизневскому посвящены разным темам и затрагивают актуальные проблемы «эпохи великих реформ». Вместе с тем они дают яркое представление о человеке с живым чувством юмора, имеющем свою позицию, благорасположенном к окружающим и всегда готовом помочь им.

Письма публикуются с учетом современных грамматических норм.

1

Почтеннейший Август Казимирович! Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою. Вот какое дело. М.Н. Островский¹, М.Е. Салтыков² и я *оченно* желаем завтра обедать с Вами в здешнем ресторане, т.е. в Hôtel de France в 5 часов. Если можно, то, пожалуйста, будьте дома. Мы от Вас и пойдем вместе обедать в ресторан.

Так как Вы всякий день обедаете, то Вам все равно, где кушать, а нам Вы доставите большое удовольствие.

Преданный Вам

А. Унковск.<ий>.

26 августа

¹ Островский Михаил Николаевич (1827–1901), младший брат драматурга. С конца 1850-х гг. служил в гражданском департаменте Государственного контроля, с 1864 г. действительный статский советник; сделал значительную карьеру: в 1881–1893 министр государственных имуществ, в 1893–1900 – председатель Департамента законов Государственного совета. В ноябре 1865 года по приглашению Жизневского приезжал в Тверь (см. его письмо к Жизневскому от 12 ноября 1865 г. [ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 709, л. 1]).

² С 14 января 1865 г. по 2 декабря 1866 г. Салтыков служил в должности председателя Пензенской казенной палаты. С 31 июля по 31 августа 1865 г. он находился в Петербурге, куда был приглашен министром финансов М.Х. Рейтерном «для ознакомления с опытом реорганизации местных финансовых учреждений» [Макашин, 1984, с. 188–189].

1865 [ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 672, л. 2].

2

6 Сентября. <1865>¹ С. Петербург.

Спешу уведомить Вас, многоуважаемый Август Казимирович, что я получил Ваше письмо, и принести Вам мою искреннюю благодарность за передачу мне весьма приятного известия, которое меня как нельзя более обрадовало. При всей незначительности объема занятий нынешних земских учреждений, которые по всей вероятности будут стоить народонаселению гораздо более прочих, отданных в их распоряжение, – хотя с строгой финансовой точки зрения гораздо выгоднее предоставить эти сборы совершенному разграблению, нежели заводить подобные учреждения, – я все-таки придаю важное значение земским собраниям, как потому, что в них в первый раз встретятся лицом к лицу сословия, никогда не сходившиеся вместе, так и потому, что обсуждение раскладки грошей может привести к установлению податных единиц и для больших сборов, да и вообще к разным полезным предположениям, которых нельзя оценить деньгами. По всему этому я очень рад попасть в члены уездного земского собрания и непременно явлюсь в первое же его заседание.

Пожалуйста, поблагодарите от меня И.Е. Ненсберга² за его приписку. Впрочем, буду писать к нему особо.

Между прочим, нахожу нужным сообщить Вам здешние новости. В будущий понедельник, 13 Сентября (какое скверное число выбрали) будет обсуждаться [в] общим присутствием Госуд.<арштенного> Совета проект введения в действие судебных уставов 20 ноября³. Я его читал случайно со всеми приложениями в том виде, в каком он вышел из особого соединения присутствия департаментов Госуд.<арштенного> Совета с членами Главного

¹ На 1865 год указывает и содержащееся в письме сообщение о дне и дате заседания Государственного совета: будущий понедельник, 13 сентября. – см.: [Месяцеслов, 1865, с. 24].

² Ненсберг Иван Егорович (1820–1903), ординатор больницы приказа общественного призрения, коллежский асессор.

³ 20 ноября 1864 года были утверждены Судебные Уставы, положившие начало реформе судопроизводства.

Комитета об устройстве сельского состояния¹. Галиматья ужасная. Из них видно, что Рейтерн² объявлял комиссии, составлявшей проект, что *на устройство скорого и правого суда* государственная казна может уделить в 1866 году только 64800 <р.> 60 к. (это – буквально: и 60 <к.>, но соединенное присутствие вызывало к себе, в отсутствие Рейтерна, управлявшего М-<вом> Грота³, который голословно позволил <под>нять до одного миллиона. Таким образом, мужи совета, радея о пользе государства, воспользовавшись отсутствием главного сторожа казнохранилища утянули [еще 35] на устройство *правого суда* в 10 губерниях еще 351999 р. 40 к. (и 40 коп.?), а Грот совершил высокий подвиг гражданского мужества, взяв на свою голову ответственность в расходовании этих рублей и 40 к. Таким образом нашли возможным ввести новый суд в 10 губ.<ерниях> в 1866 году⁴, обязав Министра <нрзб> совершить это дело в надлежащей постепенности (т.е. опять-таки не зараз, а постепенно в течение 365 дней), дабы не выйти из 1,000,000, разрешенного Гротом, и не сделаться его слушниками, а так как деньги земств жалеть не для чего, то положили разом ввести по всей России мировых судей⁵ с их съездами. Вы не можете себе представить, какой из этого вышел ералаш. Если это пройдет, то в каждой деревне явятся одновременно две системы доказательств и два суда: *скорый и правый* (как называют

¹ В начале 1860-х гг. Унковский готовился стать адвокатом, но узнал, что из-за причастности к движению тверской либеральной оппозиции ему этого не разрешат. Тогда по совету сведущего человека он поступил на службу в Государственный контроль (впрочем, недолго продлившуюся) [Записки, № 4–5, с. 19–20]. Это, видимо, и дало ему возможность познакомиться с материалами, о которых идет речь в письме.

² Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890), министр финансов (1862–1878), соученик Салтыкова по лицей.

³ Грот Константин Карлович (1815–1897), в 1860-х гг. директор департамента податей и сборов в Министерстве финансов.

⁴ Государственный Совет принял решение ввести Судебные Уставы сначала в санкт-петербургском и московском судебных округах (в 10 губерниях). 19 октября 1865 года это положение было утверждено [Джаншиев, 1907, с. 424].

⁵ «17 мая 1866 года открыты были в Петербурге и Москве первые в России мировые судебные учреждения...» [Джаншиев, 1907, с. 452].

его мужи совета), и другой – медленный и неправый, а с одного должника 2 кредитора будут производить взыскание также по разным системам, при которых по одной следует сейчас продать его имение, а по другой – <обрез поля> [ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 672, л. 6-7 об.].

3

Обращаюсь к Вам, многоуважаемый Август Казимирович, с покорнейшею просьбою. Бывший мой крепостной человек Никандр Евфимов Нарышкин, окончивший блестящим образом курс в Тверской гимназии, встречает затруднение по поводу необходимости утверждения его фамилии, о чем уже и подана им просьба в Вашу Казенную Палату. Между тем, в ревизском отделении объявили матери этого Нарышкина, что для выдачи свидетельства нужно мое удостоверение, как бывшего их помещика, о том, что родители его назывались этою фамилиею. Вследствие этого препровождаю таковую бумагу и покорнейше прошу выдать его матери свидетельство об утверждении этой фамилии или, по крайней мере, о том, что Никандр Евфимов, называющийся Нарышкиным, есть то самое лицо, которое в метрическом свидетельстве о рождении его в Тверском уезде в имении Г. Унковского и в свидетельстве Городской Думы названо Никандром Евфимовым.

Эту бумагу необходимо представить здесь в Константиновское военное училище к 28 Августа.

Засвидетельствуйте истинное мое почтение Сергею Петровичу и Екатерине Алексеевне¹.

Я возвратился только вчера из-за границы и чувствую себя лучше.

Душою преданный Вам

А. Унковский.

20 августа

1868 [ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 672, л. 5-5 об.].

¹ Сергей Петрович и Екатерина Алексеевна Сысоевы, близкие знакомые Жизневского. Е.А. Сысоева, урожд. Амельдинген (1829–1893) с 1871 г. жила в Петербурге; детская писательница, переводчица, издательница журналов «Воспитание и обучение» (с 1881) и «Родник» (с 1882).

4

Спешу уведомить Вас, многоуважаемый Август Казимирович, что по справке, сделанной мною в окружном Суде, дело о Могильницком и прочих обвиненных в подделке государственных кредитных бумаг, состоит в 12 больших томах, заключает в себе обвинения, относящиеся к 80 лицам, еще не назначено к докладу и никому *в подробности* неизвестно, кроме товарища прокурора Божанова¹. Так как дело это на руках члена Суда Утина², то я говорил с ним и узнал только, 1) что теперь обвинительный акт печатается во множестве экземпляров, по изготовлении коих он обещал мне дать один или два, 2) что все главные виновные несостоятельные лица, за исключением одного *Неплюева*, бежавшего в Англию, и 3) что взыскание убытков весьма сомнительно, так как, по всей вероятности, исков будет довольно много.

Я переговорю с Божановым и, получив обвинительный акт, доставлю Вам подробные сведения.

Если только будет какая-нибудь вероятность успеха, то охотно возьмусь за роль гражданского истца в качестве поверенного <нрзб>³. А иначе, без всякой вероятности, не стоит и приниматься за чтение 12 томов.

Полагаю, что при солидных уликах против Неплюева, можно все-таки что-нибудь получить, и даже вытребовать его из Англии, так как преступление его – не политическое, и потому в выдаче его не откажут.

По обвинительному же акту Вы сами, как бывший уголовный судья, сделаете заключение о вероятности успеха.

С.П. и Е.А. Сысоевым свидетельствую мое истинное почтение, с которым имею пребыть

¹ Божанов (Баженов) Михаил Николаевич (ум. 1909), прокурор петербургского окружного суда. А.Ф. Кони характеризовал его как профессионала, отличавшегося «выдающеюся юридическою подготовкою»: он обладал знаниями по «постановке обвинительной власти на западе» и «ораторским талантом» [Кони, 1967, с. 91].

² Утин Борис Исаакович (1832–1872), юрист, профессор Петербургского университета, член петербургского окружного суда.

³ Похоже, что это фамилия жертвы мошенников.

Вашим
покорнейшим слугою
А. Унковский.
6 февраля
1869 [ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 672, л. 3-4].

5

Был А. Унковский проездом в Петербург и сожалеет, что не застал Вас дома.

27 Августа 1874 [ГАТО, ф. 103, оп. 1, ед. хр. 672, л. 8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А. О. Памяти А.К. Жизневского // Русский архив. – 1896. – Кн. 2. – Вып. 8. – С. 602-607.

Джаншиев, Гр. А.М. Унковский и освобождение крестьян. Историко-биографические справки / Гр. Джаншаев. – М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1894. – 244 с.

Джаншиев, Гр. Эпоха великих реформ. Исторические справки / Гр. Джаншаев. – СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1907 (изд. 10-е). – С. 750.

Журнал 23-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 14 апреля 1889 г. / Под ред. И.А. Иванова. – [Тверь], [1889]. – 6 с.

Журналы 37-го и 38-го заседаний Тверской ученой архивной комиссии 21 января и 16 апреля 1892 г. / Под ред. П.Ф. Соколова. – 1892. – 26 с.

Записки Алексея Михайловича Унковского / Публ. и комм. В. Чернышова // Тверская старина. – 1992. – № 1. – С. 17-34; 1993. – № 4-5. – С. 12-28.

Колосов, В. Памяти Августа Казимировича Жизневского // Журнал 54-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 2 апреля 1896 г. / Под ред. А.В. Владиславлева / В. Колосов. – Тверь: Тип. Губернского Правления, [1896]. – С. 1-14. – 2-я паг. (Приложение к Журналу).

Кони, А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. / А.Ф. Кони. – М.: Юридическая литература, 1967. – 544 с.

Литературное наследство. – Т. 13–14: М. Салтыков-Щедрин. [Кн.] 2. – М.: Жур.-газ. объединение, 1934. – XX, 721 с.

Макашин, С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. Биография / С. Макашин. – М.: Художественная литература, 1984. – 576 с.

Месяцеслов на 1865 год. – СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1865. – 360, 46 с.

Новое время. – 1889. – № 4765. – 6 июня. – С. 3.

Танеев, В.И. Русский писатель М.Е. Салтыков (Езоп) / В.И. Танеев // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 2. – С. 215-236.

Хотеенков, В. Граф Д.А. Толстой – «лжегосударственный человек» / В. Хотеенков // Высшее образование в России. – 1996. – № 4. – С. 130-148.

Архивы

Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 672.

ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 509.

ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 709.

**ИНСКРИПТЫ ИЗ БИБЛИОТЕКИ
Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО**

Публикация, вступительная заметка и примечания

А.В. Востриков¹

*Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского
государственного университета*

В публикации представлены надписи на книгах из библиотеки Н.К. Михайловского, касающиеся прямых или косвенных взаимоотношений владельца с М.Е. Салтыковым-Щедриным. Вступительная заметка содержит краткие сведения об истории и составе библиотеки.

Ключевые слова: личная библиотека, Высшие женские курсы, пожертвование, инскрипт, дарственная запись, редакционная работа, статья, рецензия, значимое отсутствие.

INSCRIPTIONS FROM NIKOLAI MIKHAILOVSKY'S LIBRARY

Publication, introduction and references by **A.V. Vostrikov**

Maxim Gorky Research Library of St. Petersburg State University

The publication presents the inscriptions on the books from the Nikolai Mikhailovsky's regarding direct or indirect relationship of the books owner with M.E. Saltykov-Shchedrin. Introductory article contains brief information on the history and structure of the library.

Key words: private library, Higher Women (Bestuzhev) courses, charity, inscriptions, dedicatory inscription, editorial work, article, review, significant absence.

Библиотека Н.К. Михайловского, переданная в 1904 г. на Санкт-Петербургские Высшие женские («Бестужевские») курсы,

¹ Алексей Викторович Востриков, заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов» Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.
bestuzhevka@gmail.com

совсем недавно стала доступной для изучения¹. Уникальный материал, представляющий несомненный интерес как для библиотечников, так и для историков отечественной науки, литературы и общественной мысли, еще ожидает исследователя². В настоящей публикации мы затрагиваем очень ограниченный сегмент библиотеки, касающийся взаимоотношений Н.К. Михайловского и М.Е. Салтыкова.

Выдающийся журналист, публицист и литературный критик, безусловный авторитет позднего народничества, последний из тех, кого называли «властителями дум», Николай Константинович Михайловский³ (1842–1904) в жизни никогда не был ни книжником, ни библиофилом. Более или менее постоянное книжное собрание стало формироваться у него только с конца 1880-х и в особенности с начала 1890-х гг. Разъезд, а затем окончательный разрыв с гражданской женой Л.Н. Левицкой (1891) и последовавшая за этим некоторая стабилизация быта с двумя подрастающими сыновьями в доме⁴, а

¹ См.: [Николаев, 1984]; [Библиотека Бестужевских курсов, 2009]; [Востриков, 2014].

² В настоящее время в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ ведется работа по составлению каталога библиотеки Н.К. Михайловского. Подготовленный нами предварительный каталог инскриптов из русской части библиотеки содержит около 350 дарственных, владельческих и рассылочных записей, вписанные авторами цензурные купюры и пр.; среди авторов – Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, С.А. Венгеров, Д.Н. Мамин-Сибиряк, П.Н. Миллюков, Вас. и Вл.И. Немировичи-Данченко, Ф.Ф. Павленков, М.Е. Салтыков, А.М. Скабический, П.Ф. Якубович и мн. др.; не менее значимо и отсутствие некоторых имен, среди которых достаточно назвать А.П. Чехова.

³ Наиболее последовательно биография Н.К. Михайловского освещена в статье М.Г. Петровой [Петрова, 1999]

⁴ Н.К. Михайловский женился на Марии Евграфовне Павловской в 1869 г.; брак оказался непрочным, супруги вскоре разъехались, а к 1873 г. расстались окончательно. Развод не был оформлен, поэтому, сойдясь в 1874 г. с Людмилой Николаевной Левицкой, Михайловский не мог узаконить эти отношения. Их дети (Николай – род. в 1874 г., и Марк – в 1877 г.) считались незаконнорожденными. После высылки Михайловского из Петербурга в 1882 г. взаимоотношения Михайловского с Левицкой ухудшились; по его возвращении в Петербург они поселились раздельно, но он регулярно виделся с детьми. В 1891 г. Левицкая вышла замуж и уехала из Петербурга;

также начало работы в журнале «Русское богатство» (1892) стали точкой отсчета, начиная с которой небольшая книжная подборка, сохранившаяся в перипетиях жизненных неурядиц, стала превращаться в полноценную домашнюю библиотеку. Однако это разрастание шло, по-видимому, достаточно стихийно: книги приобретались в случае (и по мере) актуальной в них потребности, о каком-либо системном комплектовании речь не шла; многотомные собрания могли состояться из томов разных изданий – или же оставаться неполными. Для того чтобы следить за текущими общественными и литературными процессами, Михайловский предпочитал периодическую печать; книги, хоть и превышали журналы по количеству названий втрое или даже вчетверо, часто были лишь дополнением к монументальным комплектам «Отечественных записок» (1867–1884), «Русской мысли», «Русского богатства», «Вестника Европы».

К 1904 г. домашняя библиотека Михайловских¹ составляла около 5 тысяч томов¹, однако не была ограничена объемом шкафов и

Михайловский настоял на том, чтобы дети остались с ним, причем ему пришлось их формально усыновить.

¹ Младший сын Н.К. Михайловского, Марк Николаевич (1877–1904) был зоологом-ихтиологом, окончил С.-Петербургский университет, участвовал в экспедициях на север (Мурман, Шпицберген, остров Колгуев), опубликовал несколько научных статей (преимущественно – по ихтиологии), пробовал свои силы и в очерковой журналистике. Осенью 1903 г. он был принят на должность младшего зоолога в Зоологический Музей Академии наук. В библиотеке сохранилось около 40 специальных работ по ихтиологии; часть из них помечена владельческой записью: «Михайловский Марк». Вместе с тем круг его интересов явно выходил за узкие границы специальных дисциплин и затрагивал как общие естественнонаучные, так и социальные и исторические проблемы. С отцом «его связывала самая искренняя душевная дружба, он из частых и продолжительных бесед был хорошо знаком со взглядами этого известного писателя-публициста и искренно им сочувствовал» [Скориков, 1905, с. III]. Характерна двойная запись на томе «Основных вопросов философии истории» Н.И. Кареева: под первоначальной «Многоуважаемому Николаю Константиновичу Михайловскому от автора» приписано: «а от меня, Николая Михайловского – Марку Михайловскому» (Кареев Н. Основные

развивалась экстенсивно. Михайловский обрастал книгами как годовыми кольцами, не видя нужды, а потому и не спеша расставаться с теми, потребность в которых миновала. Книга, пройдя через его руки (даже если и не была по-настоящему прочитана), становилась фактом его биографии; не только носителем информации, но и свидетельством его мысли, душевного состояния, памятником личных отношений: встреч, знакомств, дружб – или даже неприязни². В отношении книг, прошедших вместе с ним беспринутные скитания юности, перемены ночлегов и квартир, переезды и высылки, эта мемориальная составляющая удваивалась и утраивалась.

Михайловский умер от разрыва сердца 28 января 1904 г. В.Г. Короленко писал жене: «Служил молодой священник панихиду среди шкапов с книгами. Вместо икон со стен глядели: портрет Успенского, с одной стороны, и бюст Шелгунова – с другой <...> Толпа была такая, что, говорят, не бывало с похорон Тургенева <...> Венки везли на трех колесницах, гроб до самого кладбища несли на руках...» [Петрова, 1999, с. 105]. Спустя два или три месяца врачи констатировали у Марка Михайловского чахотку; он отправился для лечения за границу, где и умер 28 августа того же года [Скориков,

вопросы философии истории: Обе части в 1 т. – 3-е (сокр.) изд. – СПб., 1897. – БМ XI.2.2)

¹ Данные об объеме библиотеки нуждаются в уточнении. При первом сообщении о пожертвовании говорилось о том, что книжное собрание составляет «около 8 тысяч томов» [Общество для доставления средств, 1906, с. 18]; затем назывались «5–6 тысяч томов» [Общество для доставления средств, 1906, с. 85]; окончательный объем составил «1 672 названий в 3 411 томах и 866 брошюр» [Отчет Комитета Общества для доставления средств, 1907, с. 25]. К сожалению, эти количественные данные очень условно соотносятся с современными принципами учета: под томами подразумеваются переплеты, независимо от того, сколько томов издания или номеров журнала в него вошли; одним томом учтены и конволюты, содержавшие до десяти изданий; к «брошюрам» отнесены и собственно брошюры, и отдельные оттиски статей, и журнальные вырезки.

² См. наш материал о дарственной записи Акима Волинского на томе вышедшей под его редакцией переписки Б. Спинозы и об обстоятельствах этого дарения на сайте Библиотеки Бестужевских курсов: <http://www.library.spbu.ru/bbk/bookcoll/priormat/mihb.php>.

1907, с. I–IV]. Библиотека внезапно осиротела. Николай Николаевич Михайловский¹, лишившись меньше чем за год отца и брата, должен был распорядиться имуществом. Архив отца он отдал его товарищам по «Русскому богатству»², библиотеку пожертвовал Бестужевским курсам³.

На курсах пожертвование было принято с необычайным воодушевлением: «Комитет принял этот ценный дар с глубокою благодарностью и постановил отвести ему непосредственно примыкающее к библиотеке курсов отдельное помещение и присвоить ему наименование “Библиотека Николая Константиновича Михайловского”. – Постановлено составить отдельный инвентарь и каталоги, увековечить память покойного Николая Константиновича постановкой портрета в помещении его библиотеки...» [Общество для

¹ Николай Николаевич Михайловский (1874–1923) посвятил свою жизнь театру; участвовал в любительских постановках с гимназических времен (см. воспоминания его товарища тех лет П.П. Гайдебурова [Гайдебуров, 1977, с. 175]), в 1899 г. с группой артистов Александринского театра ездил на гастроли в Варшаву, затем был принят в МХТ, но в 1901 г. переехал в Ригу, где присоединился к драматической труппе К.Н. Незлобина и выдвинулся на первые роли; впоследствии, после отъезда Незлобина, заменил его в качестве руководителя труппы, режиссера и антрепренера (см.: [Театральная энциклопедия, т. 3, 1964, стб. 857]; [Рижский русский городской театр, 1912, с. 5-15]; [Сегаль, 1983, с. 9-11]). В пожертвованной библиотеке театральной литературы практически нет.

² Архив был разобран под руководством В.А. Мякотина [Русанов, 1914, с. 129]. В настоящее время архив Н.К. Михайловского хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, ф. 181; ф. 266 (в составе фонда «Русского богатства»).

³ Важную посредническую роль в этом пожертвовании, вероятно, сыграла Екатерина Павловна Султанова (урожд. Леткова, 1856–1937), писательница, общественная деятельница, многолетняя знакомая Н.К. Михайловского, член Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам, участвовавшая в заведовании курсовой библиотекой. Она же произвела первый разбор пожертвования на курсах [Общество для доставления средств, 1906, с. 85]. О Е.П. Султановой-Летковой и ее взаимоотношениях с Н.К. Михайловским см.: [Леткова, 1914], [Баскаков, Алексеев, 1994].

доставления средств, 1906, с. 18-19]. К сожалению, отдельный каталог библиотеки Н.К. Михайловского так и не был составлен, но в общих каталогах (в том числе в печатных) они легко опознавались по шифру, начинающемуся с литер «БМ» – «Библиотека Михайловского»¹.

Библиотека Н.К. Михайловского составлялась случайно, непредумышленно, как бы сама по себе, и вследствие этого оказалась одним из самых честных его портретов. Не раз позировавший художникам² и фотографам, тут он был застигнут врасплох и не успел принять позы. И библиотека рассказывает о нем так, как он не сказал сам и не сказали в воспоминаниях его друзья и знакомые.

В 1875 г. Михайловский писал в «Записках профана»: «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог. Вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится “русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями” и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, – я не покорюсь <...> Я буду драться <...> Я и сам сумею разбить бюст Белинского и сжечь свои книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что их надо бить и жечь. Но пока они мне дороги, я <...> всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другим дорогое...» [Михайловский, 1897, стб. 692]. Знакомство с библиотекой Н.К. Михайловского позволяет увидеть за этими словами не только несгибаемую верность идейным принципам, но и трогательную сентиментальную привязанность к воспоминаниям о людях, с которыми довелось встретиться в жизни.

¹ В предисловии к выпущенной в 1908 г. первой части печатного каталога Библиотеки ВЖК о библиотеке Михайловского сказано следующее: «Библиотека покойного Н.К. Михайловского, пожертвованная его сыном, заключает в себе 6 тысяч томов и отражает собой по преимуществу ближайшую к нам эпоху, начиная с 60 гг. прошлого столетия. Она размещена в отдельной комнате и в тех же самых шкафах, в которых находилась и у покойного писателя» [Каталог Библиотеки С.-Петербургских Высших женских курсов, 1908, с. III].

² Вероятно, копию самого известного портрета работы Н.А. Ярошенко (1890-е гг.) планировалось поместить в библиотеке. Удалось ли осуществить эту идею – неизвестно.

В настоящее время основная часть библиотеки Н.К. Михайловского хранится в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ в фонде сектора «Библиотека Бестужевских курсов» (в историческом помещении библиотеки Бестужевских курсов в здании на 10-й линии Васильевского Острова, в котором сейчас располагается Институт наук о Земле СПбГУ); часть особо ценных изданий передана на хранение в Отдел редких книг и рукописей.

При публикации в тексте инскриптов в угловых скобках оговариваются утраты при обрезе и переплете и раскрываются сокращения. В разделах записи размещены в алфавите авторов.

І. Дарственные надписи М.Е. Салтыкова Н.К. Михайловскому (1881–1887)

Н.К. Михайловский познакомился с М.Е. Салтыковым летом 1868 г., когда в редакции «Отечественных записок» молодой литератор в присутствии редакторского триумвирата читал начало своего романа «Борьба». Вскоре после этого Михайловский стал постоянным, а затем одним из ведущих авторов журнала. Особенно тесное сотрудничество началось с 1878 г., когда после смерти Н.А. Некрасова Михайловский стал соредактором «Отечественных записок». В это время Салтыков смог оценить Михайловского не только как оригинального и талантливого публициста, но и как принципиального, энергичного и необычайно трудоспособного организатора. При постоянно больном и отсутствующем Г.З. Елисееве, Салтыкову, которого тоже нередко подводило здоровье, все чаще приходилось оставлять ведение журнального хозяйства на молодого соредактора. Вместе с тем в личных отношениях между Салтыковым и Михайловским всегда сохранялась некая дистанция. Как писал сам Салтыков в письме от 15 марта 1885 г., «...разность лет и болезнь препятствовали мне ближе сойтись с вами» (20, с. 157). Впрочем, на вечерах у Михайловского Салтыкову бывать было неудобно не только по разнице в возрасте, но и по установившемуся там холостяцкому тону¹. Михайловский же,

¹ Ср.: «Главного украшения общества – дам, насколько я припоминаю, почти не бывало, может быть, впрочем, вследствие нелегального положения супруги хозяина» [Янжул, 1911, с. 32].

наоборот, у Салтыкова бывал регулярно; после закрытия «Отечественных записок» именно в доме у своего бывшего соредактора он имел возможность встретиться со знакомыми по прежней совместной работе.

Лаконичный текст дарственной надписи был обычен для Салтыкова – см. абсолютно идентичные по почерку, размещению на листе и т. д. надписи, адресованные А.А. Буткевич, Ф.М. Достоевскому [Литературное наследство, 1933, с. 647, 131], А.Н. Еракову, А.Н. Островскому, А.Н. Пыпину и Е.М. Семевской [Литературное наследство, 1934, с. 297, 339, 375, 521]; только надпись П.В. Анненкову (из семи, опубликованных в двух томах «Литературного наследства») содержит более распространенное высказывание [Литературное наследство, 1934, с. 507].

Все издания в позднейших переплетах (картон, мраморная бумага, дерматиновый корешок).

В библиотеке Михайловского было еще 4 прижизненных издания Салтыкова, описания которых даны в конце списка инскриптов (с номерами в фигурных скобках). Общие принципы формирования и хранения библиотеки позволяют допустить с высокой долей вероятности, что они также были подарены Михайловскому автором. Вторая часть «Мелочей жизни» (№ {10}), скорее всего, была подарена вместе с первой (№ 6), и Салтыков не посчитал необходимым надписывать каждую; впоследствии обе части были соединены в одном переплете. Отсутствие дарственных записей в №№ {7}, {8} и {9}, помимо чисто бытовых обстоятельств, может быть объяснено следующим. Салтыков делал надписи и на титульных листах, и на форзацах (а возможно, и на типографских обложках). Отечественные же переплетчики часто пренебрегали обложками, шмуцтитулами и форзацами, так что дарственная надпись могла быть утрачена при переплете (см. жалобы библиотекаря ВЖК Е.В. Балобановой на неаккуратность переплетчиков [Екатерина Балобанова, 2014, с. 21, 22, 36, 52, 53]). Из сохранившихся в библиотеке Михайловского прижизненных изданий Салтыкова типографские обложки при позднейшем переплете не сохранены ни в одном; форзацы отсутствуют в №№ 1, 2, 5, {8} и {9}.

1. «Н.К. Михайловскому Автор» (на тит. л.).

Салтыков (Щедрин) М.Е. За рубежом. – СПб., 1881 (БМ 6.4.5; ОРК 9930).

2. «Н.К. Михайловскому Автор» (на тит. л.).

Салтыков (Щедрин) М.Е. Письма к тетеньке. – СПб., 1882 (БМ 6.4.4; ОРК 9937).

3. «Н.К. Михайловскому Автор» (на форзаце).

Салтыков (Щедрин) М.Е. Современная идиллия. – СПб., 1883 (БМ 12.8.8; ОРК 9939).

4. «Николаю Константиновичу Михайловскому Автор» (на форзаце).

Салтыков (Щедрин) М.Е. Недоконченные беседы («Между делом»). – СПб., 1885 (БМ 5.4.11; ОРК 9935).

5. «Николаю Константиновичу Михайловскому Автор» (на тит. л.).

Салтыков (Щедрин) М.Е. Пестрые письма. – СПб., 1886 (БМ 6.4.6; ОРК 9936).

6. «Николаю Константиновичу Михайловскому Автор» (на форзаце).

Салтыков (Щедрин) М.Е. Мелочи жизни. – Ч. 1. – СПб., 1887 (БМ 4.4.8; ОРК 9934.all.1).

{7}. *Салтыков (Щедрин) М.Е.* В среде умеренности и аккуратности. – СПб., 1878 (БМ VI.4.8; ОРК 9928).

{8}. *Салтыков (Щедрин) М.Е.* История одного города. – 2-е изд. – СПб., 1879 (БМ III.3.12; ОРК 9931).

{9}. *Салтыков (Щедрин) М.Е.* Господа Головлевы. – СПб., 1880 (БМ III.3.14; ОРК 9929).

{10}. *Салтыков (Щедрин) М.Е.* Мелочи жизни. – Ч. 2. – СПб., 1887 (БМ IV.4.8; ОРК 9934.all.2).

II. Инскрипты 1867–1884 гг.

Из инскриптов, включенных в настоящий раздел, лишь немногие можно считать собственно мемориальными, т.е. сделанными в знак личных дружественных (или, по крайней мере, приятельских) отношений. К ним мы можем отнести адресованные М.Е. Салтыкову надписи И.А. Гончарова (№ 15) и Е.Е. Барышова (№ 12, 13) и адресованную К.Н. Михайловскому надпись С.Н. Кривенко (№ 25). Однако большинство инскриптов так или иначе были связаны с работой Н.К. Михайловского в «Отечественных записках» и имели главной (пусть иногда скрытой) целью установление и поддержание отношений профессиональных (автор–редакция; автор–рецензент), а также включение подаренного издания в сферу внимания авторитетного журнала. Личная апелляция (к Салтыкову или Михайловскому) в данном случае была лишь данью этикету или фигурой речи; владелец книги (и, соответственно, адресат записи) легко с ней расставался, передавая тому, кому она нужна для работы.

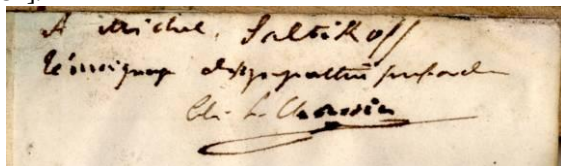
Однако впоследствии, когда издание уже утратило свою актуальность и осело в библиотеке Н.К. Михайловского, когда его отношения с фигурирующими в инскрипте персонажами стали частью его биографии, произошла вторичная мемориализация, сделавшая именно инскрипт, а не издание основным объектом хранения.

А. Надписи, адресованные М.Е. Салтыкову.

11. «A Michel Saltikoff témoignage de sympathie <?> profonde <?> Ch.-L. Chassin»¹.

Chassin Ch.-L. L'église et les derniers serfs. – Paris, 1880 (БМ I.2.16).

Шассен, Шарль-Луи (Chassin, 1831–1901) – французский публицист, корреспондент «Современника» (с 1865 г.) и «Отечественных записок», редактор журнала «Democratie». Его материалы («Парижские письма», «Письма из Парижа», «Хроника парижской жизни»; за подписями «Клод Франк» и «Людовик») постоянно печатались в «Отечественных записках» с 1869 по 1884 г. Об отношении М.Е. Салтыкова к Ш.-Л. Шассену см. заметку С.А. Макашина [Неизданные и несобранные письма Салтыкова, 1959, с. 478-484].

Салтыков лично познакомился с Шассеном в Париже в 1875 г.; данное издание, скорее всего, было вручено при встрече в Париже летом 1881 г. – см. письмо Салтыкова Шассену от 19/31 августа 1881 г. и прим. (19-2, с. 29-30). Приятельское «Мишель» и крайняя нетвердость почерка могут свидетельствовать о неформальном характере встречи.

12. «Михаилу Евграфовичу Солтыкову (sic!) от переводчика».

Байрон Дж. Г. Каин. Мистерия. Перевел Ефрем Барышов. – СПб., 1881 (БМ V.6.2; ОРК 9660).

¹ Мишелью Салтыкову в знак глубокой симпатии. Ш.-Л. Шассен (франц.). Прочтение двух слов, помеченных <?>, условно; другие варианты (впрочем, также не вполне соответствующие лихорадочной скорописи Шассена): "...de la disposition...", "...de l'affection...", "...de l'appréciation fraternelle..." (= ...братского расположения..., признательности...). Выражаю искреннюю благодарность В.А. Мильчиной, И.В. Хмелевских и Б. Бенцу за помощь.

Барышов (Барышёв) Ефрем Ефремович (1812–1881) – поэт, переводчик, библиограф; друг И.А. Гончарова.

13. «Михаилу Евграфовичу Солтыкову от переводчика».

Корнель П. Родогюна. Трагедия. Перевел Ефрем Барышов. – СПб., [1880] (БМ XI.1.22; ОРК 9760).

A rectangular piece of aged, yellowed paper with handwritten text in dark ink. The text is written in a cursive script and reads: "Михаилу Евграфовичу Солтыкову от переводчика."

14. «Его высокородию Михаилу Евграфовичу Солтыкову автор».

Весоловский Ф.А. Примирение русских с поляками. Воспоминание прошлого. Историческая брошюра, основанная на документах XVI века и составленная по поводу столетней годовщины первого раздела Польши в 1872 году. – СПб., 1881 (БМ XVIII.3.2.all.6; в составе конволюта, озаглавленного на корешке переплета «Статьи по польскому вопросу»).

Весоловский Феликс А. (Wesołowski) – автор работ по истории русско-польских отношений.

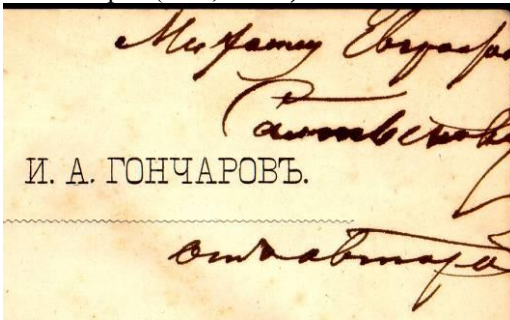
«Ваше высокородие» – официальное титулование по чину 5 класса (статский советник). Автор ошибся: М.Е. Солтыков был действительным статским советником (4 класс), и должен был титуловаться: «Ваше превосходительство».

A rectangular piece of aged, yellowed paper with handwritten text in dark ink. The text is written in a cursive script and reads: "Его Высокоудия Михаилу Евграфовичу Солтыкову". There is a faint signature at the bottom right.

15. «Михаилу Евграфовичу Солтыкову от автора».

Гончаров И.А. Четыре очерка: [Литературный вечер. Мильон терзаний. Заметки о личности Белинского. Лучше поздно, чем никогда]. – СПб., 1881 (БМ IV.3.31; ОРК 9706).

Гончаров Иван Александрович (1812–1891) – писатель. Дарение могло состояться на обеде по случаю 35-летия литературной деятельности А.Н. Островского 2 марта 1882 г. Ср. подробный рассказ об обеде в письме Салтыкова к И.С. Тургеневу от 6 марта 1882 г.: «На обеде был между прочим И.А. Гончаров и тихо завидовал, что у него нет брата-министра» (19-2, с. 100).

16. «М.Е. г. Салтыкову в знак глубокого уважения и признательности от автора».

Флисфедер Д.И. Еврейский вопрос пред судом истории. – СПб., 1882 (БМ I.3.5; ОРК 9986).

Флисфедер Давид Ильич (1848–1885) – врач, публицист; автор нескольких статей и брошюр по еврейскому вопросу; жил в Кишиневе.

В. Надписи, адресованные редакции журнала «Отечественные записки».

17. «В Редакцию журнала “Отечественные Записки” от автора».

Грот Н.Я. К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов. – Нежин, 1882 (БМ IX.4.19).

Грот Николай Яковлевич (1852–1899) – философ, социолог, психолог. Настоящая работа является докторской диссертацией.

18. «В редакцию “Отечественных Записок” от автора. Ф. Ми<щенко>».

Мищенко Ф.Г. Опыт по истории рационализма в древней Греции. Ч. I. Рационализм Фукидида в истории Пелопоннесской войны. – Киев, 1881 (БМ IX.2.34).

Мищенко Федор Герасимович (1848–1906) – историк и филолог-классик, переводчик и комментатор античных текстов. Настоящая работа является докторской диссертацией.

19. «В редакцию журнала “Отечественные Записки”».

К царскому юбилею. Собрание прозаических и стихотворных отрывков, относящихся к Государю Императору, со дня Его рождения до 19-го февраля 1880 года. Собрал С. Пономарев. – СПб., 1880 (БМ I.8.19.№1). – Составитель установлен по изд.: Хронологический список сочинений, изданий и переводов С.И. Пономарева. СПб., 1913, с. 19, № 303.

Пономарев Степан Иванович (1828–1913) – литературовед, поэт, библиограф.

20. «В Редакцию журнала “Отечественные Записки” от автора».

Уманец Ф.М. Вырождение Польши. – СПб., 1872 (БМ I.1.12).

Уманец Федор Михайлович (1841–1908) – историк, юрист. В «Отечественных записках» была напечатана его кандидатская диссертация «Надел общины и дворовые люди» (1862); были отрецензированы его книги «Общественное воспитание в России» (Дрезден, 1867. – 1868, № 12) и «Из моих наблюдений по крестьянскому делу» (СПб., 1881. – 1882, № 1); последняя рецензия, напечатанная без подписи, принадлежит Н.С. Русанову; см. письмо к нему Е.Е. Колосова (1909 г.), предполагавшего авторство Н.К. Михайловского [Боград, 1971, с. 508–509].

С. Надписи, адресованные Н.К. Михайловскому.

21. «Николаю Конст<антиновичу> Михайл<овскому> от автора».

Водовозов В. Очерки из русской истории XVIII-го века. – СПб., 1882 (БМ VI.4.2).

Водовозов Василий Иванович (1825–1886) – педагог, писатель, переводчик; автор многочисленных статей, печатавшихся в том числе и в «Отечественных записках».

22. «Николаю Константиновичу Михайловскому. В знак искреннего уважения от редактора».

Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом под редакцией действительного члена и секретаря комитета А.С. Гациского. – Т. I. – Нижний-Новгород, 1867.

Гациский Александр Серафимович (1838–1893) – нижегородский краевед, секретарь Нижегородского губернского статистического комитета, председатель Нижегородской ученой архивной комиссии; этнограф, публицист, общественный деятель. «Нижегородские сборники», выпуск которых в значительной степени основывался на энтузиазме и работоспособности А.С. Гациского, печатались очень большими для литературы такого рода тиражами (500–800 экз.), раскупались довольно слабо, и Гациский в течение долгих лет имел возможность одаривать новых знакомых экземплярами (см.: [Бердинских, 2003, с. 203–205]). В библиотеке Н.К. Михайловского имеются первые шесть томов издания, вышедшие в 1867–1877 г., в однотипных переплетах; что заставляет предположить, что все они были подарены одновременно. Седьмой том «Сборника» вышел в свет после длительного перерыва, в 1887 г.; видимо, к этому промежутку (1877–1887 г.) и следует отнести время подарка.

23. «Николаю Константиновичу Михайловскому. В знак искреннего уважения от редактора».

Сборник в память Первого Русского статистического съезда 1870 года, изданный нижегородским статистическим комитетом, под редакцией действительного члена и секретаря комитета А.С. Гациского. – Вып. II. – Нижний-Новгород, 1875 (БМ XVII.1.11).

24. «Николаю Михайловичу (sic!) Михайловскому от автора».

Ковалевский М. Общественный строй Англии в конце средних веков. – М., 1880 (БМ VIII.10.12; ОРК 9758).

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, социолог, общественный деятель. Н.К. Михайловский написал рецензию на его книгу «Общинное землевладение. Ч. I» (Отечественные записки. 1879. № 9).

25. «Николаю Константиновичу Михайловскому от уважающего его автора».

Кривенко С.Н. Физический труд как необходимый элемент образования. – СПб., 1879 (БМ IV.1.5; ОРК 9766).

Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906) – писатель, публицист, постоянный автор «Отечественных записок» (со второй половины 1870-х гг.). Первоначальный вариант работы был опубликован без подписи в «Отечественных записках» (1876, № 2; 1877, №№ 4, 5) и имел большой общественный резонанс. Рецензия Н.К. Михайловского (?) на отдельное издание: Отечественные записки. 1879. № 1. Впоследствии Н.К. Михайловского и С.Н. Кривенко связывала самая близкая дружба, решительно прерванная в начале 1890-х гг. [Пименова, 1929, с. 164–165].

26. «Николаю Константиновичу Михайловскому от автора. 28 Генв<аря> 18<обрезано>».

Куплеваский Н. Административная юстиция в Западной Европе. Ч. I. Административная юстиция во Франции. – Харьков, 1879 (БМ VI.11.3).

Куплеваский Николай Осипович (1847– после 1918) – юрист, правовед; профессор Харьковского университета. Рецензия на издание: Отечественные записки. 1880. № 5 (без подписи).

27. «Николаю Константиновичу Михайловскому от глубоко уважающего его автора. Киев 20 августа 1883 г.»

Зеворт Э. История нового времени (XVI–XVIII ст.) / Перевод под редакцию и с дополнениями профессора Императорского Университета Св. Владимира И.В. Лучицкого. – Т. 1. – Киев, 1883 (БМ IX.1.8).

Лучицкий Иван Васильевич (1845–1918) – историк, экономист, публицист; автор нескольких исследований и множества статей, печатался и в «Отечественных записках» (с 1880 г.).

28. «Н.К. Михайловскому в знак глубокого уважения от автора».

Львов Д. Промысловый налог и методы его установления в Западно-Европейских государствах и России. – М., 1880 (БМ IV.8.28).

Львов Дмитрий Михайлович (1850–?) – юрист, экономист. Настоящая работа является магистерской диссертацией.

29. «Г. Михайловскому. С. Мир<опольский>».

Миропольский С. Ян Амос Коменский и его значение в педагогике. – [СПб.], [1871]. – Извлечение из «Журнала Министерства народного просвещения», 1871, ч. CLV, май; июнь; ч. CLVI, июль (БМ VII.6.3д).

Миропольский Сергей Иринеевич (1842–1907) – историк, педагог; помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения» (с 1870 г.), член Учебного комитета при Священном Синоде (с 1871 г.).

30. «Н.К. Михайловскому от переводчика. Ф. Мищенко».

Буше-Леклерк О. Из истории культуры. Истолкование чудесного (ведовство) в античном мире. Перевод с французского под редакцией и с предисловием Ф.Г. Мищенко. – Киев, 1881 (БМ XVIII.8.8).

Мищенко Федор Герасимович (1847–1906) – см. прим. к № 18.

31. «Н.К. Михайловскому от автора».

Ососов В.Я. Городские общественные банки России. Обзор их деятельности по 1-е января 1871 года. – СПб., 1872 (БМ IX.2.30; ОРК 9865).

Ососов Василий Яковлевич (сер. 1830-х –1877?) – экономист.

32. «Николаю Константиновичу Михайловскому от автора».

Пахман С.В. О современном движении в науке права. Речь, произнесенная в годовом собрании Юридического общества, состоящего при С.-Петербургском университете 14 февраля 1882 г. – СПб., 1882 (БМ X.3.11.№ 9).

Пахман Семен Викентьевич (1825–1910) – юрист-цивилист, профессор Харьковского, затем Петербургского университета, Александровского Лицея и Училища правоведения; с 1882 г. сенатор. В «Отечественных записках» были напечатаны рецензии на два тома его книги «Обычное гражданское право в России» (т. 1. СПб., 1877. – 1877, № 10; т. 2. СПб., 1879. – 1879, № 7; обе без подписи).

33. «Н.К. Михайловскому в знак искреннего уважения от автора. 16/11 <П?> 1879».

Янжул И. Опыт исследования английских косвенных налогов. Акциз. – М., 1874 (БМ IV.8.26; ОРК 10018).

Янжул Иван Иванович (1846–1914) – экономист и статистик, педагог; печатался в «Отечественных записках» с 1879 г.

D. Varia.

34. «Василию Алексеичу Дьяконову на память от Варадинова. 30 окт. 1858. С.Петербург».

Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Ч. I. Период первоначального учреждения министерств. С 8 сент. 1802 г. по 1809 г. включительно. – СПб., 1858 (БМ VIII.7.23).

Варадинов Николай Васильевич (1817–1886) – юрист, историк; чиновник Министерства внутренних дел, редактор «Журнала Министерства внутренних дел» (1855–1862).

Дьяконов Василий Алексеевич – неустановленное лицо.

35. «<Верх записи обрезан> на память от автора».

Вейнберг П.И. Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. – Варшава, 1872 (БМ XVIII.4.37; ОРК 9681).

Вейнберг Петр Исаевич (1831–1908) – поэт, переводчик, историк литературы; постоянный автор «Отечественных записок».

Адресат надписи неизвестен.

36. «В Библиотеку Статистического Отделения Московского Земства от автора».

Иванюков И. Падение крепостного права в России. – СПб., 1882 (БМ X.1.8).

Иванюков Иван Иванович (1844–1912) – экономист, публицист; печатался в «Отечественных записках» (с 1868 г.).

37. «Моему Аристарху. СПб. 1876 июль».

Миропольский С.И. План и основы устройства нашей народной школы. – СПб., 1876 (БМ VIII.9.13; ОРК 9837).

Миропольский Сергей Иринеич (1842–1907) – см. прим. к № 29. Рецензия на эту книгу (под заголовком: «Фантазии и действительность в деле нашей народной школы», без подписи) была опубликована в «Отечественных записках» (1877, № 5). Автор рецензии – вероятно, он же и адресат надписи – не установлен.

38. «Николаю Александровичу Демерту от Н. Фирсова. 11 Декабря 1869 г. Казань».

Фирсов Н. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. – Казань, 1869 (БМ XII.6.14).

Фирсов Николай Алексеевич (1831–1896) – историк, педагог; профессор Казанского университета (с 1869 г.).

Демерт Николай Александрович (1833–1876) – писатель, публицист; один из самых деятельных сотрудников «Отечественных записок» с 1868 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердинских, В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография / В.А. Бердинских. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 522 с.

Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / Сост. А.В. Востриков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – 138 с.

Боград, В.Э. Журнал «Отечественные записки». 1868–1884. Указатель содержания / В.Э. Боград. – М.: Книга, 1971. – 734 с.

Баскаков, В.Н., Алексеев, А.В. Леткова, Екатерина Павловна / В.Н. Баскаков // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия; НВП Фианит, 1994. – Т. 3: К–М. – С. 350-351.

Востриков, А.В. Об одной записи в книжном собрании Н.К. Михайловского / А.В. Востриков // Михайловская Пушкиниана: Сб. науч. тр. Музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». – Вып. 63: «Когда б я был царь...». – 2014. – С. 325-334.

Гайдебуров, П.П. Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления / П.П. Гайдебуров. – М.: Всерос. театр. о-во, 1977. – 464 с.

Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды. Документы. Воспоминания / Сост., автор статьи и комм. А.В. Востриков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 208 с.

Каталог Библиотеки С.-Петербургских Высших женских курсов: Историко-филологический отдел. – СПб.: О-во доставления средств СПб. В. Ж. курсам, 1908. – [1], 3, V, 276 с.

Леткова, Е.П. Из писем Н.К. Михайловского: (К 10-летию его кончины) / Е.П. Леткова // Русское богатство. – 1914. – № 1. – С. 370-398.

Литературное наследство. – Т. 11–12: М. Салтыков-Щедрин. [Кн.] 1. – М.: Жур.-газ. объединение, 1933. – XX, 659 с.; Т. 13–14: М. Салтыков-Щедрин. [Кн.] 2. – М.: Жур.-газ. объединение, 1934. – XX, 721 с.

Михайловский, Н.К. Сочинения. – Т. 3 / Н.К. Михайловский. – СПб.: ред. журн. «Русское богатство», 1897. – [4] с., 904 стб.

Неизданные и несобранные письма Салтыкова / Публ. С.А. Макашина при участии В.Н. Баскакова и А.С. Бушмина; Пер. с фр. письма Ш.-Л. Шассена Л.Р. Ланского // Литературное наследство. – Т. 67: Революционные демократы: Новые материалы. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 449-536.

Николаев, Н.И. Список важнейших книжных коллекций, хранящихся в Научной библиотеке Ленинградского университета // Горфункель А.Х., Николаев Н.И. Неотчуждаемая ценность: Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – С. 161-175.

Общество для доставления средств Высшим женским курсам: Отчет за 1904–1905 г. – СПб.: [О-во для доставления средств СПб. В. Ж. курсам], 1906. – XV, [1], 114 с.

Отчет Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам за 1905–1906 г. – СПб.: [О-во для доставления средств СПб. В. Ж. курсам], 1907. – [4], 175, [1] с.

Петрова, М.Г. Михайловский, Николай Константинович / М.Г. Петрова // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия; НВП Фианит, 1999. – Т. 4: М–П. – С.99-106.

Пименова, Э.К. Дни минувшие: Воспоминания / Э.К. Пименова. – Л.; М.: Книга, 1929. – 193, [5] с.

Рижский русский городской театр: 1902–1912. – Рига: [Рижский рус. гор. театр], 1912. – 90 с.

Русанов, Н.С. Архив Михайловского / Н.С. Русанов // Русское богатство. – 1914. – № 1. – С. 129-164.

Сегаль, З.Н. Рижский театр русской драмы: 1883–1983 / З.Н. Сегаль. – Рига: Авотс, 1983. – 104 с.

Скориков, А.С. М.Н. Михайловский: [Некролог] / А.С. Скориков // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. – 1905. – Том X. – № 1–2. – С. I–IV.

Театральная энциклопедия. – Т. 3: Кетчер – Нежданова. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 1086 стб.

Янжул, И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. / И.И. Янжул. – Вып. 2. – СПб.: тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1911. – [6], 189 с.

**СТИХОТВОРНЫЕ ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОКОВ
НА СМЕРТЬ М.Е. САЛТЫКОВА**

Составление, вступительная заметка

Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова

Подготовка текстов

Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова, Д.К. Равинского¹

В публикации впервые собраны все известные на сегодняшний день стихотворные отклики современников на смерть М.Е. Салтыкова. Большинство текстов принадлежит малоизвестным авторам и не имеет каких-либо литературных достоинств. Вместе с тем по совокупности этих стихотворений можно судить о том, как в массовом сознании осмыслялась роль Салтыкова в литературе и общественной жизни второй половины XIX в. Писатель представлен в стихах в первую очередь как сатирик, бесстрашный борец с общественным злом, и характеристика его как личности основана на общественной позиции. Это выразилось в том, что в ряде стихотворений личность писателя Салтыкова была вытеснена псевдонимом писателя – Н. Щедрина.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, некрологическое стихотворение, массовое сознание, клише, сатира, борец, учитель.

**THE CONTEMPORARIES' RESPONSES TO THE DEATH OF M.E.
SALTYKOV-SHCHEDRIN EXPRESSED IN VERSE**

Compilation and Introduction by

E.N. Stroganova, M.V. Stroganov

Notes and prepublication preparation of the texts by

E.N. Stroganova, M.V. Stroganov, D.K. Ravinsky

For the first time ever, the publication compiles all verse responses to the death of M.E. Saltykov-Shchedrin known today. The majority of the texts belong to little-known writers and have no literary value at all. However, the totality of this collection can lead one to a judgement on the

¹ Дмитрий Константинович Равинский, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, dravinskij@mail.ru.

ways the mass consciousness interpreted the role of Saltykov in literature and public life of the second half of the XIX century. In these poems, the writer is presented primarily as satirist, a fearless fighter against social evil, and this evaluation of his personality was based on the social opinion. It effected in the fact that in a number of poems writer Saltykov's personality was supplanted by the pseudonym of N. Shchedrin.

Key words: M.E. Saltykov-Shchedrin, epitaphic rhymes and poems, mass consciousness, cliché, satire, fighter, teacher.

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты,
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась
[Ахматова, 1990, с. 191-192].

Эти стихи А.А. Ахматовой справедливы в том отношении, что смерть завершает человека и выявляет всё главное в нем. Разумеется, со временем представление о «главном» может измениться, но некоторые общие черты определяются сразу [Строганов, 1989; Строганова]. Мы не будем сейчас описывать облик Салтыкова, зафиксированный его современниками: это должно стать предметом специального исследования с привлечением материалов других некрологических жанров. Мы представляем только свод стихотворных откликов на смерть М.Е. Салтыкова, которого, кстати сказать, многие авторы не отличали от Н. Щедрина. В случае с Салтыковым весьма показательны также и то, что некоторые стихотворения (например, «Космополитка» Л.Н. Трефолева) были написаны не на смерть писателя, но, дойдя до читателя в то время, когда смерть Салтыкова стала общественным фактом, воспринимались как некрологические. Отдельные стихотворения посвящены не только Салтыкову, но также людям, умершим практически в одно время с ним («Отошедшим» К.М. Фофанова, «Вспомни и помни. Граф Д.А. Толстой и М.Е. Салтыков-Щедрин» Р.И. Романовского). Мы включаем в свод и эти

стихотворения, так как в них осмыслялся вклад Салтыкова в русскую культуру.

Помимо целого ряда публикаций, которые последовали сразу же после смерти и похорон писателя, некоторые материалы в свое время не были напечатаны и лишь впоследствии выявлялись в специальной литературе. Несколько стихотворений, запрещенных цензурой или претерпевших цензурные мытарства, было опубликовано в 1922 г. [М. Е. Салтыков и цензура, 1922]. Впервые систематическое описание некрологических стихотворений было сделано в «Литературном наследстве» [Борьба за Щедрина, 1934]. С уточнениями и обновлениями оно вошло в известный справочник Л.М. Добровольского [Добровольский, 1961, с. 385–389], хотя и в нем есть некоторые пробелы. Следует заметить, что очень многие из стихотворений на смерть Салтыкова никогда не перепечатывались, даже если принадлежали тем поэтам, чьи подборки входили в издание серии «Библиотека поэта», например, не вошли в подборки А.Ф. Иванова (Иванова-Классика), Вас.И. Немирович-Данченко, Л.И. Пальмина, А.К. Шеллера-Михайлова, Л.Н. Трефолева.

В России второй половины XIX в. смерть писателя, чьи произведения имели влияние на умы современников, всегда вызывала большой общественный резонанс. Но эта традиция сложилась не сразу. В 1861 г., отзываясь на смерть Н.А. Добролюбова, И.И. Панаев вспоминал, как хоронили В.Г. Белинского: человек двадцать друзей и знакомых шли за его гробом [Панаев, 1988, с. 356–357]. На этом фоне двести человек, пришедшие проводить в последний путь Добролюбова, знаменовали возросший авторитет печатного слова в эпоху наступающей гласности. Но первыми воистину народными стали похороны Н.А. Некрасова, собравшие тысячи почитателей его творчества [Летопись, 2009, с. 613–623]. М.Е. Салтыков, шедший за гробом, произнес: «Слава богу <...> начинают понимать, что значит писатель... Подождите, через несколько лет не то еще будет...» [Н.А. Некрасов в воспоминаниях, 1971, с. 467]. И действительно, в дальнейшем прощание с ушедшими из жизни кумирами – Ф.М.

Достоевским, И.С. Тургеневым¹, Л.Н. Толстым – приобретало всё более масштабный характер. Число людей, стремившихся отдать последний долг властителю дум, насчитывалось уже не тысячами, а десятками тысяч – многолюдные публичные похороны становились одним из наивысших проявлений общественного признания писателя. По поводу похорон Толстого У. Никелл заметил, что в его проводах выразился «акт самоосознания общества через присвоение Толстого, его ассимиляцию в историю и традицию России», и справедливо предположил, что аналогичные механизмы действовали в церемонии публичного прощания с другими выдающимися людьми [Никелл, 2000, с. 55]. Этот «акт самоосознания общества» выражался не только в многолюдных проводах писателя в последний путь, но и в многочисленных печатных откликах – некрологах, статьях, стихотворных откликах.

Смерть М.Е. Салтыкова стала чрезвычайно ощутимой общественной потерей. Знаменателен отклик А.П. Чехова в письме к А.Н. Плещееву от 14 мая 1889 г.: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик <...> но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все» [Чехов, 1976, с. 212-213]. Как невосполнимую утрату осознали кончину Салтыкова и другие его современники, многие из них – как профессиональные поэты, так и любители – стремились выразить свои настроения в стихах. Независимо друг от друга они воспроизводили те штампы, которыми сопровождалось распространенное представление о творчестве писателя, и при этом

¹ В.И. Дмитриева вспоминала о похоронах Тургенева: «Долго Петербург говорил об этих похоронах, а правительство, обеспокоенное их демонстративным характером, ответило на это запрещением нести венки за гробом, так что на тургеневских похоронах их уже везли на особых колесницах. От этого похоронная процессия приобрела несколько официальный характер, но толпа, принимавшая в ней участие, была, пожалуй, еще больше, чем у Достоевского» [Дмитриева, 1930, с. 186-187].

транслировали признанные литературные образцы откликов «на смерть поэта». В стихах разных авторов не раз встречаются реминисценции, а то и прямые цитаты из лермонтовского стихотворения «Смерть поэта» («И умер он» – Аноним. Памяти М.Е. Салтыкова; «Умолк навеки он!.. Порвались струны дивной лиры» – Л. Я. А-в; «Судьбы свершились угрозы» – М. Б.; «И вот свершилась судьба! Замолкли прекрасные звуки» – А. Г.; «И нет тебя... Смежились очи» – С. Захарьин; «Потускло гордое чело» – Н. Кельш). Очень часто встречаются отголоски некрасовского отклика на смерть Н.В. Гоголя «Блажен незлобивый поэт».

В этих стихах находим немало банальностей, от которых сам Салтыков наверняка пришел бы в негодование, есть и откровенно-бездарное графоманство (вирши Р.И. Романовского). Но нас в данном случае интересуют не художественные достоинства стихотворений, а те общественные настроения, которые они отразили. И в этом смысле штампы и банальности оказываются гораздо репрезентативнее оригинальности.

Читатель настоящего свода впервые получает возможность познакомиться со всеми стихотворными произведениями, написанными по получении известия о смерти Салтыкова. Многие из этих стихотворений печатались в местных газетах и ныне практически недоступны.

1. Л.Я. А-в¹

На смерть М.Е. Салтыкова – Н. Щедрина

Не стало Щедрина!.. Погасло яркое светило,
Нам путь к сознанию озарявшее в течение многих лет!..
Своей сохой скосила смерть безжалостно, похитила могила
Того, кто был опорой нам, России – честь и свет...

Не стало Щедрина, борца великого, титана,
Который юмором возвышенным в нас разум шевелил,

¹ [А-в, 1889].

Который в тьме невежества, средь душного тумана
Как факел яркий с высоты своей отечеству светил!..

Умел в язвительных словах, сквозь слезы, метко он смеяться
Над тем, что ближним пагубно, что счастьем их вредит,
Умел он хищников клеймить, за правду смело заступаться,
И был всегда девиз его: «пусть всюду истина царит»!..

Умолк навеки он!.. Порвались струны дивной лиры,
Которых звук так мощно отражался в светлых всех умах,
Потух огонь Божественный, разрушен жертвенник сатиры,
Зловещей стала тьма кругом, тревожной стал наш страх...

Печальный час!.. Утраты скорбной горькое мгновенье!..
Какой чувствительный удар, какой тяжелый выпал нам удел!
Где сил добыть в беде, откуда черпать утешенье?
Со смертью Щедрина сатиры трон надолго опустел!..

Мир праху твоему, великий русский наш писатель,
Страны обширной и могучей верный, честный гражданин!..
Ты был наш страж-хранитель, славный, мудрый воспитатель,
Стремлений благостных учитель и мысли светлой властелин!..

Забыть тебя, твои труды, о верь, не сможет вскоре
Та Русь, тот край родной, в котором правде ты служил;
Где смелою борьбой, с огнем властительным во взоре,
Порок и ложь ты бичевал, не пожалев последних сил!..

г. Симферополь
1889 г. Мая 1-го дня

2. М. Б.¹

На смерть М.Е. Салтыкова

¹ [Б. М., 1889а]; перепечатано: [Б. М., 1889б].

Пустынен мрачный небосклон,
Умолк последний гром сатиры...
Уж не раздастся гневный стон
Суровых струн угрюмой лиры.

Уста, пылавшие грозой,
Уже не бросят нам укора;
Поэту тесен гроб немой, –
И в жизни он не знал простора.

3. Д.Д. Безрукавников¹

Памяти М.Е. Салтыкова (Щедрина)

Судьбы свершились угрозы,
Ликует правды лиходей.
Нет Салтыкова, льются слезы
У скорбной родины моей.

Закрыт источник новой мысли:
Он недвижим в земле сырой,
И тучи черные повисли
Над зеленеющей нивой.

Он гордо шел на бой с страстями,
Льстецов нахальных бичевал.
Он изнывал порой в печали,
Но правдой ложь не называл.

Он защищал труда идею,
Он жизни путь нам озарял;
Сатирой резвою своею

¹ [Безрукавников, 1889]. Д.Д. Безрукавников (род. 1862), автор книги: [Безрукавников, 1913].

Больное сердце врачевал.

Но нет его уж между нами;
Лежит он нем и недвижим
В сырой земле. И славы знамя
Склонилось в горести над ним.

г. Воронеж

4. И.А. Бунин¹

Памяти М.Е. Салтыкова

Кончен путь. Засыпана могила...
Для могучего, для нового труда
Светлый ум и творческая сила
Не воскреснут больше никогда.

Кончен путь. Но кончен не бесплодно –
Смерть тебя застала за трудом:
До конца всё так же благородно
Ты работал сердцем и умом.

До конца своим орлиным взором
Озирал ты родины простор;
И тяжелой грустью и укором
До конца светился грустный взор.

И пускай нередко упрекали
За твое глумленье над толпой –
Верь, что нет без злобы и печали
И любви, глубокой и святой...

¹ [Бунин, 1890]. См.: [Миокин, 1960, с. 204]. Бунин Иван Алексеевич (10.10.1870 – 8.11.1953), прозаик и поэт. Об отношении Бунина к Салтыкову см. статью Бунина [Новые течения, 1973, с. 305-309].

Оттого-то тяжкая утрата
Вдвое всем покажется больней,
Всем, кому и дороги, и святы
Интересы родины своей...

И сегодня с искренней печалью
И с любовью скажет не один:
Мир тебе в могиле молчаливой.
Мир тебе, великий гражданин!
.....

5. П.В. Быков¹

2-го мая 1889 года

Хранитель правды светлоокой
Под вихрем жизненным угас –
И муки горести глубокой
Объяли нас.

Мы лишь теперь сознали ясно:
Каким он светом был средь тьмы,
Какой души чудесной, страстной
Лишились мы...

К родной стране горя любовью,
И жаждой истины томим,
Он равнодушен был к злословью,
Неуязвим...

¹ [Быков, 1889]. Быков Петр Васильевич (20.10.1844– 22.10.1930), поэт, прозаик, переводчик, историк литературы, библиограф. Был знаком с Салтыковым, и, как вспоминал впоследствии, в ответ на признание, что он пишет стихи, писатель заметил: «Ну это такая дрянь, о которой говорить не следует!» [Биржевые ведомости, 1914].

Купил он право обличенья
Ценою мук: страдальца грудь
Давно не знала облегченья, —
Тернист был путь.

Но тем путем, стопою твердой,
Он шел упорно до конца;
Своим святым призваньем гордый,
Будил сердца...

Звучала горько и сурово
Его карающая речь,
Смех отрезвляющий, громовый
Разил, как меч...

Язвил он речью ядовитой,
А сердце плавало в крови,
И в нем струею бил сокрытой
Родник любви...

Боец погиб... Тяжка утрата,
И никого на смену нет,
Кто б смог, сумел исполнить свято
Его завет!

6. И.А. Вашков¹

Родной земли отверзлися объятья,
И прах того могила приняла,
Кого учителем считали люди-братья,
Чья речь была всегда правдива и светла;

¹ [Вашков, 1889]. Без заглавия, перед стихотворением рисунок «Похороны М.Е. Салтыкова-Щедрина». Вашков Иван Андреевич (5.09.1846 – 26.03.1893), прозаик и поэт.

Кто злу бестрепетно произносил укоры,
Кто речью твердою нас истине учил –
Навеки тот угас, сомкнув уста и взоры,
И под холмом могильным опочил.

И не раздастся вновь отзывчивое слово,
Нам дух будившее в течение стольких лет,
Но что им сказано, то вечно будет ново,
И соблюдет народ учителя завет.
В своих учениках он жить не перестанет
И силы новые к работе призовет...
Венок великого бесследно не увянет,
И память славная века переживет.

7. Н.Г. Вучетич

На смерть М.Е. Салтыкова¹

Замолкло негодующее слово,
Звучавшее пророчески сурово,
Как громовой раскат в горах.
Потухла жизнь... и тесного союза
Порвалась цепь – осиротела муза.
Порок, подьемли в радости чело!
Ликуй, бича боящееся зло!
Увы, как тяжело сознание, что не стало
Навеки нашего родного Ювенала!

8. А. Г.²

У свежей могилы

¹ [Вучетич, 1889]. Подпись: Домино. Вучетич Николай Гаврилович (25.02.1845 – 12.11.1912), детский писатель, драматург.

² [Г. А., 1889а]; перепечатка фрагмента: [Г. А., 1889б].

Свершилось! Страж света отчизны
Под бременем муки угас,
Чьи долго неслись укоризны
На крыльях сатиры у нас!

Речей его дивная сила
Жгла долго людские сердца...
Свершилось! И примет могила
Холодное тело бойца!

Он родину славной душою
Серьезно, глубоко любил;
Он мучился общей тоскою,
Но твердо укор проводил

В мир пошлости, кривды, порока,
Где царствует тьма и разврат,
Где руку подымлет жестоко
На брата заблудший брат,

Где льются потоками слезы
И стонет бедняк не один,
Где много мучительной прозы
И душу щемящих картин!

Под знаменем едкой сатиры,
Борясь за святой идеал,
Он язвы порочного мира
Могучим пером рисовал!

И видя все раны гнилые,
Все язвы родимой земли,
Сердца, ужасаясь, людские
Покойными быть не могли.

И грудь наполнялась тоскою,
И слезы «сквозь видимый смех»

Невольно струились порою
За общий постыднейший грех!

Речей его дивная сила,
Любви и страданья полна,
Все лучшие чувства будила,
Как будит природу весна!..

Все темные стороны жизни,
Пороки страшнее чумы
И боли родимой отчизны
Сатирой он вывел из тьмы!

Болея за наши невзгоды,
Он кровию сердца писал
И счастьем родного народа
Все силы свои отдавал...

И дни проходили за днями...
Его сокрушала борьба
С обильными жизни грехами, —
И вот свершилась судьба!

Замолкли прекрасные звуки,
Склонилось знамя бойца,
И полны безвыходной муки
Любившие правду сердца!..

Свершилось! Под холодной землею
Ждет Щедрина вечный покой!..
Чье ж сердце не ноет тоскою?
Чьи очи не блещут слезой?

Он умер. Но речи святы
Достойны бессмертья венца,
И будут все дети России

Чтить память родного бойца!

Кто, мучаясь мукой народной,
Сражался за правду и свет, –
Тому за могилой холодной
Вовеки забвения нет!

9. А.М. Жемчужников¹

«Забытые слова»
Посвящается памяти М.Е. Салтыкова

Слова священные, слова времен былых,
Когда они еще знакомо нам звучали...
Увы! Зачем же, полн гражданственной печали,
Пред смертью не успел ты нам напомнить их?
Те лучшие слова, так людям дорогие,
В ком сердце чувствует, чья мыслит голова:
Отчизна, совесть, честь и многие другие
Забытые слова.

Быть может, честное перо твое могло б
Любовь к отечеству напомнить «патриотам»,
Поднять подавленных тяжелым жизни гнетом;
Заставить хоть на миг поникнуть медный лоб;
Спасти обрывки чувств, которые остались;
Уму отвоевать хоть скромные права;
И, может быть, средь нас те вновь бы повторялись

¹ [Жемчужников, 1889а]. Перепечатки: [Жемчужников, 1889б]; [Жемчужников, 1889в]; [Жемчужников, 1889г]; [Жемчужников, 1889д]. Жемчужников Алексей Михайлович (10.02.1821 – 25.03.1908), поэт, один из создателей образа Козьмы Пруткова. Знакомый Салтыкова и его адресат. Стихотворение Жемчужникова впервые было напечатано в «Вестнике Европы» вместе с посмертной публикацией незаконченного последнего произведения Салтыкова «Забытые слова» (1889. – Т. III. – Кн. 6. – С. 847-848); таким образом, Жемчужников знал текст Салтыкова заранее, и эта парная публикация была продуманной акцией.

Забывые слова.

Преемника тебе не видим мы пока.
Чей смех так зол? и чья душа так человечна?
О, пусть твоей души нам память будет вечна,
Земля ж могильная костям твоим легка!
Ты, правдой прослужив весь век своей отчизне,
Уж смерти обречен, дыша уже едва,
Нам вспомнить завещал, средь пошлой нашей жизни,
Забывые слова.

14-го мая

10. С. Захарьин¹

Угас царь мысли. Величаво
Склонилось гордое чело.
Минуло время русской славы,
Оно дало нам что могло.
Оно дало нам ряд великих,
Достойных памяти реформ,
Рабов несчастных полудиких
Поставив в сень законных норм.
Оно в историю России
Вписало светлый ряд страниц
Родив в замену тирании

¹ [Захарьин, 1934, с. 242]. Захарьин прочитал стихотворение на могиле Салтыкова в день его похорон [Рапорт агента, 1906]. На полях списка пометка чернилами рукою директора департамента полиции П.Н. Дурново: «Представить г. товарищу министра его превосходительству. П.Н. Дурново (весьма неблагонадежные стихи)». На пометке штамп: «Читал». Карандашом: «к делу. Занести в алфавит». Дело департамента полиции, 3 делопроизводство, № 226 «О чествовании памяти умершего литератора М.Е. Салтыкова» (1889) [Борьба за Щедрину, 1934, с. 242].

Плеяду славных, светлых лиц.
И в память русских поколений
Запечатлелась навсегда
Эпоха ряда возрождений
Шестидесятые года.
Ты был один из той плеяды
Великих граждан и людей,
Кто отдал все не ждя награды
На благо родины своей.
Но люди те сошли со сцены
Их свет, боровшийся со мглой,
Погас давно, им нет замены
В борьбе России вековой.
И ты один остался. Лиры
Великой долго звук стонал..
Но скорбный смех твоей сатиры,
От сна рабов не пробуждал.
Среди всеобщей апатии
К делам страны своей родной
Один спасал ты честь России
Один будил ты нас порой.
И нет тебя... Смежились очи,
Умолк твой смех, будивший нас.
Умолк навек. Под кровом ночи
Последний чудный свет погас.

11. Вл.Р. Зотов¹

¹ [Зотов, 1889]. Напечатано вместе с мемуарным очерком Зотова «После беседы с Михаилом Евграфовичем» [Зотов, 1975]. Зотов Владимир Рафаилович (22.06.1821 – 1896), писатель и журналист. Зотов и Салтыков познакомились в Царскосельском лицее, позже оба служили в канцелярии Военного министерства. Сообщая 12 мая 1848 г. М.Л. Михайлову об аресте и ссылке Салтыкова, Зотов назвал его «приятелем» и «товарищем» [Макашин, 1951, с. 295]. По возвращении Салтыкова из ссылки они продолжали встречаться, но прежняя близость не возобновилась. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Зотов некоторое время участвовал в работе «Отечественных записок».

Сороковых годов боец неукротимый,
Ты рано кончил свой тернистый, скорбный путь.
Тебя давно томил недуг неизлечимый,
Но сам ты не хотел, не думал отдохнуть,
Пока не кончен труд тяжелый, но любимый...
Не от телесных мук больная ныла грудь:

Ты мыслью мучился, забыв страдания тела.
Цель твоего труда понятна ль и ясна?
Чтоб оценить его, окрепла ль и созрела
В горниле опыта родимая страна?
Высокий подвиг твой, поверь, уразумела
И на него давно откликнулась она.

Как воин доблестный, боец родного слова,
Ты своего меча-пера не покидал,
Смерть вырвала его из рук твоих сурово,
И долгою борьбой измученный ты пал.
Но в избранных сердцах народа нам родного
Ты вечно будешь жить – наш высший идеал.

И не бесплодна здесь была твоя сатира,
Смех едкий отрезвлял застывшие умы
Среди вседневных нужд, дрызг мелочного мира,
Постыдных низостей, невежества и тьмы...
Тот смех спасительный – средь жизненного пира
Иль в годы тяжкие – не позабудем мы.

12. Иванов-Классик¹

¹ [Иванов-Классик, 1889]. Напечатано под шапкой «Памяти М.Е. Салтыкова-Щедрина» вместе со стихотворением Н.К. Никифорова и информацией о заседании городской думы Петербурга с речью о Салтыкове

Встречая мир весны цветущий и лучистый,
С приходом майских дней, к прискорбию сердец,
Еще угас один светильник мысли чистой,
Против греховной тьмы не дрогнувший боец...

Таились ложь и зло, гордясь своим успехом,
В бесчестии личных дел, а он, родной поэт,
Над пошлостью людской смеялся горьким смехом,
Смеялись и мы, смеялись много лет...

Невежество, разврат, корысть и тьму сурово
Он бичевал пером талантливым своим;
Навеки он умолк, но не умолкло слово,
Для чести и добра посеянное им.

Дай Бог, чтобы для нас опять на белом свете
Вступить могли в свои законные права
«Любовь к отчизне», «честь», «безгрешный труд», все эти
Со «светлой правдою» *забытые слова...*

Священных этих слов достойнейший ревнитель,
Свершая жизни путь с сердечной чистотой,
Бестрепетно стоял, как грозный обличитель,
На страже пред судом у истины святой.

Не встретит больше он родной весны сиянье,
И не увидит он природы торжество,
Затмился свет в очах, и жаркое дыханье
Слетело навсегда с поблекших уст его.

В.И. Лихачева, петербургского головы, одного из друзей писателя. Иванов Алексей Федорович (псевдоним Классик; 2.02.1841–3.01.1894), поэт-юморист, прозаик.

Но всё, что создал он, храня свою всю силу,
С восторженной поры, с благих ее начал,
Он не унес с собой в холодную могилу,
Он родине своей в наследство завещал.

С духовным творчеством, могучим и прекрасным,
Значенье и плоды великого труда
Сознательно поймут и взглядом беспристрастным
Оценят лучше нас грядущие года...

13. В.Н. Каверзнев¹

Памяти Щедрина

Недуг, сокрушивший великие силы,
Давно уже дал нам понять,
Что скоро объятья холодной могилы
Должны твоё тело принять;
Что смерть неизбежная скоро сурово
Умчит тебя, словно поток,
Что скоро умолкнет могучее слово,
Каравшее смело порок...
И сердце в грядущее робко смотрело,
Но смерть, не замедлив, пришла, –
Пришла и взяла только брнное тело,
Но слов твоих взять не могла.
А эти слова-то и были сатирой,
Которою зло ты карал,
Которой ты всё неслетлое мира
Нешадно всю жизнь бичевал...
Теперь тебя нет. Над тяжелой утратой
Сойдутся поплакать твои все друзья...
Угас обличитель, не стало собрата, –
Редет титанов семья.

¹ [Каверзнев, 1889]. Автор сборника: [Каверзнев, 1905].

14. В.С. Карцов¹

В день похорон М.Е. Салтыкова

Нет! тот не умер, кто живет в веках
Своею мыслью мощно-величавой;
Пред тем бессилён тленья жалкий прах,
Кто озарен немеркнуущею славой.

И память Щедрина останется жива,
Что день – то всё светлее и светлее...
Он нам твердил «Забытые слова»
Любви, добра, служения идее.

Клеймя разврат и славя чести высь,
Бичуя мир, корыстный и холодный,
Его призывы страстные лились,
И смех звучал открыто-благородный.

К святым теням еще святая тень
Прибавилась... Свершилось погребенье...
Рыдаем мы!.. Нам горек этот день,
Но в нем укор, но в нем нам поученье.

15. Н.П. Кельш²

Михаил Евграфович Салтыков
У его гроба

Навек его сомкнулись очи,

¹ [Карцов, 1889, с. 3]. Карцов Василий Сергеевич (4.11.1864–?), поэт, прозаик, журналист, библиограф.

² [Кельш, 1889]. Кельш Николай Петрович, поэт, прозаик, переводчик, директор Коломенского уездного училища. Среди его сочинений: [Кельш, 1863]; [Кельш, 1898]. Автор ряда переводов из Горация (1850–1870-е).

Потускло гордое чело,
И мраком безрассветной ночи
Орлиный взор заволокло.
Он бодро шел путем терновым
Всю жизнь, наш славный богатырь,
Карая зло могучим словом,
Свой вещий взор бросая вширь.
Добра и правды светоч яркий,
Высокой чести идеал,
Любивший Русь любовью жаркой,
Он в ней неправду бичевал.
Его карающее слово
Не смолкнет и в дали веков:
Оно потомкам будет ново,
Как свято было для отцов.
Высоконравственные речи,
Не увядая, будут жить,
Звучать, как колокол на вече,
И совесть дремлющих будить.
Своей отчизной повсеместно
Он будет чтим, как доблгий сын.
Свершив земной свой подвиг честно,
Почи, великий гражданин!
И у довременного гроба
Пускай замолкнут навсегда
Людская ненависть и злоба,
Былая зависть и вражда.

10 мая 1889, Коломна

16. В.А. Крылов¹

¹ [Крылов, 1889]. Отзыв на стихотворение: [Буренин, 1889]. Крылов Виктор Александрович (29.01.1838 – 28.02.1906), драматург, прозаик, поэт. Благодаря его хлопотам в цензурном ведомстве впервые была поставлена пьеса Салтыкова «Смерть Пазухина». В своих воспоминаниях о Н.А. Белоголовом упоминал Салтыкова [Белоголовый, 1901].

Общей скорбью у этого гроба
Отзывается наша беда,
Тут смолкает соперников злоба,
Утихает людская вражда.

Люди разной среды и стремлений
Русской жизни вся пестрая смесь,
Молодых, отжитых поколений
В общем горе всё сходится здесь.

Так правдивое слово укора
И величья, и силы полно,
Что пред ним нет ни розни, ни спора,
Что для всех лучезарно оно.

17. И. И. Лебедев¹

Памяти М.Е. Салтыкова-Щедрина
† 28 апреля

Царила всюду ночь... За дальнею горою
Потух заката луч...
Как призрачная тень вечернею порою,
Неслись громады туч.
И плыли облака покровом непроглядным,
Потоком волн седых,
А яркая звезда лучом своим отрадным
Смотрела между них...
На севере она, где небо чуть виднелось,
Бросала свет кругом
И солнышком дневным во мраке разгорелось,

¹ [Л., 1889]. Лебедев Иван Иванович (23.06.1859 – май 1945), поэт, прозаик, драматург.

Лаская взор лучом...

Учитель! Ты для нас был тою же звездой,
Светящей из-за туч безлунными ночами,
Мерцающей огнем, парящею над тьмой,
Ласкающей наш взор приветными лучами...
Возвышенной душой, сатирою своей,
Бичующей и ложь, и злобу прозябанья,
Ты к жизни пробуждал стремления идей,
Ты думой вразумлял усопшее сознание,
Довлеющую скорбь глубоко разлагал
Отточенным мечом – анализом сатиры,
Осмеивал порок и смело разрушал
Отжившие свой век, но чтимые кумиры.
За внешностью твоей, холодной как сталь,
Таились без конца страдальческие слезы,
Отзывчивость на скорбь и жгучая печаль,
Великий идеал, возвышенные грезы!..
Ты силой обновлял усталые сердца,
Сгустившуюся тьму лучами разрезая,
Ты много обнажил кумиров от венца,
Пытливые мечты и думы пробуждая...
Но гений проблеснул зарницею вокруг,
Без времени сошел ты в вечную могилу, –
Таившийся в тебе болезненный недуг
Без времени сломил талантливую силу...

Угасла без поры светящая звезда,
Иссяк ее привет...
А тучи всё плывут... Сгустилась темнота,
Погас во мраке свет...
Сознание гнетет бессилье перед ней,
И тщетно смотришь вдаль...
Померкших без поры приветливых лучей
Душе глубоко жаль.

18. В.С. Лихачев¹

Всё меньше, меньше их, столпов родимой речи,
Глашатаев добра и красоты, –
И всё растут могилы да кресты:
Что год, то проводы, – и ни единой встречи!
Умолк и тот, чей грозный смех свистал,
Как бич, над нашими трусливыми сердцами,
И кто нам, бодрствуя заботливо над нами,
«Забывшие слова» напоминал.
Умолк – и лишь теперь утраты нашей цену,
Всю скорбь ее познали мы вполне...
Нет отклика в зловещей тишине:
Умолк, навек умолк – и никого на смену!

19. Сергей Минухин²

На смерть М.Е. Салтыкова (Щедрина)

Еще недуга горький плод!
Еще гроб труженика слова!
Рыдай, наш грамотный народ:
Не стало М.Е. Салтыкова!

Скончался он. Талант угас.
Погиб писатель без возврата.
Тяжел до боли скорбный час
Кончины дорогого брата!..

Сижу в раздумьи; дождь идет;
Я грустным ветра столам внемлю;

¹ [Лихачев, 1889]. Лихачев Владимир Сергеевич (6.02.1849 – 5.11.1910), поэт, переводчик, драматург.

² [Минухин, 1889].

И мнится мне: то слезы льет
Природа мать сама на землю...

Щедрин скончался. Боже мой,
Как тяжелы два эти слова!
Из груди рвется стон больной:
Нет Щедрина! Нет Салтыкова!..

Мне горько, трудно мне дышать,
Грудь надрывается от боли...
Эх, поскорей бы зарыдать,
Иль умереть скорей бы, что ли?..

Рязань

20. Г. Михайлов¹

Памяти М.Е. Салтыкова

Родина бедная, родина милая,
Мало ль пролила ты слез?
Доля твоя, как могила, унылая,
Доля развеянных грез!

Мало ль ты лучших сынов схоронила,
Носителей юной мечты?
Опять пред тобою сырая могила,
Опять на могиле цветы!..

Умер он... умер! закрылись орлиные
Честные очи в гробу,
Крылья повисли его соколиные...
Умер; не вынес борьбу.

¹ [Михайлов, 1889а]; перепечатка: [Михайлов, 1889б].

С той неразумною, темною силой,
Где он, как факел, светил,
Всё отдавая тебе, моей милой,
Всё, не жалеючи сил!..

Встань же теперь над сыновней могилою,
Встань! помяни его, мать!
Много боролся он с темною силою, —
Больше его не слышать!

Родина бедная, родина милая,
Мало ль пролила ты слез?
Доля твоя, как могила, унылая,
Доля развеянных грез!

2 мая

21. Вас.И. Немирович-Данченко¹

Да, смерть идет!.. Как мало ныне
Осталось избранных у нас!
Еще один огонь, в пустыне
Путь указующий, погас.
А ночь темней сдвигает тучи,
Труднее путь, далек рассвет...
О, как ты нужен, вождь могучий
И зло бичующий поэт!

¹ [Немирович-Данченко, 1889а]. Перепечатка: [Немирович-Данченко, 1889б]; [Скабичевский, 1902]. Немирович-Данченко Василий Иванович (25.12.1844 — 18.09.1936), прозаик, журналист, старший брат Вл.И. Немировича-Данченко. Краткие воспоминания о Салтыкове вошли в книгу Немировича-Данченко «На кладбищах» (1921, глава «Мои встречи с Некрасовым»).

Ты знал мучительные годы!
Среди презренной суеты
Как жадно ты искал свободы,
Любви, добра и красоты!
Как ты хотел в душе у брата
Открыть хоть проблеск чувств святых,
Среди паденья и разврата
Найти источник вод живых.

И не нашел!.. И силой гневной
Исполняясь весь, как вещий гром,
Ты мир неправды ежедневной
Палил карающим огнем.
Среди бездушья и порока –
Твой смех носился грозовой,
И в нем сокрытые глубоко
Нам слезы слышались порой.

Огонь души твоей нещадно
Тебя же мучил и палил,
И им сожженный безотрадно
Ты очи гневные смежил.
Но всемогущи правды силы –
Над человеческой душой,
Заговоришь ты из могилы
Еще грознее, чем живой.

22. Н.К. Никифоров¹

¹ [Никифоров, 1889a]. Напечатано под шапкой «Памяти М.Е. Салтыкова-Щедрина» вместе со стихотворением Иванова-Классика и информацией о заседании городской думы Петербурга с речью петербургского головы В.И. Лихачева о Салтыкове. Перепечатка: [Никифоров, 1889б]. Автором стихотворения ошибочно назван Иванов-Классик. Никифоров Николай Константинович (27.09.1856 – ?), поэт и прозаик.

Еще тяжелая утрата,
Косой сверкнула смерть опять –
Сегодня славного собрата
Хоронит русская печать!
Весенний день шумлив и ясен,
Всё жизнерадостно кругом,
А он, спокоен и бесстрастен,
Почил, объятый вечным сном...
«Орел лицейской стаи славной»,
Он светоч истины держал,
Бичом сатиры своенравной
Наш век клеймил и поучал.
Герои дня, житейской прозы
Страшились метких его стрел;
Он, сквозь невидимые слезы,
Смеяться весело умел.
Владел он редким дарованьем –
Сарказмом сразу убивать,
Одним словцом, одним названьем
Подчас весь тип обрисовать.
И мощь в словах его таилась,
Они вносили всюду свет;
В его сатирах отразилась
Вся наша жизнь последних лет...
Прости, поэт родного края!
Пред нами в этот скорбный день
Встает, пути нам озаряя,
Твоя увенчанная тень.
Спи мирно! Твой прекрасный гений
Могилу славой осенит,
И ряд грядущих поколений
Тропу к ней скоро проторит.

2 мая 1889 г.

23. Вадим Ольгин¹

2 мая 1889

Хранитель правды светлоокой
Под вихрем жизненным угас,
И муки горести глубокой
Объяли нас.

Мы лишь теперь сознали ясно,
Каким он светом был средь тьмы,
Какой души чудесной, страстной
Лишились мы...

К родной стране горя любовью
И жаждой истины томим,
Он равнодушен был к злословью,
Неуязвим...

Своим путем стопою твердой
Он шел упорно до конца:
Своим святым призваньем гордый,
Будя сердца...

Звучала горько и сурово
Его карающая речь,
Смех отрезвляющий, громовый
Разил, как меч...

Язвил он речью ядовитой,
А сердце – плавало в крови,
И в нем струею бил сокрытый

¹ [М.Е. Салтыков и цензура, 1922, с. 232]. Стихотворение предполагалось к публикации во «Всемирной иллюстрации».

Родник любви...

Боец погиб... Тяжка утрата,
И никого на смену нет,
Кто б мог, сумел исполнить свято
Его завет.

24. Л.И. Пальмин¹

Памяти М.Е. Салтыкова (Щедрина)

Угас Щедрин!.. Светильник многих лет
Затмила смерть, нахлынув мрачной тучей.
Пусть гроб его мыслитель и поэт
Кропят слезой, прощальный дав привет...
Но пусть огонь его сатиры жгучей

Горит в веках за гранью гробовой,
А искры те, что брошены им в жизни,
Блестят в красе негаснущей живой
Над нашею юдолью мировой!
Как дороги те искорки в отчизне!

Они горят негаснущим огнем...
Пускай страшна его сатира злая,
Но в ней любовь мы чистую найдем...
При тех лучах, друзья, вперед пойдём!
Они зовут, приветливо пылая...

Пусть лицемер с улыбкой на устах,
С притворною, слащавою любовью
Всё хвалит, всё в родных своих местах,
Но сколько лжи в его пустых словах...

¹ [Пальмин, 1889]. Пальмин Лиодор (Илиодор) Иванович (15.05.1841 – 26.10.1891), поэт и переводчик.

Не сам ли он упитан братней кровью?

Старик Щедрин, угрюмый, желчный, злой!
Ты, сеявший огонь везде и всюду!
Знаком ли ты с притворною хвалой?
Нет! Ты, грома, болел своей душой,
Как честный друг страдающему люду...

Усопший вождь! Ты будешь с нами жив!
Не гасит смерть святое жизни пламя...
Твой прах слезой сердечной оросив,
Мы понесем среди родимых нив
В веках тобой развернутое знамя!

25. Леонида П.....а¹

На могилу Салтыкова-Щедрина

Не личное счастье тебя привлекало:
Ты жил и боролся со злом – за других.
И сердце твое за других лишь страдало,
За немощных духом, за ближних твоих...

И смело, и сильно порок обличая,
Ты в людях старался сознание будить;
На наши запросы ты, нам отвечая,
Свет чистый вокруг нас пытался пролить...

И что же?... Быть может, борьбой изнуренный,
Ты раньше, чем надо, в могилу сошел.
Лишь там, за могилой, твой дух окрыленный,
Быть может, отраду и счастье нашел...

А зло не исчезло... Как бремя мирское,

¹ [П.....а, 1889].

Оно, как и прежде, живет и живет;
Но дело твое – это дело святое,
И память о нем никогда не умрет!

26. Р.И. Романовский¹

Вспомни и помни
Граф Д.А. Толстой и М.Е. Салтыков-Щедрин

Смерть смертных люта и дивна лишь в том,
Что с нами ходит закрытым путем;
Собственно строги ее уставы...
Не щадит жизни, ни смертных славы.
«Немилосерда смертных – секира».
В трепете поет всемирна лира:
«Бог для нас слабость дал правосудно,
Ведет слепоту к блаженству чудно!»
Он жнет смертельным мечом создания,
Те беспощадны видим деянья,
Что мрут святые, и мрут пророки,
А не мрут гнусны наши пороки.

Сколько героев тут на сем свете
Пало, в Старом и в Новом Завете...
От Моисея до трона Софии,
И от Владимира в нашей России.
Видим и теперь смертельны грозы,
Что во гроб пали – лавры и розы.
Цвет незабудок – министр граф Толстой,
И Щедрин (духом), вечный им покой...

Щедрый издатель² духовной жизни
С просветителем неукоризны
Трудились вместе доброму делу,

¹ [Романовский, 1889. С. 1-4].

² Щедрин писатель... – *Примеч. Романовского.*

В борьбе и слегли – в одну неделю;
И представились Богу – в небеса:
Граф, в половине пятого часа
Двадцать пятого апреля угас.¹
Щедрин, в пятницу – у четвертый час <!>.
Велики, жалки наши недуги
Видим светлейших лиц нам услуги –
Видим заботы и их старанья
В кровавом поту, их те деянья:
Граф, беспощадно к себе относясь,
У Царскосельском лицее учась,
Теряя юность, кончил курс наук
В сорок третий год. К пользе наших внуков
В виду косневших бразд аварии
Граф ведет службу в канцелярии
Императрицы – в прахе – Марии,
Клоня всю пользу на благо России.
В сорок восьмом граф издал славных
Две истории: иностранных
Исповеданий в «русских владениях»
И о финансовых учреждениях.
Но мало того. В пятьдесят третьем
Был директором (еще при этом
В канцелярии Морских ведомств-прав
Издал министерству Хозяйства устав).
В шестьдесят третьем, благо и то зная,
Граф департаментом стал управлять
По народному просвещению,
Где встретил разлад «к сожалению»...
Ибо Руссь <!> нуждалась в подготовке,
Как девица в свадьбе, по помолвке;
А после ж нужны жизни программы,
Граф всё то видел как в панораме <!>.
Хотя назначен был в комиссию <!>

¹ Во вторник, 89 г. – *Примеч. Романовского.*

Членом, в сенате, выполнять миссию
Над преступниками государства, —
Но не в том пользу извлек для царства.
В том же году выбыл за границу.
Бросил Руссь так, как жених девицу.
И выпустил труд en Paris ici:
Le Catholicizme Romain en Russie.
И вот сей ангел патриотизма,
Русской славы и ефиризма
В области истории (и знаний)
Тех иностранных исповеданий

—

Получает в дар степень докторá
В Лейпцинского <!> университета.
Автор — за солидный труд поэта,
В шестьдесят пятом Руссь ликует тост:
Граф, возвратившись, занимает пост
Обер-прокурором в Святый Синод.
Лелеет питомцев... русский народ.
В шестьдесят шестых годах, наконец,
Нам в другой сфере сияет венец:
Граф, с милостивых соизволений,
Министром народных просвещений.
Граф Димитрий Андреевич Толстой,
Был администратор Руси святой, —
Вверг чувства, совесть под стопы трона:
А сам основах тонул закона <!>...
Делясь с желаньем царской науки,
С Его тяжестью... сердечной муки,
В званье министра служил поныне;
Дал плодотворности грустной пустыне...
Всю жизнь работал, страдал как в огне:
И смотрел благо как внутри, так вне.
Где ж непреклонность граф покорял,
Щедрин в сатирах нас ободрял.

Литературну специальность сил

Девятнадцатый для нас век явил.
Двадцать шестого года в январе
В пятнадцатый день – в Спас-Угол селе
Калязинского уезда – один
Тверской губернии – помещика сын:
Михаил Евграфович Салтыков-
Щедрин, издатель словесных штыков.
Достиг семи лет, и в тогдашний век
Его крепостной учил человек,
Живописец Павло: аз и буки,
Дав по методу указку в руки;
И в день рожденья начал подвиг свой.
С тридцать третьего по тридцать шестой
Год учащийся здесь изобрел маршрут
У Московский дворянский институт;
И в третьем классе, с отличным знаньем,
Щедрин – домашним образованием
Сдержал экзамен. – А в тридцать восьмом
В Царскосельском лицее учеником.
Тут в третьем классе герой в натуре
Почувствовал страсть к литературе;
Наука, сблизя ту цель с предметом,
Стал поневоле светским поэтом.

Он с юных лет стал лечить недуги...
Цени светлейшие труды, услуги,
Щедрин не желал от смертных славы,
Ибо кто с лихвой перед Богом правый?
Глас вопиющий возник в пустыне.
Кто б из нас того не сделал ныне?
Монологи строк, когда являлись,
То контрабандой его пленялись:
Сперва признали его скаредным,
Потом назвали полезно-вредным...
Как представляет сей материал,
Смех, стыд, страх и плач – скромный идеал.

Щедрин в сатирах пороки плавил;
Граф, вырывал их и корнем вверх ставил.
Но на тех корнях листья являлись,
Оба героя горько смеялись...
Смех, солидарных являл две страсти:
Граф злу смеялся с полета власти;
Но Щедрин стоял гораздо ниже,
Знал их характер и нравы ближе.
Он, в теплых чувствах брата фальшь плавил,
Систематично на показ ставил:
Плод эгоизма, его недуги...
Благоприятно влагал услуги.

Дальше его жизнь кто хочет знать,
Из его ж стихов всё может узнать;
Он писал, умер с пером у руках, —
А мы с ваяньем умрем на устах.
На поле брани, два вождя пали...
Чем же труды их мы оправдали?!
Мрут трудолюбцы, и мрут пророки:
Спрашивают нас —

.....

.....

Салтыков-Щедрин, министр граф Толстой,
Вечная память, вечный им покой.

Стоят два мужа перед Богом — рядом —
От сего мира с новым докладом,
В нем есть статья и о смертных горе...
Но что пороков!.. как волн у море.
Значатся бунты, капризы, сварька,
И разноверцев большая свалка,
Суя в святыни плеядный смех,
Не признавая, что это за грех.
Смоем слезою свою грязь с тела,
Нас ожидает рубашка бела,

Русское сердце дорожит ею...
Царь-благодетель! Обдень нас нею.

27. П. Степанов¹

Прости!..
Памяти Михаила Евграфовича Салтыкова

Замолкла смелая сатира!..
Лежит он нем и недвижим;
Поэта плачущая лира
Звучит рыданиями над ним...

Кто нас будил от вредной спячки?
Чей голос правду говорил?
Кто наши общие болячки
Сатирой трезвою лечил?
Кого мы ревностно читал?
Кто был бессмыслицы грозой?
Кому так чутко мы внимали?
Кого любили мы душой?..
Кто – век отжившей, полинялой,
Бездушной формы был бичом?
Кто для застывшей мысли вялой
Был согревающим лучом?
Кто ненавидел мрак и тину?
Кто честно обществу служил?
Кто жизни яркую картину
В своих твореньях отразил?

То – наш писатель незабвенный,
Один из светочей земли...
Лежит холодный он, смиренный,
И думы скорбные легли –

¹ [Степанов, 1889].

В минуту смертную застыли –
На мертвом мраморном челе...
И тот, чьи руки нас будили,
Теперь в гробу спит на столе.
Чем мы его разбудим?

Дело

Он нам живое завещал...
И вы, бойцы, боритесь смело!
Он вам дорогу указал...
Бичуйте грязную трясину
Людских пороков и страстей!
Наросты, пыль и паутину
Снимайте с мыслей и идей!
Сильнее жизни пульс забьется,
И разум глупость победит...
В своей могиле он проснется –
Из гроба вас благословит...

Так плачь же, Русь! Его нет с нами!
Его могила уж готова...
Нам не вернуть его слезами...
Мы потеряли Салтыкова!..

28. Л.Н. Трефолев¹

Космополитка

С насмешкой шаловливою она меня спросила:
«Ты страстно любишь родину, но в ней какая сила?
Зачем ты в “Пошехонии” замкнулся, как улитка?
Ищи “Всемирной Родины”, как я – космополитка.
Клянусь, что ubi patria (с условием) ubi bene,

¹ [Трефолев, 1889]. Трефолев Леонид Николаевич (9.09.1839 – 28.11.1905), поэт, публицист. Печатался в «Отечественных записках», автор стихотворения «Памяти сатирика М.Е. Салтыкова».

Что в жалкой “Пошехонии” тоскливей трупов жить, чем в Вене!
Хочу обнять живых людей, а не миллионы ...
Всего ужасней для меня почтенный город Глупов.
Найду святую родину на “Выставке” – в Париже,
А ты... блуждайся в трех соснах: они для сердца ближе!
Старушка Пошехония мрачна и бестолкова...
Читай о ней правдивые сказанья Салтыкова!»

– «Читал я их внимательно с мучительной любовью,
И сердце обливалось не раз горячей кровью...
Но знаешь ли что, милая? – Поэт-сатирик губит
Не всё давноминувшее. Он многое в нем любит.
Он в мертвой Пошехонии нашел живую душу.
...Я верю в “Пошехонию”. Я за нее не трушу.
...Сатирик наш казнит порок законно и сурово,
Но честно шлет привет всему, что живо и здорово...
Отсюда страшно далеко до светлой Палестины,
Но в “Пошехонской старине” есть чудные картины!
Космополитка! Верь, не верь, но поклянуся солнцем,
Что и оно взойдет весной над бедным пошехонцем.
Тебе не нравится у нас? – останься за порогом!
Я помолюсь и без тебя, в лесу моем убогом
О том, чтоб солнышко взошло, разрушив льда оковы,
Чтоб не погибла та страна, где живы Салтыковы...
...Они воспели, без хвалы, край пасмурный, но милый...
О них молиться буду я и здесь, и за могилой!

29. К.М. Фофанов¹

¹ [Фофанов, 1889]. Печатается по: [Фофанов, 1962, с. 118–119]. Н.С. Лесков писал В.А. Гольцеву 12 октября 1889 г., что стихотворение: «написано не одному Салтыкову, а вообще “отошедшим”, и появилось в печати после смерти Андрея Алекс<андровича> Краевского» [Лесков, 1958, с. 439]. Краевский умер 8 августа 1889 г. Фофанов Константин Михайлович (18.05.1862 – 17.05.1911, поэт.

Отошедшим

Отходят старые глашатаи свободы
Под своды вечные, под гробовые своды,
 И лавры провожают их.
И смерти торжеству внимает скорбь живых!
Они родились в мятущиеся годы,
 В дни предрассудков вековых!

В те дни, когда еще зарей освобождения
Не озарялся мрак отчизны дорогой...
При них порвалися гнилого рабства звенья,
От них повеял дух благого просвещения
 Над пробужденную страной.

Понятна их борьба, разумна их тревога,
 Благословен их трудный путь.
Страдая и любя, они творили много –
 Их есть чем помянуть!

А мы! Мы, робкое, больное поколение,
Смирив в своих сердцах пытлиное волненье,
Мы всё хотим простить и всё благословить,
Но цель потеряна, кумир давно разрушен;
Мы к миру холодны, и мир к нам равнодушен...
 Мы не умеем жить!

Август 1889

30. А.К. Шеллер-Михайлов¹

¹ [Шеллер-Михайлов, 1889а]. Перепечатки: [Шеллер-Михайлов, 1889б]; [Шеллер-Михайлов, 1889в]; [Шеллер-Михайлов, 1889г]. Стихотворение считалось запрещенным цензурой [М.Е. Салтыков и цензура, 1922, с. 232] на том основании, что в журнале «Живописное обозрение», для которого предназначалось, оно не было опубликовано. Шеллер Александр Константинович (псевдоним А. Михайлов, известен как Шеллер-Михайлов;

Со злом общественным в борьбе,
Карая подлости заразу,
Всю жизнь он верен был себе
И не свернул с пути ни разу.
Во дни уныния и слез
И боль физических мучений,
И пытки нравственные снес,
Не ослабевши, этот гений.
Бича сатиры до конца
Его рука не опустила.
И смерть лишь на уста бойца
Печать молчанья наложила.

31. В.Р. Щиглев¹

2-го мая 1889 г.

Опять толпа... опять могила!..

30.07.1838 – 21.11.1900), писатель. Салтыков в рецензии на роман Шеллера «Засоренные дороги» (1868) писал, что «г. Михайлов написал довольно много, но всё вновь написанное оказывается повторением “Гнилых болот”, и, к сожалению, повторением довольно слабым. Сфера наблюдения нимало не расширилась, а тот горячий лиризм, который примирял читателя “Гнилых болот” с недостаточностью действительного содержания, утратил свою первоначальную свежесть и приобрел какие-то фальшивые тоны» (9, с. 262). Роман «Беспечальное житье» (1878) Салтыков оценил как «либеральное резонерство» с «мелкостью и рутинностью тенденций», «избытком наивности» (9, с. 443-447). Ср. также рецензию на роман 1879 г. «В разброд» (9, с. 359-364).

¹ [Щиглев, 1889а], в названии стихотворения – опечатка: 1888 г. Перепечатка: [Щиглев, 1889б]. Щиглев Владимир Романович (16.10. 1840 – 1.10.1903), поэт и драматург. Салтыкову посвящено стихотворение Щиглева «На крестинах (На мотив из Беранже)» (декабрь 1887): [Поэты 1860-х годов 1968, с. 396-400].

Сатиры русской цвет и соль
Смерть беспощадная сразила –
И в сердце чувствуется боль...
Тоска утраты сердце гложет!
Упавший бич – кому поднять!
И разве праздным быть он может?
И разве некого карать?
Как будто... но сильнее слова
Мысль страшно ясная одна:
Среди живых – нет Салтыкова,
Среди живых – нет Щедрина!

32. П. Я.¹

Памяти М.Е. Салтыкова

Нива ты русская... Нива родная!..
Добрый твой пахарь погиб, дорогая;
Лег он, как колос, косою подсеченный,
Бурей житейской в конец изувеченный.
В рыхлую грудь твою долгое время
Сеял он доброе, славное семя,
Лелеял заботой, трудом он тебя,
Лелеял, берег, как родное дитя.
Нива ты русская... Нива родная!
Пахаря нет у тебя, дорогая;
Вновь ты над грудью широкой своей
Его не услышишь могучих речей.

29-го апреля

33. Неизвестный автор²

¹ [Я. П., 1889]. Напечатано после стихотворения С. Минухина.

² [О, братья, 1934]. В архиве Н.К. Михайловского (ИРЛИ РАН) при стихотворении имеется письмо, адресованное Н.К. Михайловскому:
«14 февраля <1890>

О, братья: смерть его – тяжелая утрата.
Ведь в наше время рабства и цепей,
Доносов, клеветы и грубого разврата –
Ужасно лучшего лишиться из людей...
Когда одни глядели равнодушно
На царство тьмы, на произвола гнет,
Другие от борьбы бежали малодушно,
Поэт и труженик, он бодро шел вперед,
И шел вперед всегда дорогою прямою,
Невежество и ложь открыто порицал,
И полон был он верою святою
И детски чистою в заветный идеал;
И черпал в вере той великие он силы
Для битвы с пошлостью, с обидной клеветой...
Он напоминал уж на краю могилы
Великие слова, забытые толпой. —
Великие слова, забытые постыдно...
И нет его уже... язык клеветника
И тут не замолчал. И горько, и обидно,
И больно за него, «святого старика».

Дорогой Николай Константинович!

Возможно ли Вам прислать несколько стихотворений одного моего знакомого для того, чтобы Вы просмотрели и сказали Ваше искреннейшее мнение о них. В виде образца прилагаю одно из них при этом письме; оно написано под влиянием Вашей статьи по поводу смерти Щедрина в “Р.<усском> В.<естнике>”. Не пишет он сам Вам потому, что уже давно собирается писать и никак не соберется; а я думаю, что и не соберется совсем, а меж тем только Ваше мнение и может иметь для него значение.
Ваш “читатель-друг”.

Киев.<ский> университет. Студенту Андрею Ильичу Грабенко» [Борьба за Щедрина, 1934, с. 246].

Возможно, адресант и был автором стихотворения.

34. Неизвестный автор¹

Памяти М.Е. Салтыкова

Борец идеи, бич разврата,
Сатирик вещей опочил...
Суровым гневом весь объятый,
Он мощно гидру зла клеймил.
Всё отразивши в долгих думах,
С насмешкой горькою своей,
Он пел иудушек угрюмых,
Он пел «умеренных» людей.
Он с грустью видел в пошехонце
Родной дремóты идеал,
Погрызшим в тьме твердил о солнце
И перлы смеха расточал.
Он встретил тернии – не розы,
Паря душой от праха в высь,
И сквозь невидимые слезы
Раскаты хохота лились.
И умер он!.. Его кончине
Готово зло рукоплескать...
И нет его!.. Кому ж отныне
Нам с тайным трепетом внимать?!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А-в Л.Я. На смерть М.Е. Салтыкова – Н. Щедрина («Не стало Щедрина!.. Погасло яркое светило...») // Крымский вестник (Севастополь). – 1889. – 4 мая. – № 96. – С. 2.

Ахматова, Анна. Сочинения: В 2 т. / А.Ахматова. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – 447 с.

Б. М. На смерть М.Е. Салтыкова («Пустынен мрачный небосклон...») / М.Б. // Наблюдатель. – 1889. – № 5. – С. 313.

¹ [Памяти М.Е. Салтыкова, 1889]. Без подписи, с примечанием редакции: «Автор пожелал остаться неизвестным».

Б. М. На смерть М.Е. Салтыкова («Пустынен мрачный небосклон...») // Крым (Симферополь). – 1889. – 24 мая. – № 60. – С. 3.

Безрукавников, Д.Д. Памяти М.Е. Салтыкова (Щедрина) («Судьбы свершились угрозы...») // Русский курьер. – 1889. – 15 мая. – № 131. – С. 2.

Безрукавников, Д.Д. Сборник стихотворений. – Воронеж: Тип. аренд. В.И. Душенкевич, 1913. – 125 с.

Белоголовый, Н.А. Воспоминания и другие статьи. – СПб.: Изд. Литературного фонда, 1901. – 560 с.

Биржевые ведомости. – 1914. – 14 апреля. – № 14120. – С. 5.

Борьба за Щедрина. Отклики на смерть Салтыкова / Примеч. ред.; Статья А. Ефремина; Библиография Н. Эфрос // Литературное наследство. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 13-14. – С. 201-274.

Бунин, Ив. Памяти М.Е. Салтыкова («Кончен путь. Засыпана могила...») // Орловский вестник. – 1890. – 28 апреля. – № 94. – С. 2.

Буренин, В. Критические очерки // Новое время. – 1889. – 5 мая. – № 4734. – С. 2-3.

Быков, П. 2-го мая 1889 года («Хранитель правды светлойкой...») // Наблюдатель. – 1889. – № 7. – С. 254.

Вашков И. Родной земли отверзлись объятья... // Гусляр. – 1889. – № 20. – С. 317.

Вучетич, Н.Г. На смерть М.Е. Салтыкова («Замолкло негодующее слово...») // Пчелка. – 1889. – 7 мая. – № 19. – С. 1.

Г.А. У свежей могилы («Свершилось! Страж света отчизны...») // Южанин (Николаев). – 1889. – 2 мая. – № 95. – С. 2.

Г.А. У свежей могилы («Свершилось! Страж света отчизны...») // Русский курьер. – 1889. – 7 мая. – № 123. – С. 4.

Дмитриева, В.И. Так было. Путь моей жизни. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. – 488 с.

Добровольский, Л.М. Библиография литературы о М.Е. Салтыкове-Щедрина. 1848—1917. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 432 с.

Жемчужников, Алексей. «Забытые слова». Посвящается памяти М.Е. Салтыкова («Слова священные, слова времен былых...») // Вестник Европы. – 1889. – Т. III. – № 6. – С. 849.

Жемчужников, Алексей. «Забытые слова». Посвящается памяти М.Е. Салтыкова («Слова священные, слова времен былых...») // Одесские новости. – 1889. – 2 июня. – № 1315. – С. 2.

Жемчужников, Алексей. «Забытые слова». Посвящается памяти М.Е. Салтыкова («Слова священные, слова времен былых...») // Русский курьер. – 1889. – 4 июня. – № 151. – С. 3.

Жемчужнико, Алексей. «Забытые слова». Посвящается памяти М.Е. Салтыкова («Слова священные, слова времен былых...») // Крым (Симферополь). – 1889. – 16 июня. – № 70. – С. 3.

Жемчужников, Алексей. «Забытые слова». Посвящается памяти М.Е. Салтыкова («Слова священные, слова времен былых...») // Новое обозрение (Тифлис). – 1889. – 23 июня. – № 1897. – С. 3.

Захарьин, С. Угас царь мысли. Величаво... // Литературное наследство. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 13-14. XX, 721 с.

Зотов, Вл. Сороковых годов боец неукротимый... // Новости и биржевая газета. – 1889. – 2 мая. – № 119. – С. 2.

Зотов, Зотов В.Р. После беседы с Михаилом Евграфовичем // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 1. – С. 333-334.

Иванов-Классик. Встречая мир весны цветущий и лучистый... // Петербургский листок. – 1889. – 2 мая. № – 117. – С. 1.

Каверзнев, В. Памяти Щедрина («Недуг, сокрушивший великие силы...») // Русский курьер. – 1889. – 11 мая. – № 127. – С. 2.

Каверзнев, В.Н. Стихотворения. 1904 г. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», [1905]. – 160 с.

Карцов, В.С. Н. Щедрин (М.Е. Салтыков): Биографический очерк. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1889. – 39 с.

Кельш Н. Подражание Корану («Храни со строгостью Коран...») // Русское слово. – 1863. – № 2. – С. 38.

Кельш, Н. Михаил Евграфович Салтыков. У его гроба («Навек его сомкнулись очи...») // Русская старина. – 1889. – № 9. – С. 616.

Кельш, Н. Не пей дроздовки (Из жизни духовенства Московской епархии) // Русская старина. – 1898. – № 10. – С. 145-147.

Крылов, Виктор. «Общей скорбью у этого гроба...» // Новости и биржевая газета. – 1889. – 2 мая. – № 119. – С. 1.

Л. Памяти М.Е. Салтыкова-Щедрина. † 28 апреля («Царила всюду ночь...») // Самарская газета. – 1889. – 9 мая. – № 100. – С. 1.

Лесков, Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. – М.: Художественная литература, 1958. Т. 11. – 862 с.

Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: В 3 т. Т. 3: 1867–1877. – СПб.: Наука, 2009. – 706 с.

Лихачев, В.С. Всё меньше, меньше их, столпов родимой речи... // Новости и биржевая газета. – 1889. – 2 мая. – № 119. – С. 2.

Макашин, С. Салтыков-Щедрин. Биография. Т. I. – М.: ГИХЛ, 1951. – 584 с.

Миокин, М. Стихотворение Бунина о Салтыкове-Щедрина // Русская литература. – 1960. – № 3. – С. 204-206.

Минухин, Сергей. На смерть М.Е. Салтыкова (Щедрина) («Еще недуга горький плод...») // Русский курьер. – 1889. – 5 мая. – № 121. – С. 2.

Михайлов, Г. Памяти М.Е. Салтыкова («Родина бедная, родина милая...») // Дон (Воронеж). – 1889. – 4 мая. – № 50. – С. 1.

Михайлов, Г. Памяти М.Е. Салтыкова («Родина бедная, родина милая...») // Русский курьер. – 1889. – 8 мая. – № 124. – С. 4.

Н.А. Некрасов в воспоминаниях. – М.: Художественная литература, 1971. – 598 с.

Немирович-Данченко, Вас. Да, смерть идет!.. Как мало ныне... // Новости и биржевая газета. – 1889. – 2 мая. – № 119. – С. 1.

Немирович-Данченко, Вас. Да, смерть идет!.. Как мало ныне... // Казанский биржевой листок. – 1889. – 6 мая. – № 100. – С. 3.

Никелл, Уильям. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 44. – С. 43-61.

Никифоров, Н.К. Еще тяжелая утрата... // Петербургский листок. – 1889. – 2 мая. – № 117. – С. 1.

Никифоров, Н.К. Еще тяжелая утрата... // Петербургские письма. VI // Каспий (Баку). – 1889. – 13 мая. – № 101. – С. 3.

Новые течения / Предисл. А.С. Логвинова // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. – М.: АН СССР, 1973. Кн. 1. – 1248 с.

О, братья: смерть его — тяжелая утрата... // Литературное наследство. 1934. – Т. 13-14. – С. 246.

Пальмин, Л. Памяти М.Е. Салтыкова (Щедрина) («Угас Щедрин!.. Светильник многих лет...») // Осколки. – 1889. – 6 мая. – № 19. – С. 1.

Памяти М.Е. Салтыкова («Борец идеи, бич разврата») // Будильник. – 1889. – 7 мая. – № 17. – С. 1.

Панаев, И.И. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1988. – 448 с.

Поэты 1860-х годов / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. – Л.: Сов. писатель, 1968. – 764 с. (Библиотека поэта. Малая серия).

П.....а, Леонида. На могилу Салтыкова-Щедрина («Не личное счастье тебя привлекло...») // Донская речь (Новочеркасск). – 1889. – 28 мая. – № 59. – С. 1.

Рапорт агента о похоронах Салтыкова // Былое. – 1906. – № 12. – С. 122.

Романовский, Р.И. Вспомни и помни. Граф Д.А. Толстой и М.Е. Салтыков-Щедрин // Романовский Р.И. Вспомни и помни [и др. стихотворения]. – [Одесса]: Экон. тип., 1889. – 10 с.

М.Е. Салтыков и цензура / Сообщил А.С. Николаев // Красный архив. – 1922. – Т. 2. – С. 229-233.

Скабичевский, А. В.И. Немирович-Данченко как поэт // Новости и биржевая газета. 1902. 23 апреля. № 110. С. 2.

Степанов, П. Прости! Памяти Михаила Евграфовича Салтыкова («Замолкла смелая сатира...») // Дон (Воронеж). – 1889. – 2 мая. – № 49. – С. 2.

Строганов, М.В. Смерть Пушкина в стихах его современников // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 87-101.

Строганова, Е.Н., Симора М.В. Стихотворные отклики на смерть Ф.М. Достоевского // О прозе. О поэзии. О Славе. Памяти Вячеслава Александровича Сапогова (в печати).

Трефолев, Л.Н. Космополитка («С насмешкой шаловливою она меня спросила...») // Осколки. – 1889. – 22 апреля. – № 17. – С. 3.

Фофанов, К.М. Отошедшим («Отходят старые глашатаи свободы...») // Новое время. – 1889. – 20 августа. – № 4840. – С. 2.

Фофанов, К.М. Стихотворения и поэмы / Вступит. статья Г.М. Цуриковой; сост., подгот. текста и примеч. В.В. Смиренского. – М.; Л.: Советский писатель, 1962. – 334 с.

Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 3. Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889. – М.: Наука, 1976. – 576 с.

Шеллер-Михайлов, А. Со злом общественным в борьбе... // Новости и биржевая газета. – 1889. – 2 мая. – № 119. – С. 1.

Шеллер-Михайлов, А. Со злом общественным в борьбе... // Сын отечества. – 1889. – 3 мая. – № 117. – С. 2.

Шеллер-Михайлов, Михайлов А. Со злом общественным в борьбе... // Сибирский вестник (Томск). – 1889. – 24 мая. – № 58. – С. 2.

Шеллер-Михайлов, Михайлов А. Со злом общественным в борьбе... // Орловский вестник. – 1890. – 28 апреля. – № 94. – С. 3.

Щиглев, В.Р. 2-го мая 1889 г. («Опять толпы... опять могила!...») // Русская старина. – 1889. – № 6. – С. 743.

Щиглев, В.Р. 2-го мая 1889 г. («Опять толпы... опять могила!...») // Сибирский вестник (Томск). – 1889. – 14 июля. – № 80. – С. 3.

Я. П., Памяти М.Е. Салтыкова («Нива ты русская... Нива родная!...») // Русский курьер. – 1889. – 5 мая. – № 121. – С. 2.

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ **Материалы энциклопедии**

Аннотация к энциклопедии

В этом разделе представлены материалы исследовательского проекта по созданию энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники». Энциклопедия предназначена стать первым современным всеобъемлющим справочником, посвященным Салтыкову. Проект позволяет соединить факты биографического, мировоззренческого и творческого порядка. В словник включены имена не только тех лиц, с которыми Салтыков общался непосредственно, но и многих других современников, оказавшихся в поле зрения писателя и упомянутых в его художественных, публицистических и эпистолярных текстах (русские и зарубежные политические деятели, военачальники, деятели культуры и др.). Личность Салтыкова должна предстать во всей полноте биографических связей, идейно-эстетических и философских взглядов, общекультурных ориентаций, бытовых привычек, человеческих привязанностей и антипатий. Это позволит лаконично и емко показать особенности взаимодействия Салтыкова с его эпохой и дать более адекватное представление о его значении в истории культуры. Публикация материалов исследовательского проекта предполагает участие научного сообщества в их обсуждении.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков, современники, энциклопедия, социально-культурные взаимосвязи, эпоха, мировоззренческие позиции, творческий диалог, литературное и бытовое общение, комментарий к текстам.

M.E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN AND HIS CONTEMPORARIES **The materials for encyclopedia**

This section contains the materials of the research project aiming to compile the encyclopedia “M.E. Saltykov-Shchedrin and his contemporaries”.

The authors intend to make this encyclopedia the first comprehensive reference book on Saltykov. The project allows of combining the facts of the writer’s biography, worldviews, and creativity.

The Glossary contains not only the names of persons with whom Saltykov communicated directly, but also names of people whom the writer kept an eye on and who were referred to in his literary, publicist and epistolary texts (they include Russian and foreign statesmen, military commanders, cultural figures, etc.).

Saltykov's personality is going to be presented in full light of the writer's biographical connections, ideological, esthetic and philosophical opinions, general cultural views, every day habits, natural human sympathy and antipathy. This will permit the encyclopedia publishers to show compactly but thoroughly the features of Saltykov's interconnection with his epoch and give a true-to-life depiction of his significance in the cultural history. The publication of the research project materials presumes an interest in discussion from academic circles.

Key words: M.E. Saltykov-Shchedrin, contemporaries, encyclopedia, social and cultural interaction, epoch, worldviews, creative dialog, literal and everyday communication, text commenting.

Необходимые пояснения

К настоящему времени словник энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» включает около 1300 имен, которые упоминаются в текстах М.Е. Салтыкова, кроме того сюда вошли имена современников, писавших о его творчестве, а также тех лиц, чье знакомство с писателем устанавливается косвенным образом. Настоящая публикация носит пилотный характер, мы представляем лишь малую часть статей, с тем чтобы их содержание и принципы построения стали предметом научного обсуждения. Каждая словарная статья содержит краткую биографическую справку о персонаже и развернутую характеристику упоминаний о нем или косвенных отсылок к его имени в текстах Салтыкова. Имя персонажа обозначается первой буквой фамилии, имя Салтыкова – буквой С. полужирным шрифтом (С.). Все даты приводятся по старому стилю.

В пристатейный список литературы включены преимущественно работы, имеющие непосредственное отношение к теме «Салтыков-Щедрин и» Остальные упоминаемые в статье работы, даются в основном тексте. Список имеет следующую

The Glossary contains not only the names of persons with whom Saltykov communicated directly, but also names of people whom the writer kept an eye on and who were referred to in his literary, publicist and epistolary texts (they include Russian and foreign statesmen, military commanders, cultural figures, etc.).

Saltykov's personality is going to be presented in full light of the writer's biographical connections, ideological, esthetic and philosophical opinions, general cultural views, every day habits, natural human sympathy and antipathy. This will permit the encyclopedia publishers to show compactly but thoroughly the features of Saltykov's interconnection with his epoch and give a true-to-life depiction of his significance in the cultural history. The publication of the research project materials presumes an interest in discussion from academic circles.

Key words: M.E. Saltykov-Shchedrin, contemporaries, encyclopedia, social and cultural interaction, epoch, worldviews, creative dialog, literal and everyday communication, text commenting.

Необходимые пояснения

К настоящему времени словник энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» включает около 1300 имен, которые упоминаются в текстах М.Е. Салтыкова, кроме того сюда вошли имена современников, писавших о его творчестве, а также тех лиц, чье знакомство с писателем устанавливается косвенным образом. Настоящая публикация носит пилотный характер, мы представляем лишь малую часть статей, с тем чтобы их содержание и принципы построения стали предметом научного обсуждения. Каждая словарная статья содержит краткую биографическую справку о персонаже и развернутую характеристику упоминаний о нем или косвенных отсылок к его имени в текстах Салтыкова. Имя персонажа обозначается первой буквой фамилии, имя Салтыкова – буквой С. полужирным шрифтом (С.). Все даты приводятся по старому стилю.

В пристатейный список литературы включены преимущественно работы, имеющие непосредственное отношение к теме «Салтыков-Щедрин и» Остальные упоминаемые в статье работы, даются в основном тексте. Список имеет следующую

структуру (в каждом разделе материал расположен в хронологической последовательности):

опубликованные тексты, принадлежащие персонажу;
мемуарная литература;
критическая литература;
биографическая, научная, краеведческая литература;
справочная литература;
архивы.

Принятые сокращения
Периодические издания

БдЧ – Библиотека для чтения
ВЕ – Вестник Европы
ЖО – Живописное обозрение
ИВ – Исторический вестник
Илл. – Иллюстрация
ЛГ – Литературная газета
ЛН – Литературное наследство
Москв. – Москвитянин
ОЗ – Отечественные записки
РА – Русский архив
РБ – Русское богатство
РБес – Русская беседа
РВ – Русский вестник
РВед – Русские ведомости
РМ – Русская мысль
РМир – Русский мир
РС – Русская старина
РСл – Русское слово
СО – Сын отечества
Совр. – Современник
СПбВед – Санкт-Петербургские ведомости

Архивы

ГАТО – Государственный архив Тверской области
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

Абделькадер (Абд-эль-Кадир, 6.09.1808, Маскара, Алжир – 26.05.1883, Дамаск, Сирия) – вождь алжирского национально-освободительного движения. При возобновлении французской экспансии в Северной Африке (1830) А. стал лидером, объединившим вождей многих алжирских племен. Был избран эмиром образовавшегося во внутренних областях страны независимого государства и организовал сопротивление французской оккупации. На протяжении семнадцати лет неоднократно одерживал победы. В 1847 А. потерпел окончательное поражение и вынужден был сдаться противнику. Жил во Франции под мягким надзором на почетных условиях; в 1852 Наполеон III возвратил ему свободу и назначил пенсию. А. поселился в Дамаске, где летом 1860, во время Дамасской резни, спас несколько тысяч восточных христиан-маронитов. Нападению подверглось и российское вице-консульство; благодаря А. был спасен вице-консул Макеев. Действия А. возвысили его международный авторитет. В 1860 награжден орденами Англии, Германии, Ватикана, России, Османской империи и др. В 1846 в его честь был назван американский город Elkader (штат Айова).

У С. имя А. появляется в гл. IV цикла «За рубежом» (1880), где подвергнуты критике произведения, созданные эпигонами французского натурализма, и в частности обилие в них «подробностей, не имеющих ничего общего ни с предметом повествования, ни с его обстановкой, подробностей, ни для чего не нужных, ничего не характеризующих и даже не любопытных сами по себе» (14, с. 155). С. упоминает А., пересказывая вымышленный им пародийный роман о жизни «бедного Альфреда»: «Осьмая, девятая, десятая и прочие главы посвящены описанию тетенькиной квартиры, тетенькиного мужа и блюд, подающихся за обедом. Тетенькин муж – араб, который служил когда-то Абделькадеру, но передался Франции, полюбил Париж и женился на тетушке. У него один недостаток: он кусается в порыве страсти; но есть и достоинство: тетушка не имеет от него детей» (14, с. 157). В узком контексте А., алжирскому герою, патриоту, казалось бы, противопоставлен «тетенькин муж» – переметнувшийся к врагу араб-изменник. Однако из более широкого контекста явствует, что единственно существенным является то, что благодаря отсутствию у «тетеньки» детей ее «поясница» остается привлекательной. В таком

случае совсем неважно, служил ли «тетенькин муж» А. и предал ли его. Так что в тексте пародии на натуралистический роман этот эпизод биографии «тетенькинова мужа» оказывается столь же избыточной подробностью, как и множество других приведенных в авторском «пересказе» деталей, не идущих к делу.

Между тем имя А. упоминается не случайно. Представляя читателю «роман» из современной французской жизни, С. отмечает в ней новое и весьма характерное социальное явление: как следствие недавней колониальной войны, во Франции начинают появляться экзотические фигуры – выходцы из Алжира. Ими оказываются арабы, попавшие туда против своей воли – поверженные, но все еще опасные враги, что заставляет французское правительство держать их перед глазами. В противоположность им, арабы, содействовавшие победе французов в Алжире, стремятся найти прибежище во Франции, чтобы устроить себе беспечальную жизнь. Эту ситуацию и отображает С. в приведенном выше фрагменте, упоминая две фигуры: плененного врага Франции А. и пародического «тетенькинова мужа», по-видимому, бежавшего из родной страны. Как сатирику С. более интересна вторая фигура, которую он и ставит в центр повествования. «Тетенькин муж» безжалостно осмеян и, по сюжету, жестоко наказан, так как для араба не иметь детей – свидетельство того, что аллах от него отвернулся. При этом фигура А. остается по видимости в тени. Однако именно драматическая судьба арабского эмира – то зерно, из которого развивается приведенный микросюжет.

Литература

Оганисян Ю. Абд-аль-Кадир. – М., 1968. – 209 с.

Абд-эль-Кадер // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1890–1907; Алжир: Справочник. – М., 1997; Абд аль-Кадир // Большой энциклопедический словарь. – М.; СПб., 1998.

Г.В. Маркелова

Абдурахман-автобачи (даты жизни неизвестны) – сановник Кокандского ханства, один из руководителей Кокандского восстания (1873–76) под руководством Пулат-хана. В 1873 по приказу Худояр-хана А. пытался устранить вооруженную группировку Пулата,

случае совсем неважно, служил ли «тетенькин муж» А. и предал ли его. Так что в тексте пародии на натуралистический роман этот эпизод биографии «тетенькинова мужа» оказывается столь же избыточной подробностью, как и множество других приведенных в авторском «пересказе» деталей, не идущих к делу.

Между тем имя А. упоминается не случайно. Представляя читателю «роман» из современной французской жизни, С. отмечает в ней новое и весьма характерное социальное явление: как следствие недавней колониальной войны, во Франции начинают появляться экзотические фигуры – выходцы из Алжира. Ими оказываются арабы, попавшие туда против своей воли – поверженные, но все еще опасные враги, что заставляет французское правительство держать их перед глазами. В противоположность им, арабы, содействовавшие победе французов в Алжире, стремятся найти прибежище во Франции, чтобы устроить себе беспечальную жизнь. Эту ситуацию и отображает С. в приведенном выше фрагменте, упоминая две фигуры: плененного врага Франции А. и пародического «тетенькинова мужа», по-видимому, бежавшего из родной страны. Как сатирику С. более интересна вторая фигура, которую он и ставит в центр повествования. «Тетенькин муж» безжалостно осмеян и, по сюжету, жестоко наказан, так как для араба не иметь детей – свидетельство того, что аллах от него отвернулся. При этом фигура А. остается по видимости в тени. Однако именно драматическая судьба арабского эмира – то зерно, из которого развивается приведенный микросюжет.

Литература

Оганисян Ю. Абд-аль-Кадир. – М., 1968. – 209 с.

Абд-эль-Кадер // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1890–1907; Алжир: Справочник. – М., 1997; Абд аль-Кадир // Большой энциклопедический словарь. – М.; СПб., 1998.

Г.В. Маркелова

Абдурахман-автобачи (даты жизни неизвестны) – сановник Кокандского ханства, один из руководителей Кокандского восстания (1873–76) под руководством Пулат-хана. В 1873 по приказу Худояр-хана А. пытался устранить вооруженную группировку Пулата,

выступавшую против ханского гнета, но двумя годами позже, когда восстание приняло антирусский характер, вступил в союз с ним. Восставшие были разгромлены русскими войсками. А. добровольно сдался в плен вместе со своими командирами. Пулат-хан казнил родственников А.; тот в отместку содействовал выдаче его русским. А. был освобожден от наказания и отправлен в Россию. Жил в Оренбурге, впоследствии в Екатеринославе, где, получая от российского правительства высокую пенсию, провел остаток жизни.

В текстах С. имя А. не упоминается, но слово *автобачи* используется в цикле «Благонамеренные речи»: «Единственное в этом отношении исключение составляет Ташкент <...> потому, что правда, осуществлявшаяся в лице автобачей, не в пример менее доброкачественна, нежели правда, олицетворением которой явились русские уездные исправники» (11, с. 435-436). В данном контексте чин кокандского сановника *автобачи* выступает как нарицательная номинация азиатского правителя-деспота. С. подводит читателя к мысли о том, что феодальные ханства, вошедшие в состав России, были приобщены к порядкам государства с более высоким уровнем социально-экономического развития и это отчасти облегчило положение населявших их народов, в частности было навеки уничтожено рабство. В целом же политику России в Средней Азии С. оценивал как хищническую.

Возможно, один из эпизодов биографии А. получил отражение в «Современной идиллии» – в рассказе о восточных приключениях «странствующего полководца» Редеди, призванного на помощь мятежному Араби-паше: подобно тому как А. отдал в руки врагов Пулат-хана, Редедя готов сдать в плен Араби-пашу: «Съезжу в Каир, получу прогонные деньги, сдам Араби-пашу в плен... и возвращусь» (15-1, с. 137-138).

Литература

Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I-го. – М., 1910. – 234 с.; *Халфин Н.А.*

Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). – М., 1965. – 468 с.; *Бабабеков Х.Н.* Восстание Пулат-хана. – Ташкент, 2008.

Кокандское восстание 1873–76 // Энциклопедический словарь. – М.; СПб., 2009.

Г.В. Маркелова

Авсеенко Василий Григорьевич (5.01.1842, Московская губерния – 29.07.1913, Петербург) – беллетрист, критик, публицист, с 1874 – чиновник особых поручений при министре просвещения. В 1860–70-е – автор литературных обзоров и рецензий в журналах РСл, РВ и РМир; выступал с критикой писателей демократического направления, в том числе С. С 1883 – редактор СПбВед. В 1890-х сотрудничал в либеральных журналах ВЕ и РМ. Автор повестей и романов из жизни высшего света и чиновничьего мира, а также антинигилистического романа «Злой дух» (1881).

С. опубликовал в ОЗ (1871, № 12) резко отрицательную рецензию на роман А. «На распутье». Особенно задело А. замечание рецензента о том, что роман «принадлежит именно к тому “раечному” роду, который допускает “показывание” всякого рода картинок без малейшей связи между ними» (9, с. 442). А. мстительно ответил своему критику в статье «Опять щедринские помпадуры» (РМир, 1873, № 95, 14 апр.), заявив, что такие авторы, как многопишущий Щедрин, способны писать только для райка. В статье «Очерки текущей литературы» (РМир, 1872, № 259, 7 окт.) А. отозвался о «Дневнике провинциала в Петербурге» и, как бы не узнав С. под псевдонимом М. М., колко заметил, что автор этого произведения пишет с «дубоватым» остроумием. Имя А. как знак упадка литературы появляется в письме С. к П.В. Анненкову от 26 мая 1884: «...беллетристика, с смертью «Отечественных» зап<исок>», окончательно замерла <...> Находят, что достаточно Атавы и Авсеенка с прибавкой старых патентованных подлецов...» (20, с. 29–30).

Литература

Авсеенко В.Г. Собрание сочинений: В 12 т. – СПб., 1904–1905.

Головин К. Русский роман и русское общество. – СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1897. – 472 с.

Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). – М., 1965. – 468 с.; *Бабабеков Х.Н.* Восстание Пулат-хана. – Ташкент, 2008.

Кокандское восстание 1873–76 // Энциклопедический словарь. – М.: СПб., 2009.

Г.В. Маркелова

Авсеенко Василий Григорьевич (5.01.1842, Московская губерния – 29.07.1913, Петербург) – беллетрист, критик, публицист, с 1874 – чиновник особых поручений при министре просвещения. В 1860–70-е – автор литературных обзоров и рецензий в журналах РСл, РВ и РМир; выступал с критикой писателей демократического направления, в том числе С. С 1883 – редактор СПбВед. В 1890-х сотрудничал в либеральных журналах ВЕ и РМ. Автор повестей и романов из жизни высшего света и чиновничьего мира, а также антинигилистического романа «Злой дух» (1881).

С. опубликовал в ОЗ (1871, № 12) резко отрицательную рецензию на роман А. «На распутье». Особенно задело А. замечание рецензента о том, что роман «принадлежит именно к тому “раечному” роду, который допускает “показывание” всякого рода картинок без малейшей связи между ними» (9, с. 442). А. мстительно ответил своему критику в статье «Опять щедринские помпадуры» (РМир, 1873, № 95, 14 апр.), заявив, что такие авторы, как многопишущий Щедрин, способны писать только для райка. В статье «Очерки текущей литературы» (РМир, 1872, № 259, 7 окт.) А. отозвался о «Дневнике провинциала в Петербурге» и, как бы не узнав С. под псевдонимом М. М., колко заметил, что автор этого произведения пишет с «дубоватым» остроумием. Имя А. как знак упадка литературы появляется в письме С. к П.В. Анненкову от 26 мая 1884: «...беллетристика, с смертью «Отечественных» зап<исок>», окончательно замерла <...> Находят, что достаточно Атавы и Авсеенка с прибавкой старых патентованных подлецов...» (20, с. 29–30).

Литература

Авсеенко В.Г. Собрание сочинений: В 12 т. – СПб., 1904–1905.

Головин К. Русский роман и русское общество. – СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1897. – 472 с.

Майорова О.Е. Авсенко Василий Григорьевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. – М., 1989. Т. 1. – С. 20–21.

Г.В. Маркелова

Агреньев Дмитрий Александрович (сценическое имя Агреньев-Славянский, 7.12.1834 или 1836 – 10.07.1908, Руцук) – российский певец и хоровой дирижер, собиратель народных песен. После участия в Славянском съезде (Москва, 1867), А. основал смешанный хор «Славянская капелла» (1868), который пропагандировал идеи панславизма. Связь концертной деятельности А. с панславизмом отразилась в названии книги его жены, опубликованной в серии «Мечты и думы о возрождении славянства», – «Царьград-Беч-Краков: Вдохновения Ольги Христофоровны Славянской, сподвижницы славянорусского баяна Д.А. Агреньева-Славянского» (1915).

Именно в этом контексте С. упоминает хор А. и его популярную песню «Идѣ домув муй». Песня преподносилась как народная, хотя это был вставной номер в музыкальной чешской комедии поэта Й.К. Тыла и композитора Ф. Шкroupы «Фидловачка, или Без злости и мордобоя» (1834). Считается, что массовый успех песни начался в 1877, когда был опубликован текст пьесы. Однако уже в 1876 в цикле «В среде умеренности и аккуратности» С. пишет об исполнении ее хором А.: «И в довершение картины, где-то вдали (может быть, в Петербурге, на Минерашках) хор господина Славянского отхватывает: „идѣ домув муй...“» (12, с. 142). Песня имела подзаголовок «Чешский гимн» и служила гимном национально-освободительного движения западных и южных славян (в XX в. песня «Где мой дом?» стала национальным гимном сначала объединенной Чехословакии, а потом Чехии, 1920). С. упоминает ее еще дважды: в «Письмах к тетеньке» (14, с. 247) и в «Современной идиллии» (15-1, с. 137).

Литература

Русские песни и песни южных и западных славян, собранные Д.А. Славянским и перелож. для одного голоса и хора О.Х. Славянскою / Посвящаю моему мужу Дмитрию Александровичу

Майорова О.Е. Авсенко Василий Григорьевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. – М., 1989. Т. 1. – С. 20–21.

Г.В. Маркелова

Агреньев Дмитрий Александрович (сценическое имя Агреньев-Славянский, 7.12.1834 или 1836 – 10.07.1908, Руцук) – российский певец и хоровой дирижер, собиратель народных песен. После участия в Славянском съезде (Москва, 1867), А. основал смешанный хор «Славянская капелла» (1868), который пропагандировал идеи панславизма. Связь концертной деятельности А. с панславизмом отразилась в названии книги его жены, опубликованной в серии «Мечты и думы о возрождении славянства», – «Царьград-Беч-Краков: Вдохновения Ольги Христофоровны Славянской, сподвижницы славянорусского баяна Д.А. Агреньева-Славянского» (1915).

Именно в этом контексте С. упоминает хор А. и его популярную песню «Идѣ домув муй». Песня преподносилась как народная, хотя это был вставной номер в музыкальной чешской комедии поэта Й.К. Тыла и композитора Ф. Шкroupы «Фидловачка, или Без злости и мордобоя» (1834). Считается, что массовый успех песни начался в 1877, когда был опубликован текст пьесы. Однако уже в 1876 в цикле «В среде умеренности и аккуратности» С. пишет об исполнении ее хором А.: «И в довершение картины, где-то вдали (может быть, в Петербурге, на Минерашках) хор господина Славянского отхватывает: „идѣ домув муй...“» (12, с. 142). Песня имела подзаголовок «Чешский гимн» и служила гимном национально-освободительного движения западных и южных славян (в XX в. песня «Где мой дом?» стала национальным гимном сначала объединенной Чехословакии, а потом Чехии, 1920). С. упоминает ее еще дважды: в «Письмах к тетеньке» (14, с. 247) и в «Современной идиллии» (15-1, с. 137).

Литература

Русские песни и песни южных и западных славян, собранные Д.А. Славянским и перелож. для одного голоса и хора О.Х. Славянскою / Посвящаю моему мужу Дмитрию Александровичу

Славянскому. Вып. 1–5. – М., [1879–1884]; *Хитрово А. Д.А.* Славянский и его деятельность (1862–1887). – Тверь, 1887. – 64 с.; *Кондратьев А.* Русская песня и ее исполнитель народный певец Д.А. Агренов-Славянский. – Екатеринбург, 1898; *Строганов М.В.* Хор Д.А. Агренова-Славянского, или Куда может завести любовь к народной песне (в печати).

М.В. Строганов

Араби-паша (Ораби-паша, Ураби-паша) Ахмед (1839, д. Хиррият Резна – 21.09.1911, Каир) – египетский вождь национально-освободительного движения, военный министр (1881–82). В 1879 принял участие в восстании офицеров против турецкого хедива Египта. В 1881 организовал антиправительственную демонстрацию, был арестован, но освобожден солдатами и стал лидером первой политической партии. В сентябре 1881 возглавил восстание Каирского гарнизона, которое привело к созданию национального правительства. Стремясь очистить страну от европейской «заразы», начал восстанавливать в Египте традиционные нормы ислама, за что получил от турецкого султана титул паши. В 1882 А. возглавил борьбу против англичан. Потерпел поражение в битве при Тель-эль-Кебире, был предан соратниками и захвачен в плен, приговорен к смертной казни, которую заменили ссылкой на о. Цейлон. Получал пожизненную пенсию от английского правительства; в 1901 был помилован и вернулся в Каир.

В романе «Современная идиллия» С. использует биографию А. для характеристики внешнеполитического курса России и создания образа «странствующего витязя-богатыря Полкана Самсоновича Редеди», при этом включает вымышленные факты, например, делая А. однокашником Редеди по дворянскому полку: «Съезжу в Каир, получу прогонные деньги, сдам Араби-пашу в плен – жаль однокашника, а делать нечего! – и возвращусь» (15-1, с. 137-138). С. причудливо обыгрывает вымышленные и подлинные факты биографии А. Известно, что во время абиссинской кампании 1875–76 А. сам занимался интендантской деятельностью, в то время как в романе паша и его армия предстают жертвой интендантских афер. Предательство А. ненадежными войсками получило сатирическое

Славянскому. Вып. 1–5. – М., [1879–1884]; *Хитрово А. Д.А.* Славянский и его деятельность (1862–1887). – Тверь, 1887. – 64 с.; *Кондратьев А.* Русская песня и ее исполнитель народный певец Д.А. Агренов-Славянский. – Екатеринбург, 1898; *Строганов М.В.* Хор Д.А. Агренова-Славянского, или Куда может завести любовь к народной песне (в печати).

М.В. Строганов

Араби-паша (Ораби-паша, Ураби-паша) Ахмед (1839, д. Хиррият Резна – 21.09.1911, Каир) – египетский вождь национально-освободительного движения, военный министр (1881–82). В 1879 принял участие в восстании офицеров против турецкого хедива Египта. В 1881 организовал антиправительственную демонстрацию, был арестован, но освобожден солдатами и стал лидером первой политической партии. В сентябре 1881 возглавил восстание Каирского гарнизона, которое привело к созданию национального правительства. Стремясь очистить страну от европейской «заразы», начал восстанавливать в Египте традиционные нормы ислама, за что получил от турецкого султана титул паши. В 1882 А. возглавил борьбу против англичан. Потерпел поражение в битве при Тель-эль-Кебире, был предан соратниками и захвачен в плен, приговорен к смертной казни, которую заменили ссылкой на о. Цейлон. Получал пожизненную пенсию от английского правительства; в 1901 был помилован и вернулся в Каир.

В романе «Современная идиллия» С. использует биографию А. для характеристики внешнеполитического курса России и создания образа «странствующего витязя-богатыря Полкана Самсоновича Редеди», при этом включает вымышленные факты, например, делая А. однокашником Редеди по дворянскому полку: «Съезжу в Каир, получу прогонные деньги, сдам Араби-пашу в плен – жаль однокашника, а делать нечего! – и возвращусь» (15-1, с. 137-138). С. причудливо обыгрывает вымышленные и подлинные факты биографии А. Известно, что во время абиссинской кампании 1875–76 А. сам занимался интендантской деятельностью, в то время как в романе паша и его армия предстают жертвой интендантских афер. Предательство А. ненадежными войсками получило сатирическое

отражение в рассказе Редеди о его египетских злоключениях: «Им командуют: ребята, вперед! – а они: у нас, ваше благородие, сапог нет! – Ну, натурально, стали отступать. Отступали-отступали, наконец смотрю: где войско? – нет никого!» (15-1, с. 268). Рассказ о египетской войне с участием экзотического А. использован для актуализации российских событий, в частности фактов, имевших место во время Крымской войны: «Представьте себе, вывели на смотр войско, а оно три дня не евши; мундирчики – в лохмотьях, подметки – из картонной бумаги, ружья – кремневые, да и кремней-то нет, а вместо них чурки, выкрашенные под кремень. “Поверишь ли, – говорит Араби, – все было: и сухари, и мундиры, и ружья – и всё интендантские чиновники разворовали!”» (15-1, с. 267. – ср. «Благонамеренные речи»: «Была горькая година в жизни России <...> И что ж! в это самое время находились люди, которые ставили ополченцам сапоги с картонными подметками <...> снабжали солдат кремневыми ружьями, в которых, вместо кремня, была вставлена выкрашенная чурочка, и т.д.» (11, с. 434-435). Ситуация с А.-пашой становится также поводом для иронизирования по поводу женской благотворительной деятельности, которая во время военных кампаний зачастую сводилась к незначительным и неуместным делам: «В самую критическую минуту к ней [Фаинушке] неожиданно явился на помощь Араби-паша, вызывавший Редеду на поле брани. В один присест она связала два кошелька: один для Балалайкина, другой, с надписью золотым бисером «от русских дам» – отдала Редде для передачи знаменитому египетскому патриоту» (15-1, с. 129).

Литература

Кильберг Х.И. Восстание Араби-паши в Египте. – М.; Л., 1937. – 188 с.; *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. – М., 1959. – 365 с.; *Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. – М., 1966. – 372 с.; *Кошелев В.С.* Египет: от Ораби-паши до Саада Заглула. 1879–1924. – М., 1992. – 287 с.; *Зеленев Е.И.* Египет. Средние века. Новое время. – СПб., 1999. – 340 с.

Араби-паша // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1890–1907. Т. 1(а), 1890; Араби-паша // Военная

энциклопедия: В 18 т. – СПб., 1911–1915, 1911. Т. 3; Ораби-паша // Африка: Энциклопедический справочник. – М., 1986–1987. Т. 2, 1987.

Г.В. Маркелова

Афанасьев Александр Степанович (29.02.1816, с. Исковцы Лубенского у. Полтавской губ. – 6.09.1875, Петербург), русский и украинский писатель, этнограф, фольклорист, переводчик (псевд.: *Чужбинский* – до 1851, *Афанасьев-Чужбинский*, *А. Лубенец* и др.). Писал на русском и украинском языках. А. был автором более 60 произведений, в которых отразилось «знание русского и украинского быта, провинциальной и столичной жизни, впечатления военной службы» (*Баскаков*, 1989, с. 124-125). Редактировал неофициальную часть «Воронежских губернских ведомостей» (1848), где вел отдел «Народное чтение», содержавший преимущественно фольклорные и этнографические материалы на русском и украинском языках. В 1856 А. принял участие в «литературной» экспедиции, организованной Морским ведомством. Результатом поездки стали двухтомная работа по исследованию быта и нравов жителей бассейнов Днепра и Днестра, ряд статей и «Словарь малорусского наречия», составленный полностью (рукопись сохранилась), но опубликованный частично. Переехав в Петербург, А. активно занимался журналистской деятельностью: основал «Петербургский листок» (1864), журнал «Магазин иностранной литературы» (1872), сотрудничал в ряде других изданий.

С. несколько раз встречался с А. в марте 1863. По просьбе А.Н. Островского, который поддерживал связь с А. со времен «литературной экспедиции», С. обратился к нему за помощью в получении денег от Г.А. Кушелева-Безбородко за изданное в 1859 двухтомное собрание сочинений драматурга (18-1, с. 269). А. несколько раз посетил Кушелева, но не добился результата. Видимо, по своей инициативе он обратился к новому редактору РСЛ Г.Е. Благосветлову, но тот посчитал, что денежные обязательства должен выполнить Кушелев. После этого С. сам дважды посещал Кушелева, но лишь убедился, что тот «платить денег <...> не желает» (18-1, с. 272). В письме к Островскому от 14 марта 1863 С. именует А. по его

энциклопедия: В 18 т. – СПб., 1911–1915, 1911. Т. 3; Ораби-паша // Африка: Энциклопедический справочник. – М., 1986–1987. Т. 2, 1987.

Г.В. Маркелова

Афанасьев Александр Степанович (29.02.1816, с. Исковцы Лубенского у. Полтавской губ. – 6.09.1875, Петербург), русский и украинский писатель, этнограф, фольклорист, переводчик (псевд.: *Чужбинский* – до 1851, *Афанасьев-Чужбинский*, *А. Лубенец* и др.). Писал на русском и украинском языках. А. был автором более 60 произведений, в которых отразилось «знание русского и украинского быта, провинциальной и столичной жизни, впечатления военной службы» (*Баскаков*, 1989, с. 124-125). Редактировал неофициальную часть «Воронежских губернских ведомостей» (1848), где вел отдел «Народное чтение», содержащий преимущественно фольклорные и этнографические материалы на русском и украинском языках. В 1856 А. принял участие в «литературной» экспедиции, организованной Морским ведомством. Результатом поездки стали двухтомная работа по исследованию быта и нравов жителей бассейнов Днепра и Днестра, ряд статей и «Словарь малорусского наречия», составленный полностью (рукопись сохранилась), но опубликованный частично. Переехав в Петербург, А. активно занимался журналистской деятельностью: основал «Петербургский листок» (1864), журнал «Магазин иностранной литературы» (1872), сотрудничал в ряде других изданий.

С. несколько раз встречался с А. в марте 1863. По просьбе А.Н. Островского, который поддерживал связь с А. со времен «литературной экспедиции», С. обратился к нему за помощью в получении денег от Г.А. Кушелева-Безбородко за изданное в 1859 двухтомное собрание сочинений драматурга (18-1, с. 269). А. несколько раз посетил Кушелева, но не добился результата. Видимо, по своей инициативе он обратился к новому редактору РСЛ Г.Е. Благосветлову, но тот посчитал, что денежные обязательства должен выполнить Кушелев. После этого С. сам дважды посещал Кушелева, но лишь убедился, что тот «платить денег <...> не желает» (18-1, с. 272). В письме к Островскому от 14 марта 1863 С. именует А. по его

псевдониму – Чужбинский (18-1, с. 269), что может свидетельствовать о поверхностном знакомстве.

Литература

Афанасьев-Чужбинский А. Словарь малорусского наречия. Тетрадь первая. – СПб., 1855; *Афанасьев-Чужбинский А.* Поездка в Южную Россию. Ч. 1–2. – СПб., 1861, 1863.

Павловский И.Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. – Полтава, 1912. – С. 12-13; *Русский биографический словарь: В 25 т. – М., 1900. Т. II. – С. 377-379; Баскаков В.Н.* Афанасьев-Чужбинский // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1989. Т. I. – С. 124-125.*

В.Е. Добровольская

Бакунин Александр Павлович (1.08.1797, Петербург – 25.08.1862, Ницца) – представитель петербургской ветви рода Бакуниных, лицеист пушкинского выпуска (1817), тверской гражданский губернатор (1842–57), тайный советник (1856). В качестве губернатора проводил ревизии уездов, уделяя особое внимание контролю над прохождением дел в учреждениях. Принимал деятельное участие в осуществлении строительства железной дороги Петербург – Москва (1842–50). Во время Крымской войны (1853–56) возглавлял Тверской губернский комитет государственного ополчения. Последние годы на посту губернатора Б. занимался подготовкой крестьянской реформы, к которой относился в целом отрицательно. В 1857 подал в отставку «по болезни», на деле же – из-за натянутости отношений с министром внутренних дел и поражения губернаторской партии на дворянских выборах 1857. В 1858 Б. опубликовал схему «Управление, общее для всех губерний Российской империи, не состоящих на особых положениях» (М., 1858), которая отражала его «представления о том, как должны управляться губернии Российской империи». Схема предусматривала «значительное расширение полномочий губернаторов и губернских правлений» (*Сысоев, 2004, с. 314 – комментарий Н.В. Середы*). Последние годы жизни Б. прошли в Москве и костромском имении Райково.

псевдониму – Чужбинский (18-1, с. 269), что может свидетельствовать о поверхностном знакомстве.

Литература

Афанасьев-Чужбинский А. Словарь малорусского наречия. Тетрадь первая. – СПб., 1855; *Афанасьев-Чужбинский А.* Поездка в Южную Россию. Ч. 1–2. – СПб., 1861, 1863.

Павловский И.Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. – Полтава, 1912. – С. 12-13; *Русский биографический словарь: В 25 т. – М., 1900. Т. II. – С. 377-379; Баскаков В.Н.* Афанасьев-Чужбинский // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1989. Т. I. – С. 124-125.*

В.Е. Добровольская

Бакунин Александр Павлович (1.08.1797, Петербург – 25.08.1862, Ницца) – представитель петербургской ветви рода Бакуниных, лицеист пушкинского выпуска (1817), тверской гражданский губернатор (1842–57), тайный советник (1856). В качестве губернатора проводил ревизии уездов, уделяя особое внимание контролю над прохождением дел в учреждениях. Принимал деятельное участие в осуществлении строительства железной дороги Петербург – Москва (1842–50). Во время Крымской войны (1853–56) возглавлял Тверской губернский комитет государственного ополчения. Последние годы на посту губернатора Б. занимался подготовкой крестьянской реформы, к которой относился в целом отрицательно. В 1857 подал в отставку «по болезни», на деле же – из-за натянутости отношений с министром внутренних дел и поражения губернаторской партии на дворянских выборах 1857. В 1858 Б. опубликовал схему «Управление, общее для всех губерний Российской империи, не состоящих на особых положениях» (М., 1858), которая отражала его «представления о том, как должны управляться губернии Российской империи». Схема предусматривала «значительное расширение полномочий губернаторов и губернских правлений» (*Сысоев, 2004, с. 314 – комментарий Н.В. Середы*). Последние годы жизни Б. прошли в Москве и костромском имении Райково.

С. упоминает Б. в письме к Д.Е. и А.Я. Салтыковым от 2 сентября 1855, где объясняет, почему хотел бы служебного перевода в Тверь: «...во-первых, потому, что это близко от своих и мне было бы жить дешевле, во-вторых, потому, что сообщения с Петербургом удобны <...> Сверх того, я надеюсь сойтись и с губернатором, который старый лицеист» (18-1, с. 157). С. надеялся на взаимопонимание со стороны Б., с которым они в разные годы учились в Царскосельском (Александровском) лицее. Однако в ноябре 1855, получив право «жить и служить, где он пожелает», С. возвратился в Петербург. В 1856 как чиновник особых поручений при министре внутренних дел он был командирован в Тверскую губернию для обозрения делопроизводства губернского комитета ополчения и обнаружил нарушения во всех сферах его деятельности. В записке по итогам проверки С. обращал внимание на то, что начальник ополчения губернатор Б.<акунин> покрывал мошенничество купца Ветошкина, наживавшегося на поставках обмундирования: для пошива ополченческих армяков вместо армейского сукна использовалась коровья шерсть (Арсеньев, 1900, с. 58-59).

Литература

Арсеньев К.К. Материалы для биографии М.Е. Салтыкова // Полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). – СПб., 1900. Т. 1; *Сысоев В.И.* Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. – Тверь, 2004. – 352 с.; *Сысоев В.И.* Бакунины. – Тверь, 2002. – 462 с.

Г.В. Маркелова

Бернар Сара (Sarah Bernhardt, урожд. Генриетт Розин Бернар; 22.10.1844, Париж – 26.03, 1923, там же) – прославленная французская актриса. С особенным успехом выступала в пьесах А. Дюма-сына (Маргарита Готье в «Даме с камелиями»). Играла много мужских ролей, в том числе Гамлета. Гастролировала во многих странах Европы и Америки; оставила сцену в 1922. Первая выдающаяся актриса, обратившаяся к кинематографу: в 1911 снялась в фильмах «Королева Елизавета» и «Дама с камелиями». Автор нескольких пьес, а также мемуаров «Моя двойная жизнь» (1907). Б. трижды с успехом

С. упоминает Б. в письме к Д.Е. и А.Я. Салтыковым от 2 сентября 1855, где объясняет, почему хотел бы служебного перевода в Тверь: «...во-первых, потому, что это близко от своих и мне было бы жить дешевле, во-вторых, потому, что сообщения с Петербургом удобны <...> Сверх того, я надеюсь сойтись и с губернатором, который старый лицеист» (18-1, с. 157). С. надеялся на взаимопонимание со стороны Б., с которым они в разные годы учились в Царскосельском (Александровском) лицее. Однако в ноябре 1855, получив право «жить и служить, где он пожелает», С. возвратился в Петербург. В 1856 как чиновник особых поручений при министре внутренних дел он был командирован в Тверскую губернию для обозрения делопроизводства губернского комитета ополчения и обнаружил нарушения во всех сферах его деятельности. В записке по итогам проверки С. обращал внимание на то, что начальник ополчения губернатор Б.<акунин> покрывал мошенничество купца Ветошкина, наживавшегося на поставках обмундирования: для пошива ополченческих армяков вместо армейского сукна использовалась коровья шерсть (Арсеньев, 1900, с. 58-59).

Литература

Арсеньев К.К. Материалы для биографии М.Е. Салтыкова // Полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). – СПб., 1900. Т. 1; *Сысоев В.И.* Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. – Тверь, 2004. – 352 с.; *Сысоев В.И.* Бакунины. – Тверь, 2002. – 462 с.

Г.В. Маркелова

Бернар Сара (Sarah Bernhardt, урожд. Генриетт Розин Бернар; 22.10.1844, Париж – 26.03, 1923, там же) – прославленная французская актриса. С особенным успехом выступала в пьесах А. Дюма-сына (Маргарита Готье в «Даме с камелиями»). Играла много мужских ролей, в том числе Гамлета. Гастролировала во многих странах Европы и Америки; оставила сцену в 1922. Первая выдающаяся актриса, обратившаяся к кинематографу: в 1911 снялась в фильмах «Королева Елизавета» и «Дама с камелиями». Автор нескольких пьес, а также мемуаров «Моя двойная жизнь» (1907). Б. трижды с успехом

гастролировала в России (1881, 1892, 1908–09). Русские рецензенты писали о выдающихся профессиональных достоинствах актрисы, виртуозности ее техники. В то же время приверженцы реалистического искусства отмечали в ее игре определенную искусственность, преобладание выучки над природным талантом, чрезмерное пристрастие к эффектным приемам.

Отзывы С. об искусстве Б. появляются в 1881, когда актриса впервые гастролировала в Петербурге. С. намеревался посмотреть шесть ее спектаклей, однако из-за плохого самочувствия видел всего два. Развернутую оценку Б. он дает в письме к Н.А. Белоголовому от 21 декабря: «За недостатком новостей, публика пробавляется Сарой Бернар <...> Что касается до меня, то я не поклонник этой актрисы. Хороша она – слова нет, но до великого ей далеко. Декламаторская школа Comedie Française. Там все отлично читают стихи, и она – тоже. Но ни скорби, ни тоски, ничего такого, что рвет сердце человека – ничего этого она не дает» (19-2, с. 70). Упоминание о Б. содержится также в письме С. к М.Т. Лорис-Меликову от 25 декабря: «Никогда Петербург не имел такого унылого вида, как нынешнюю зиму, никогда общество так не скучало, несмотря <...> на представления Сары Бернар» (19-2, с. 74). В «Письмах к тетеньке» («Письмо пятнадцатое», 1882) С. упоминает о гастролях Б. как о заметнейшем событии в культурной жизни Петербурга: то, что зимой он «в опере не был, Сару Бернар не видал» (14, с. 455), герой очерка Глумов оценивает как признак «одичания».

Литература

- Бернар С.* Моя двойная жизнь. Мемуары. – СПб., 1995. – 543 с.
Кугель А.Р. Сара Бернар // *Кугель А.Р.* Театральные портреты. – Л., 1967; *Леонтьевский Н.* Три приезда Сары Бернар в Россию // *Театр.* – 1970. – № 2. – С. 142-143; *Пикон Софи-Од.* Сара Бернар. – М., 2012. – 249 с. (ЖЗЛ).
Бернар Розина // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1890–1907.* – СПб., 1891. Т. 3 (5); *Театральная энциклопедия: В 6 т.* – М., 1961. Т. 1.

Г.В. Маркелова

Верещагин Николай Васильевич (13.10.1839, д. Пертовка Череповецкого у. Новгородской губ. – 13.03.1907, д. Пертовка) – основоположник российского сыроварения и маслоделия, организатор первых русских сыроварен на артельных началах, автор более 60 работ по молочному животноводству и артельному изготовлению молочных продуктов. В марте 1866 при материальной поддержке Вольного экономического общества открыл первую сыроварню в с. Отроковичи Тверского уезда. В 1871 при содействии тверского земства основал школу молочного хозяйства в имении барона Н.Н. Корфа (с. Единоново Корчевского уезда). В отчете тверского губернатора за 1875 говорится о пользе Единоновской школы: «...во-первых <...> школа дает местным жителям возможность всегда сбывать молоко с выгодой, во-вторых <...> наглядно доказывая крестьянам выгоду правильного молочного хозяйства, побуждает их улучшить как породы скота, так и кормление и уход за ним, в-третьих <...> ежегодно выпускает по несколько специалистов и специалисток молочного хозяйства и тем распространяет в губернии полезные и удобоприменимые знания по молочному хозяйству» (ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 28985, л. 12-12 об.). Школа просуществовала до 1898 и выпустила около 1200 мастеров молочного хозяйства.

Со второй половины 1860-х тема артельных сыроварен, своевременности их создания и пользы для крестьян являлась предметом дискуссий между В., которого поддерживал Д.И. Менделеев, и теоретиком и практиком агрономии А.Н. Энгельгардтом, который считал, что создание артельных сыроварен в условиях пореформенной деревни нецелесообразно, так как молока крестьянам не хватает даже для собственных нужд (*Энгельгардт А.Н. Артельные сыроварни // ОЗ, 1872, № 2, отд. 2, с. 135-151*).

Эта полемика нашла отражение в очерке С. «Охранители» (1874, цикл «Благонамеренные речи») в диалоге либерального земского деятеля, сторонника артельных сыроварен («Вы <...> в недоимки по ушам влезли; устройте артели, варите сыры – и недоимкам вашим конец») и их противника – крестьянина Прохорова («Хорошо бы это, только как же тут быть! теперича у нас молоко-то робята хлебуют, а тогда оно, значит, на недоимки пойдет?..») – 11, с. 62). С. показывает спорность позиции либерала, который не

принимает во внимание насущных нужд крестьянина; защищая сыроварение, он в качестве решающего приводит абстрактно-идеологический аргумент: «...своевременная уплата повинностей есть первый признак человека, созревшего для свободы» (11, с. 62). Довод по видимости либеральный, по сути же охранительный. В свою очередь носитель откровенно охранительной идеологии, исправник Колотов, причисляет артельное сыроварение к деяниям, расшатывающим основы государства: «...у нас нынче смутное время стоит. Суды оправдывают лиц, нагрубивших кварталным надзирателям, земства разговаривают об учительских семинариях, об артелях, о сыроварении» (11, с. 49-50). Та же мысль в заостренной форме звучит в «Современной идиллии»: «Черт знает на что похоже! – ропшет землевладелец из-под Мологи, – сыроварню хотел устроить – говорят: социалист!» (15-1, с. 214). Писатель показывает неоправданность и нелепость расширяющихся репрессий со стороны властей, которые даже в усовершенствовании хозяйственной жизни деревни видят революционную пропаганду.

С помощью «молочницы – ученицы Верещагина» (16-2, с. 68) безуспешно пытается усовершенствовать свое хозяйство помещик средней руки (очерк «Помещик», 1886, цикл «Мелочи жизни»). С. считает, что при существующем охранительном порядке преобразование отдельных сторон жизни русской деревни не может улучшить состояние ни крестьянских, ни мелких и средних помещичьих хозяйств.

Предметом критики С. стал антинигилистический роман Н. Витняка (наст. имя – И.Д. Кошкар) «Русские демократы» (СПб., 1871), на страницах которого разворачивается «сыроварная драма» героя, решившего поднять производительность крестьянского хозяйства. «Ремесло сыроварения тоже может быть источником и радостей и бед. Удачный выход сыра – и человек счастлив, неудачный – и человек погиб» (9, с. 421) – иронически пишет С., показывая узость материала и поверхностность проблематики романа. Подобно этому, в «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872) он критикует присущие современной литературе «пенкоснимательские» установки: «Банки, ссудо-сберегательные кассы, артельные сыроварни... <...> Только, брат, расплываться не надо – вот что! <...> ежели взялся писать о

ссудо-сберегательных кассах – об них и пиши! Чтоб ни о социализме, ни об интернационалке... упаси бог!» (10, с. 387). По мысли С., литература должна «захватывать вширь» (10, с. 394) и подниматься до серьезных обобщений и выводов. Он призывает за единичными «отрадными фактами», вроде того что «крестьянин Семен Никифоров, увлеченный артельными сыроварнями, приобрел две новые коровы» (10, с. 346), не терять из виду общей безотрадной картины жизни пореформенной деревни.

Литература

Очерк деятельности Тверского губернского земства по содействию развитию экономического благосостояния населения. 1866–1903 гг. – М., 1904. – 97 с.; *Поведская И.Н.* Н.В. Верещагин (1839–1907) // Тверские памятные даты на 2009 год. – Тверь, 2009. – С. 168–170; *Тихонова А.В.* О крестьянских артельных сыроварнях в России: спор А.Н. Энгельгардта с Н.В. Верещагиным 1879-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 12 (26): ч. III. – С. 190–195.

Г.В. Маркелова, И.Н. Поведская

Гурко Иосиф Владимирович (16.07.1828, Новгород – 15.01.1901, с. Сахарово Тверского у.), государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1894). После начала русско-турецкой войны 1877–78 получил назначение на Балканы. Под его командованием были освобождены болгарские города София, Велико-Тырново, Пловдив, Адрианополь, Казанлык, взята Шипка, занято местечко Сан-Стефано, где подписан мирный договор. Национальный герой Болгарии. В 1879–80 Г. – помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, временный петербургский (1879–80) и одесский (1882–83) генерал-губернатор, командующий войсками Варшавского военного округа и генерал-губернатор Привисленского края (1883–94); член Государственного совета (1884), фельдмаршал (1893).

Свое отношение к настроениям российского общества по поводу «славянского вопроса» и войны за освобождение славян С.

ссудо-сберегательных кассах – об них и пиши! Чтоб ни о социализме, ни об интернационалке... упаси бог!» (10, с. 387). По мысли С., литература должна «захватывать вширь» (10, с. 394) и подниматься до серьезных обобщений и выводов. Он призывает за единичными «отрадными фактами», вроде того что «крестьянин Семен Никифоров, увлеченный артельными сыроварнями, приобрел две новые коровы» (10, с. 346), не терять из виду общей безотрадной картины жизни пореформенной деревни.

Литература

Очерк деятельности Тверского губернского земства по содействию развитию экономического благосостояния населения. 1866–1903 гг. – М., 1904. – 97 с.; *Поведская И.Н.* Н.В. Верещагин (1839–1907) // Тверские памятные даты на 2009 год. – Тверь, 2009. – С. 168–170; *Тихонова А.В.* О крестьянских артельных сыроварнях в России: спор А.Н. Энгельгардта с Н.В. Верещагиным 1879-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 12 (26): ч. III. – С. 190–195.

Г.В. Маркелова, И.Н. Поведская

Гурко Иосиф Владимирович (16.07.1828, Новгород – 15.01.1901, с. Сахарово Тверского у.), государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1894). После начала русско-турецкой войны 1877–78 получил назначение на Балканы. Под его командованием были освобождены болгарские города София, Велико-Тырново, Пловдив, Адрианополь, Казанлык, взята Шипка, занято местечко Сан-Стефано, где подписан мирный договор. Национальный герой Болгарии. В 1879–80 Г. – помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, временный петербургский (1879–80) и одесский (1882–83) генерал-губернатор, командующий войсками Варшавского военного округа и генерал-губернатор Привисленского края (1883–94); член Государственного совета (1884), фельдмаршал (1893).

Свое отношение к настроениям российского общества по поводу «славянского вопроса» и войны за освобождение славян С.

выразил в цикле «Отголоски» (очерки «День прошел – и слава богу!», «На досуге», «Тряпичкины-очевидцы», 1876–77). Он был далек от патриотических восторгов по поводу этой войны и скептически оценивал проявления «русско-культурного патриотизма» (12, с. 148). Авторская ирония прочитывается в реплике не доехавшего до театра военных действий «нашего дунайского корреспондента» Подхалимова 1-го: «Ура генералу Гурко!» (12, с. 237). Некоторые факты биографии Г. могли послужить материалом для создания сатирического образа странствующего полководца Редеди в «Современной идиллии» (1877–83. – 15-1, с. 350).

Как временный генерал-губернатор Петербурга Г. упоминается в письмах С.: «незабвенные Гуркины времена» (Н.А. Белоголовому, 19 ноября 1881. – 19-2, с. 60). Располагая правом приостанавливать или запрещать периодические издания, Г. в 1879 потребовал от Главного управления по делам печати подготовить доклад об ОЗ (*Макашин*, 1989, с. 294), но, по словам С., разговор о журнале велся только «в канцелярии, так что и Гурко об этом не было доложено» (А.А. Краевскому, между 7 апреля 1879 и 17 февраля 1880. – 19-1, с. 133). Должность временного генерал-губернатора, учрежденная указом от 5 апреля 1879 для борьбы с деятельностью террористов-народовольцев, сосредотачивала в одних руках всю военную, административную и полицейскую власть. Г. не удалось отклонить предложение царя принять это назначение, которое он сам и его родные «воспринимали как тяжкий крест» (*Строганова*, 2009, с. 129). Хотя Г. проводил «умеренно жесткую политику» (*Гвоздев*, 2009, с. 126), С. резко оценивал его деятельность как охранительную. Откликаясь на смерть М.Т. Лорис-Меликова, С. писал, что он избавил Россию «от тех несносных, загадочных шепотов, которыми наполнили ее Муравьевы, Гурки, Маковы и проч.» (Н.А. Белоголовому, 15 декабря 1888. – 20, с. 451).

Литература

Гурко Д.И. Воспоминания генерала // Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. – М., 2002. – С. 172-447; *Салиас де Турнемир*

Е.В. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. / Предисл., примеч. Н.Н. Воробьевой. – Харьков, 2012. – 159 с.

Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. – М., 1989. – 527 с.; Гвоздев М.Г. «Красный террор» против Санкт-Петербургского временного военного генерал-губернатора И.В. Гурко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов, 2009. Вып. 1(25). – С. 124-126; Строганова Е. Генерал И.В. Гурко глазами современников (по письмам Е.В. Салиаса де Турнемира) // Асоба і час. Беларускі біяграфічны альманах. Выпуск 1. – Минск, 2009.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1893. Т. 9А (18). – С. 913; Военная энциклопедия. – СПб., 1912. Т. 8. – С. 542-545.

И.Н. Поведская

Дараган Анна Михайловна (урожд. Балугьянская, 23.02.1806, Петербург –11.08.1877, Вильна), детская писательница, педагог; начальница московского Елизаветинского училища (1849), Николаевского сиротского ин-та в Петербурге (1850–1856), попечительница сиротского приюта в Туле (1857) (Безносков, 1992, с. 86-87). Ее книги имели обучающий и нравственно-назидательный характер. Азбуку «Елка» Д. (1846) В.Г. Белинский назвал «решительно первой хорошей книгой в этом роде», предсказав автору «почетное имя между всеми писателями для детей» (*Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. – М., 1955. Т. IX. – С. 419). Благоприятные отзывы получили и «Чтения для детей из Священной Истории» (1848). Д. была первой пропагандисткой в России идей немецкого педагога, теоретика дошкольного воспитания Ф. Фребеля.

С. упоминал имя Д. в литературно-критических статьях 1863 («Несколько полемических предположений: из письма в редакцию», «Наша общественная жизнь: <I. Январь – февраль 1863 года>») в уничижительном смысле, относя ее деятельность к разряду «воробьиной»: «Я, собственно, ничего об г. Юхманове не знаю, а потому ничего об его воробьиной деятельности и не думаю. Но знаю, что если б я только имел счастье состоять хоть чем-нибудь в редакции “Современника”, то, не желая, чтоб имя г. Юхманова пользовалось

Е.В. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. / Предисл., примеч. Н.Н. Воробьевой. – Харьков, 2012. – 159 с.

Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. – М., 1989. – 527 с.; Гвоздев М.Г. «Красный террор» против Санкт-Петербургского временного военного генерал-губернатора И.В. Гурко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов, 2009. Вып. 1(25). – С. 124-126; Строганова Е. Генерал И.В. Гурко глазами современников (по письмам Е.В. Салиаса де Турнемира) // Асоба і час. Беларускі біяграфічны альманах. Выпуск 1. – Минск, 2009.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1893. Т. 9А (18). – С. 913; Военная энциклопедия. – СПб., 1912. Т. 8. – С. 542-545.

И.Н. Поведская

Дараган Анна Михайловна (урожд. Балугьянская, 23.02.1806, Петербург –11.08.1877, Вильна), детская писательница, педагог; начальница московского Елизаветинского училища (1849), Николаевского сиротского ин-та в Петербурге (1850–1856), попечительница сиротского приюта в Туле (1857) (Безносков, 1992, с. 86-87). Ее книги имели обучающий и нравственно-назидательный характер. Азбуку «Елка» Д. (1846) В.Г. Белинский назвал «решительно первой хорошей книгой в этом роде», предсказав автору «почетное имя между всеми писателями для детей» (*Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. – М., 1955. Т. IX. – С. 419). Благоприятные отзывы получили и «Чтения для детей из Священной Истории» (1848). Д. была первой пропагандисткой в России идей немецкого педагога, теоретика дошкольного воспитания Ф. Фребеля.

С. упоминал имя Д. в литературно-критических статьях 1863 («Несколько полемических предположений: из письма в редакцию», «Наша общественная жизнь: <I. Январь – февраль 1863 года>») в уничижительном смысле, относя ее деятельность к разряду «воробьиной»: «Я, собственно, ничего об г. Юхманове не знаю, а потому ничего об его воробьиной деятельности и не думаю. Но знаю, что если б я только имел счастье состоять хоть чем-нибудь в редакции “Современника”, то, не желая, чтоб имя г. Юхманова пользовалось

известностью, стал бы называть его то Аскоченским, то Павловым, то Громекою, то Анною Дараган, ибо это решительно одно и то же» (5, с. 270). С точки зрения С., Д. была типичной представительницей литературы, ориентированной на интеллектуально неразвитых юных читателей: «...по временам я должен принимать торжественный тон и возвышаться до гражданской скорби. Например, я встречаю в обществе очень молоденькую и миленькую девицу, до того молоденькую, что еще вчера родители выводили ее в панталонцах; мы начинаем разговаривать; я, натурально, спрашиваю ее, читала ли она произведение Анны Дараган и как оно ей понравилось; она, напротив того, отвечает мне, что недавно вышло в переводе новое сочинение Шлейдена и что Тургенев, написавши “Отцов и детей”, тем самым доказал, что он ретроград. Мне делается весело. “Какой милый пузырь! – думаю я, – и как ведь все это бойко... ах, черт побери! ах, черт тебя побери!” Но увы! веселость моя неуместна!» (6, с. 9). Под «произведением» Д., вероятно, подразумевается дважды вышедшая в 1862 под разными названиями книга о методе Фребеля.

В указателях личных имен к собранию сочинений С. девичья фамилия Д. указана неточно – Балутьянская (5, с. 686; 6, с. 721).

Литература

Дараган А.М. Елка. Подарок на Рождество: азбука с примерами постепенного чтения. – СПб., 1845. Ч. 1; *Она же.* Елка. Осемнадцать уроков постепенного чтения для начинающих. – СПб., 1846. Ч. 2 (14-е изд. 1907); *Она же.* Метода Фребеля. Игры и занятия, развивающие духовные и физические силы детей от 4 до 10 лет. – СПб., 1862; *Она же.* Руководство к детским садам по методу Фребеля. – СПб., 1862.

Белова А.В. Репрезентация мира детства в женской дворянской поэзии и детские писательницы первой половины XIX века // Мир детства и литература: Сб. ст. и мат.-лов. – Тверь, 2008. – С. 57-65; *Она же.* «Женское детство» в дворянской культуре XVIII – середины XIX века // Социальная история. Ежегодник. 2008. – СПб., 2009. – С. 23-46.

Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии: В 12 т. Репринт. изд. – М., 1993. Т. 4. – С. 544; *Безносов Э.Л.* Дараган // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г – К /

Гл. ред. П.А. Николаев. – М., 1992. – С. 86-87.

А.В. Белова

Дмитриева Валентина Ивовна (28.04.1859/1860, с. Воронино, Балашовского у., Саратовской губ. – 18.02.1947, Сочи) – писательница (псевд.: *Вольный Иван*, *о. Новокрещенский Иоанн*), печаталась в РМ, РБ, ВЕ и др. Активная участница народнического движения, идеи которого выражала в своих произведениях («Тюрьма», 1887, «Доброволец», 1889, «Тучки», 1904 и др.). Особую популярность получила как детская писательница («Митюха-учитель», 1896, «Малыш и Жучка», 1896, «Больничный сторож Хвеська», 1900 и др.).

Д. познакомилась с творчеством С. в отрочестве и признавала «революционизирующее влияние» его произведений. О своем впечатлении от «Губернских очерков» писала: «...нигде <...> русская действительность, русская правда жизни не была так ослепительно ярко освещена, как у Щедрина. Мало сказать – ярко; нет, – грубо-обнажённо, злыми, въедчивыми, неизгладимыми мазками изображены все язвы, все гнойники, которыми тяжко больна наша бедная страна» (ЛН, с. 478). В гимназические годы читала произведения С. и в подражание ему написала «нечто вроде сатиры» на Тамбовскую женскую гимназию – «Драма в Помойноямске» (Дмитриева, 1930, с. 97-98). О значении С. для Д. говорит и тот факт, что, находясь в ссылке в Твери, стены своей комнаты она украсила портретами С. и Н.Г. Чернышевского (Дмитриева, 1930, с. 260). Высоко оценивала общественное значение С.: «Пусть он был не революционер, а либеральный интеллигент; для меня все-таки он навсегда остался Н. Щедриным, автором “Губернских очерков”, в своей горькой и жгучей сатире показавшим всему миру отчаяние и зло русской жизни» (ЛН, с. 479). В текстах Д. не раз встречаются щедринские неологизмы и обороты речи: говоря о страхе русского обывателя перед полицией, писала, что «вид полицейского жгута всегда приводит его в то состояние, которое Щедрин называл “трепетом”» (Червонный хутор // ВЕ, 1900, кн. 6, с. 456); свое жилище в годы тверской ссылки (1887–91) называла «заволжское Монрепо», газету НВ именвала «Пенкоснимательницей», а недобросовестных журналистов «тряпичкиными-очевидцами» (Дмитриева, 1930. с. 256, 321, 67);

Гл. ред. П.А. Николаев. – М., 1992. – С. 86-87.

А.В. Белова

Дмитриева Валентина Иововна (28.04.1859/1860, с. Воронино, Балашовского у., Саратовской губ. – 18.02.1947, Сочи) – писательница (псевд.: *Вольный Иван*, *о. Новокрещенский Иоанн*), печаталась в РМ, РБ, ВЕ и др. Активная участница народнического движения, идеи которого выражала в своих произведениях («Тюрьма», 1887, «Доброволец», 1889, «Тучки», 1904 и др.). Особую популярность получила как детская писательница («Митюха-учитель», 1896, «Малыш и Жучка», 1896, «Больничный сторож Хвеська», 1900 и др.).

Д. познакомилась с творчеством С. в отрочестве и признавала «революционизирующее влияние» его произведений. О своем впечатлении от «Губернских очерков» писала: «...нигде <...> русская действительность, русская правда жизни не была так ослепительно ярко освещена, как у Щедрина. Мало сказать – ярко; нет, – грубо-обнажённо, злыми, въедчивыми, неизгладимыми мазками изображены все язвы, все гнойники, которыми тяжко больна наша бедная страна» (ЛН, с. 478). В гимназические годы читала произведения С. и в подражание ему написала «нечто вроде сатиры» на Тамбовскую женскую гимназию – «Драма в Помойноямске» (Дмитриева, 1930, с. 97-98). О значении С. для Д. говорит и тот факт, что, находясь в ссылке в Твери, стены своей комнаты она украсила портретами С. и Н.Г. Чернышевского (Дмитриева, 1930, с. 260). Высоко оценивала общественное значение С.: «Пусть он был не революционер, а либеральный интеллигент; для меня все-таки он навсегда остался Н. Щедриным, автором “Губернских очерков”, в своей горькой и жгучей сатире показавшим всему миру отчаяние и зло русской жизни» (ЛН, с. 479). В текстах Д. не раз встречаются щедринские неологизмы и обороты речи: говоря о страхе русского обывателя перед полицией, писала, что «вид полицейского жгута всегда приводит его в то состояние, которое Щедрин называл “трепетом”» (Червонный хутор // ВЕ, 1900, кн. 6, с. 456); свое жилище в годы тверской ссылки (1887–91) называла «заволжское Монрепо», газету НВ именвала «Пенкоснимательницей», а недобросовестных журналистов «тряпичкиными-очевидцами» (Дмитриева, 1930. с. 256, 321, 67);

также: «праздношатающиеся (Тюрьма // ВЕ. 1887, кн. 10, с. 519); «иудушки либерализма» (Тучки // Дмитриева В.И. Повести и рассказы. – М., 1976, с. 222) и др.

В воспоминаниях Д. описано появление С. на панихиде по Достоевскому. Сопутствовавший этому «изумленный и почтительный шепот» и внимание окружающих были неприятны С. Возмущенный настойчивостью некой дамы, пытавшейся уступить ему место, он «вскочил и начал проталкиваться к выходу, свирепо рыча: “Да что вы ко мне пристали, не хочу я сидеть... Черт знает, что такое, пристала!..”», а потом, «прижавшись в уголку», стоял на лестнице, ожидая удобной минуты, чтобы вернуться (Дмитриева, 1930, с. 184-186). Д. лично встречалась с С., когда приходила с просьбой о втором бесплатном экземпляре ОЗ для библиотеки женских врачебных курсов. Невнятно сформулировав проблему, Д. была смущена вопросами и тоном «сердитого сатирика» и, обиженная, ушла, не дождавшись конца разговора. Тем не менее, вопрос о втором бесплатном экземпляре был решен положительно (Дмитриева, 1930, с. 187-188).

Живя в Твери, встречала брата С. Илью Евграфовича и находила, что он «поражал своим сходством с знаменитым сатириком» (Дмитриева, 1930, с. 261).

Литература

Дмитриева В.И. Автобиографический очерк // Сборник на помощь учащимся женщинам. – М., 1901. – С. 191-193; Дмитриева В.И. Так было. (Путь моей жизни). – М.; Л., 1930. – 487 с.; Дмитриева В.И. О Щедрина. Ответ на анкету // Литературное наследство. – М., 1933. Т. 11–12. – С. 477-479. Ласунский О.Г. Творчество писательницы В.И. Дмитриевой и литературное движение конца XIX – начала XX в.: Дис... канд. ист. наук. – Воронеж, 1967. Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: В 5 т. – М., 1934. Т. 3. Вып. II. – Стб. 1184–1186; Азарова Н.И., Овчарова П.И. Дмитриева // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г – К / Гл. ред. П.А. Николаев. – М., 1992. – С. 129-131.

Е.Н. Строганова, А.С. Демидова

Лафайет Мари-Жозеф Жильбер дю Мотье, маркиз де (Marie-Joseph Paul Yves Roch Gilbert du Motier, marquis de La Fayette; 6.09.1757, замок Шаваньяк, Овернь – 20.05.1834, Париж) – один из богатейших аристократов Франции Старого режима, прославился участием в Американской революции (1777–79; 1780–81) под руководством генерала Вашингтона. Симпатизировал третьему сословию, в ходе Французской революции после взятия Бастилии стал первым начальником Национальной гвардии; после провозглашения республики бежал к австрийцам, был заточен в Ольмюцскую крепость (1792–97). Возобновил политическую деятельность при Реставрации; во время революции 1830 как самый популярный человек Франции вновь возглавил Национальную гвардию. В 1837–38 были опубликованы мемуары и переписка Л.; перипетии биографии Л. и членов его семьи воссозданы в многочисленных трудах историков и романистов.

С. использует имя Л. как обобщенный символ вольнодумства и осознанной гражданской позиции, но оно имеет разные смысловые оттенки в речи автора и персонажей. В очерке «К читателю» (1862, сборник «Сатиры в прозе»), С. высмеивает «путаницу понятий и представлений», возникшую после отмены крепостного права, когда понятие *либерализм* стало расхожей монетой, все вдруг сделались «либералами всевозможных шерстей, и только слишком чуткое и привычное ухо за шумихою пустозвонных фраз может подметить старинную заскорузлость воззрений» (3, с. 260). Это происходит и на литературной ниве, которая «сделалась простым выгоном, на котором властительно выступают Ноздревы, Чертопхановы и Пеночкины! Ноздрев! ты ли это, mon cher? Если это ты, то почему ты смотришь таким Лафайетом? <...> Или, по местным обстоятельствам, тебе выгоднее быть Лафайетом, нежели прежним сорвиголовой Ноздревым?» (3, с. 272). Ноздревские замашки современной русской литературы – это оценка степени ее падения; Ноздрев, разыгрывающий Лафайета, идейного борца за свободу, – гротесковый образ, свидетельствующий о недоверии Салтыкова к возможности органического усвоения либеральной идеологии в России.

В речах персонажей имя Л. приобретает негативное значение. В очерке «Наш губернский день» (1862–63) оно упоминается в эпизоде

неудачной попытки губернатора примирить глав двух враждующих губернских партий – ретроградов и либералов, или «ретроградской либералии и либеральной ретроградии», поскольку разницу между ними «понять очень трудно» (3, с. 416-417). Обиженный предводитель ретроградов так описывает эту сцену: «Вообразите: ведь он выдумал сводить меня с нашим доморощенным Лафайетом... да ведь так и толкает, так и толкает! А тут ему сдуру Лампадников взялся помогать: тот Лафайета на меня толкает – чуть было носы нам не разбили!» (3, с. 419) – имя Л. превращается в презрительную кличку либерала. В очерке «Переписка» (1873, цикл «Благонамеренные речи») маменька, рекомендуя сыну-прокурору «не оправдывать, а обвинять <...> дабы хотя этим постигшую нас волю несколько остепенить» (11, с. 76), ссылается на своего брата: «Был наш Григорий Иванович волтерьянец, и Лафайет с языка у него не сходил, а теперь лежит разбитый параличом да “все упование на тя возлагаю” шепчет!» (11, с. 76). Упоминание рядом Вольтера и Лафайета свидетельствует о том, что для бывшей институтки они слабо различимы, и в контексте обращения больного к религии оба имени фигурируют как примеры «кошунства», вольнодумства в самом широком смысле, безотносительно к истинным взглядам обоих французов на религию и политику.

Литература

Черкасов П.П. Лафайет: Политическая биография. – М., 1990. – 376 с.; *Моруа А.* Адриенна, или жизнь госпожи де Лафайет. – М., 2011. – 448 с.; *Unger Harlow Giles.* Lafayette. – Hoboken, N.J., 2002.

И.В. Кабанова

Оболенский Леонид Егорович (9.03.1845, г. Малоархангельск Орловской губ. – 23.09.1906, Петербург), литературный критик, прозаик, публицист, поэт, переводчик, мемуарист, редактор, философ (псевд.: *Созерцатель*, *М. И. Красов*, *М. Красов*, *М. Кр-в*, *Л. О.*, *Н. Н.* и др.). Учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, затем вольнослушатель юридического факультета Московского университета. Тогда же сблизился с народническим кружком Н.А. Ишутина, был арестован по делу Д.В. Каракозова (1866), до 1878

неудачной попытки губернатора примирить глав двух враждующих губернских партий – ретроградов и либералов, или «ретроградской либералии и либеральной ретроградии», поскольку разницу между ними «понять очень трудно» (3, с. 416-417). Обиженный предводитель ретроградов так описывает эту сцену: «Вообразите: ведь он выдумал сводить меня с нашим доморощенным Лафайетом... да ведь так и толкает, так и толкает! А тут ему сдуру Лампадников взялся помогать: тот Лафайета на меня толкает – чуть было носы нам не разбили!» (3, с. 419) – имя Л. превращается в презрительную кличку либерала. В очерке «Переписка» (1873, цикл «Благонамеренные речи») маменька, рекомендуя сыну-прокурору «не оправдывать, а обвинять <...> дабы хотя этим постигшую нас волю несколько остепенить» (11, с. 76), ссылается на своего брата: «Был наш Григорий Иванович волтерьянец, и Лафайет с языка у него не сходил, а теперь лежит разбитый параличом да “все упование на тя возлагаю” шепчет!» (11, с. 76). Упоминание рядом Вольтера и Лафайета свидетельствует о том, что для бывшей институтки они слабо различимы, и в контексте обращения больного к религии оба имени фигурируют как примеры «кошунства», вольнодумства в самом широком смысле, безотносительно к истинным взглядам обоих французов на религию и политику.

Литература

Черкасов П.П. Лафайет: Политическая биография. – М., 1990. – 376 с.; *Моруа А.* Адриенна, или жизнь госпожи де Лафайет. – М., 2011. – 448 с.; *Unger Harlow Giles.* Lafayette. – Hoboken, N.J., 2002.

И.В. Кабанова

Оболенский Леонид Егорович (9.03.1845, г. Малоархангельск Орловской губ. – 23.09.1906, Петербург), литературный критик, прозаик, публицист, поэт, переводчик, мемуарист, редактор, философ (псевд.: *Созерцатель*, *М. И. Красов*, *М. Красов*, *М. Кр-в*, *Л. О.*, *Н. Н.* и др.). Учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, затем вольнослушатель юридического факультета Московского университета. Тогда же сблизился с народническим кружком Н.А. Ишутина, был арестован по делу Д.В. Каракозова (1866), до 1878

находился в ссылке под надзором полиции. На литературное поприще вступил в 1870. Автор более полутора тысяч публикаций в «Деле», «Орловском вестнике», «Русской газете», «Новостях и биржевой газете», РМ, «Неделе», «Одесских новостях», ЖО, ИВ, СО, ВЕ, РВед., «Свете», «Мысли», РБ и мн. др. Отдельными изданиями выходили его стихотворения, повести, рассказы и романы, литературно-критические и научно-популярные работы.

Знакомство О. с С. произошло в конце 1870-х. С. пригласил О. к себе домой для беседы о его драме в стихах «из времен крепостного права»: «Когда он усадил меня около стола и стал расспрашивать, я едва мог говорить от волнения. Но я был окончательно уничтожен его добротой и любезностью, когда в передней, провожая меня, вследствие того, что горничная где-то замешкалась, он сам (сам!) помог мне надеть пальто!» (*Оболенский Л.Е.*, с. 135). Второй раз они встретились случайно в приемной Главного управления по делам печати: «И вот, не видев меня несколько лет, он сразу узнал меня, хотя я должен был значительно перемениться. Да и видел он меня раньше лишь несколько минут <...> На меня и в этот раз он произвел впечатление человека необыкновенно простого, полного внутреннего величия и мощи, большой сердечности и даже ласковости, рвущейся через оболочку грубости и лаконичности, как результата мучительной болезни. Ещё раз, и последний, я видел его в гробу» (*Оболенский Л.Е.*, с. 136).

В 1879–89 О. неоднократно по разным поводам обращался к творчеству С. В своей первой статье (*N.N.* Сатиры Щедрина). О. называет такие приметы дарования С., как «глубочайший психологический анализ <...> более высокий, чем даже несколько фантастический и произвольный анализ Достоевского», и «временами сверкающая глубина сатирического драматизма, заставляющая нас содрогаться и плакать» (*N.N.*, с. 351). О природе щедринского юмора О. писал: «Публика любит веселое, а «смеяться» сатирик также изредка умеет, хотя смеется довольно тяжеловесно и едва ли ненасильственно. Мы готовы думать, что ему по большей части не до смеха и его смех заставляет нередко закипать желчь» (*N.N.*, с. 352). О. видел в С. «могучего, высокоталантливого художника». Эта мысль

стала лейтмотивом статьи и во многом послужило отправной точкой для последующих высказываний о писателе.

В статьях «Беллетристика в журналах 1880 г.» и «Обзор руководящих идей нашей печати в 1881 году» О. несправедливо отказывал С. в понимании русского народа, утверждая, что щедринская сатира «является сатирой не только безвредной для Колупаевых, но и в высшей степени полезной для них» (*Л.О. Обзор...*, с. 118). В дальнейшем О. отказался от слишком категоричных и односторонних суждений по вопросу об отношении С. к народу. Произведения 1880-х он иногда оценивал как шаг назад по сравнению с предшествующими, однако неизменно признавал главенствующее положение С. в литературе. Отказавшись от анализа произведений писателя и используя их в качестве иллюстраций к своим теоретическим раздумьям, О. сделал ряд интересных наблюдений, касающихся творческого метода С. и особенностей его персонажей (*Оболенский Л.*, с. 528–583).

Размышления О. о творчестве С. получили законченное выражение в итоговой статье «Сатиры Щедрина», перекликавшейся с первой статьей. О. возвратился к прежним вопросам, умышленно заострив на них внимание, но если в 1879 его раздумья о сатире С. в основном иллюстрировали теоретическую часть, то статья 1889 целиком была посвящена анализу произведений писателя. Ведущее место отводилось темам «Щедрин и народ» и «Щедрин и Россия», в свете которых были представлены идеалы С. «Основную подкладку» творчества С., по словам О., составляла «беспредельная любовь к России, такая любовь, что человек не в силах был вообразить себя не в России и ежеминутно думал и тосковал о ней даже в самых благолепных странах Запада» (*Созерцатель*, с. 186). О. собирался посвятить специальную работу «Господам Головлевым» и другим произведениям С. (*Л.О. Сочинения...*, с. 244), но не выполнил этого намерения.

Литература

Н.Н. Сатиры Щедрина. (Критический этюд) / Л.Е. Оболенский // Свет. – 1879. – № 11; Б. п. Беллетристика в журналах 1880 г. / Л.Е. Оболенский // Мысль. – 1880. – № 11; Л.О. Обзор руководящих идей

нашей печати в 1881 году. (Общественно-критический этюд) / Л.Е. Оболенский // Мысль. – 1882. – № 1; *Б.п.* Новости печати. Литературные новости: (Новая сатира Щедрина; «Всходы», повесть М. Белинского) / Л.Е. Оболенский // Мысль. – 1882. – № 4; *Оболенский Л.* Искусство и тенденциозность. Опыт научной постановки воззрений на искусство / Л.Е. Оболенский // РБ. – 1883. – № 5–6; *Созерцатель.* Обо всем. Литературные заметки / Л.Е. Оболенский // РБ. – 1884. – № 11; *Созерцатель.* Сатиры Щедрина. (Критический этюд) / Л.Е. Оболенский // РБ. – 1889. – № 5–6; *Л. О.* Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Том пятый. Господа Головлевы. – Благонамеренные речи. С.-Петербург, 1889 г. (623 стр.) / Л.Е. Оболенский // РБ. – 1889. – № 9; *Оболенский Л.Е.* Литературные воспоминания и характеристики (1854–1892 г.) // ИВ. – 1902. Т. LXXXVII. – № 1 (перепеч.: М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1975).

Сизов П. Орловский корреспондент М.Е. Салтыкова-Щедрина // Орловская правда. 1976. 7 февраля; *Книгин И.А.* Щедрин в оценке Л.Е. Оболенского // «Шестидесятые годы» в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Сб. науч. трудов. – Калинин, 1985; *Книгин И.А.* Сатира Салтыкова-Щедрина в критических откликах Л.Е. Оболенского // Салтыков-Щедрин и русская литература / Отв. ред. В.Н. Баскаков, В.В. Прозоров. – Л., 1991; *Книгин И.А.* Леонид Егорович Оболенский – литературный критик. – Саратов, 1992. – 103 с.

Есин Б.И. Оболенский // Русские писатели. XIX век. Биобиблиографич. словарь: В 2 ч. Ч. 2. М – Я / Под ред. П.А. Николаева. – М., 1996. – С. 88-90; *Книгин И.А., при участии П.И. Овчаровой.* Оболенский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М – П / Гл. ред. П.А. Николаев. – М., 1999. – С. 376-378.

И.А. Книгин

Парфений, инок (в миру Петр Агеев, 14.11.1806, Яссы, Молдавское княжество – 17.05.1878, Троице-Сергиевая лавра, Сергиев посад) — схиигумен, писатель; воспитывался старообрядцами, с детства проявил склонность к монашеской жизни и уединению (*Парфений*, 2009, с. 42–43), в 33-хлетнем возрасте оставил раскол,

нашей печати в 1881 году. (Общественно-критический этюд) / Л.Е. Оболенский // Мысль. – 1882. – № 1; *Б.п.* Новости печати. Литературные новости: (Новая сатира Щедрина; «Всходы», повесть М. Белинского) / Л.Е. Оболенский // Мысль. – 1882. – № 4; *Оболенский Л.* Искусство и тенденциозность. Опыт научной постановки воззрений на искусство / Л.Е. Оболенский // РБ. – 1883. – № 5–6; *Созерцатель.* Обо всем. Литературные заметки / Л.Е. Оболенский // РБ. – 1884. – № 11; *Созерцатель.* Сатиры Щедрина. (Критический этюд) / Л.Е. Оболенский // РБ. – 1889. – № 5–6; *Л. О.* Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Том пятый. Господа Головлевы. – Благонамеренные речи. С.-Петербург, 1889 г. (623 стр.) / Л.Е. Оболенский // РБ. – 1889. – № 9; *Оболенский Л.Е.* Литературные воспоминания и характеристики (1854–1892 г.) // ИВ. – 1902. Т. LXXXVII. – № 1 (перепеч.: М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1975).

Сизов П. Орловский корреспондент М.Е. Салтыкова-Щедрина // Орловская правда. 1976. 7 февраля; *Книгин И.А.* Щедрин в оценке Л.Е. Оболенского // «Шестидесятые годы» в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Сб. науч. трудов. – Калинин, 1985; *Книгин И.А.* Сатира Салтыкова-Щедрина в критических откликах Л.Е. Оболенского // Салтыков-Щедрин и русская литература / Отв. ред. В.Н. Баскаков, В.В. Прозоров. – Л., 1991; *Книгин И.А.* Леонид Егорович Оболенский – литературный критик. – Саратов, 1992. – 103 с.

Есин Б.И. Оболенский // Русские писатели. XIX век. Биобиблиографич. словарь: В 2 ч. Ч. 2. М – Я / Под ред. П.А. Николаева. – М., 1996. – С. 88-90; *Книгин И.А., при участии П.И. Овчаровой.* Оболенский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М – П / Гл. ред. П.А. Николаев. – М., 1999. – С. 376-378.

И.А. Книгин

Парфений, инок (в миру Петр Агеев, 14.11.1806, Яссы, Молдавское княжество – 17.05.1878, Троице-Сергиевая лавра, Сергиев посад) — схиигумен, писатель; воспитывался старообрядцами, с детства проявил склонность к монашеской жизни и уединению (*Парфений*, 2009, с. 42–43), в 33-хлетнем возрасте оставил раскол,

перейдя в православие. Большая часть жизни П. прошла в странствиях и скитаниях, он посетил множество обителей и храмов центральной России, Молдавии, Болгарии, Турции и Палестины. Совершил паломничество на Афон (1839), где принял иноческий, а затем и схимнический постриг (1841). Согласно благословию духовника П. уехал в Сибирь, где написал «Сказание...» – книгу о своих странствиях и искании истины во Христе. Позже П. был настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни (1856–60), строителем и игуменом Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря (1858–72), последние годы провел в Троице-Сергиевой лавре. Разлука с Афоном оставалась для П. болью всей его жизни. П. писал обличительные сочинения, направленные против апологетики раскола, но в историю культуры вошел как автор «Сказания...», которое имело большой резонанс в русской литературе XIX в. Уникальность книги П. состояла в том, что автор создал ее против своей воли, исполняя послушание.

Книга П. стала поводом для творческих размышлений С. об общественном служении искусства, о пути исторического развития России, о крайнем аскетизме и истинном благочестии. С. пишет рецензию на «Сказание...» в первой половине 1857, во время работы над «Губернскими очерками». Статья предназначалась для БдЧ, но неизвестно, был ли он сам инициатором ее написания, либо получил предложение от редактора А.В. Дружинина (*Макашин*, с. 535). Текст при жизни С. не публиковался, рукопись считается незаконченной, но выглядит вполне завершенной (ИРЛИ, ф. 366, оп. 1, № 11). Имеются два слоя правки, которые позволяют говорить о двух редакциях. В первой редакции С. определил свой интерес к книге как этнографический (*Макашин*, с. 480). Но рецензия не вписывалась в рамки такого подхода, так как автор поднимал сложный вопрос о христианском делании как о «служении избранной идее» (5, с. 55), которое не противоречит жизни общества.

Отличительную особенность книги С. видел в том, что она делала читателя «как бы очевидцем и участником самых задушевных воззрений и отношений русского человека к его религиозным верованиям и убеждениям» (5, с. 35). Как читатель С. «с любовью и непрерывающимся интересом» следил за странствием автора, признавая «чарующее действие» искренности и

«действительной потребности духа» (5, с. 54-55), но подчеркивал, что стремление удалиться от мира «в тихие безмолвные пустыни» есть достояние «немногих избранных» (5, с. 53). С. считал современного человека неспособным к отшельнической жизни и находил для него «компромисс», при котором, «оставаясь в мире, среди его соблазнов и искушений», можно «совершенно удобно исполнить все обязанности, налагаемые христианским учением» (5, с. 58).

В рецензии С. выразил свое понимание раскола. Он считал, что аскетизм раскольников зиждется на древних представлениях о благочестии, которые свойственны духовным стихам и не имеют в современном мире положительного «значения и смысла». Лично сталкиваясь с «несомненными признаками разложения» старой веры, С. убедился в противообщественном характере раскола, зная, что «леса и пустыни скрывают нередко самые гнусные, самые безобразные преступления» (5, с. 67). Раскольническому фанатизму С. противопоставляет истинное христианское благочестие, запечатленное в книге П.

С. высоко ценил религиозные убеждения и писательский талант П., восторгался его личностью, «простотой и умеренностью» его повествовательной манеры. «Сказание...» несомненно повлияло на С. как автора «Губернских очерков». Текст очерка «Отставной солдат Пименов» свидетельствует о неоднократном обращении С. к сочинению П. Некоторые черты героя «Сказания» и подробности биографии П. послужили прототипической основой для создания образа Сатира-скитальца («Пошехонская старина»).

Литература

Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой горы Афонской: В 4 ч. – М., 1856; *Он же.* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: В 2 т. – М., 2008; *Он же.* Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне). – М., 2009.

Бузько Е.А. «Сказание» инок Парфения в литературном контексте XIX века. – М.: Индрик, 2014. – 282 с.; *Панин А.Н.* Благословенное странствие инок Парфения // *Парфений (Агеев), инок.* Странствия по Афону и Святой Земле. – М.: Индрик, 2008. – С. 197-238; *Макашин С.А.* (при участии П.Г. Рындзюнского). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инок Парфения. Примечания // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений. Т. 5. – С. 533-541.

Шешунова С.В. Парфений. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1999. Т.4. – С. 536-537.

ИРЛИ. Ф. 366. Оп. 1. № 11. Из архива М.М. Стасюлевича: «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инок Парфения. В 4 частях. Издание второе с исправлениями. Москва». — Рецензия. Черновая рукопись (незаконченная).

Е.А. Бузько

Плетнев Петр Александрович (1.09.1791, Теблеша Тверской губ. – 29.12.1865 / 10.01.1866, Париж), критик и поэт, ректор Петербургского университета (1840–61), академик (1841), издатель-редактор журнала *Совр.* (1838–46). Редактируя основанный А.С. Пушкиным *Совр.*, П. чувствовал себя обязанным найти ему преемника. Этому благоприятствовала атмосфера Императорского лицея, которую С. описывал неоднократно: «В то время Лицей был еще полон славой знаменитого воспитанника его, Пушкина, и потому в каждом почти курсе находился воспитанник, который мечтал сделаться наследником великого поэта» (17, с. 467). В 13-м курсе наследником Пушкина считался сам С. (17, с. 469).

П. обратил внимание на С., когда тот напечатал в БДЧ стихотворение «Лири», где говорилось, что у Г.Р. Державина и А.С. Пушкина в настоящее время нет достойного преемника (1841). П. «до того заинтересовался юным сотрудником, что приехал однажды на лицейский экзамен, но, по словам Салтыкова, не мог не составить о нем самого невыгодного впечатления, потому что сотрудник отвечал,

Бузько Е.А. «Сказание» инок Парфения в литературном контексте XIX века. – М.: Индрик, 2014. – 282 с.; Панин А.Н. Благословенное странствие инок Парфения // *Парфений (Агеев), инок. Странствия по Афону и Святой Земле.* – М.: Индрик, 2008. – С. 197-238; Макашин С.А. (при участии П.Г. Рындзюнского). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инок Парфения. Примечания // *Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. Т. 5.* – С. 533-541.

Шешунова С.В. Парфений. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1999. Т.4. – С. 536-537.

ИРЛИ. Ф. 366. Оп. 1. № 11. Из архива М.М. Стасюлевича: «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инок Парфения. В 4 частях. Издание второе с исправлениями. Москва». — Рецензия. Черновая рукопись (незаконченная).

Е.А. Бузько

Плетнев Петр Александрович (1.09.1791, Теблеша Тверской губ. – 29.12.1865 / 10.01.1866, Париж), критик и поэт, ректор Петербургского университета (1840–61), академик (1841), издатель-редактор журнала *Совр.* (1838–46). Редактируя основанный А.С. Пушкиным *Совр.*, П. чувствовал себя обязанным найти ему преемника. Этому благоприятствовала атмосфера Императорского лицея, которую С. описывал неоднократно: «В то время Лицей был еще полон славой знаменитого воспитанника его, Пушкина, и потому в каждом почти курсе находился воспитанник, который мечтал сделаться наследником великого поэта» (17, с. 467). В 13-м курсе наследником Пушкина считался сам С. (17, с. 469).

П. обратил внимание на С., когда тот напечатал в БДЧ стихотворение «Лица», где говорилось, что у Г.Р. Державина и А.С. Пушкина в настоящее время нет достойного преемника (1841). П. «до того заинтересовался юным сотрудником, что приехал однажды на лицейский экзамен, но, по словам Салтыкова, не мог не составить о нем самого невыгодного впечатления, потому что сотрудник отвечал,

по обыкновению, далеко не блистательно, а скорее плоховато» (Белоголовый, 1975, с. 265). Своим поступком П. реализовал ту модель отношений, которая известна из биографии Пушкина: Державин на лицейском экзамене. Но рассказ С., переданный мемуаристом, снижает ситуацию: вместо восторга П. испытывает разочарование «плоховатыми» знаниями С. Однако в 1844–45 П. напечатал в Совр. 8 стихотворений С. с его полным именем: «Наш век» и «Весна (Из моих отрывков)», «Рыбачке (из Гейне)», «Зимняя элегия», «Вечер», «Музыка», два перевода с названием «Из Байрона» («Когда печаль моя, как мрачное виденье» и «Разбит мой талисман, исчезло упоенье!»). Впоследствии П. разочаровался в С. и по поводу стихотворения «Музыка» писал Д.И. Коптеву 28 августа 1845, что оно помещено «по необходимости или, лучше сказать, по удобству», поскольку оно «прекрасно наполняло» «праздные полосы» журнала (цит. по: 1, с. 446).

С. трижды упоминал П. как редактора «Современника», рассказывая о начале своей литературной деятельности (письма к М.М. Стасюлевичу, 7/19 октября 1881. – 19-2, с. 35; М.И. Семевскому, 1 февраля 1887. – 20, с. 314; С.А. Венгерову, 28 апреля 1887. – 17, с. 472).

Литература

Белоголовый Н.А. Из воспоминаний о М.Е. Салтыкове // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1975. Т. 2.

М.В. Строганов

Реуф-паша (даты жизни неизвестны) – турецкий государственный деятель, генерал. В октябре 1875 – январе 1876 был губернатором Боснии и Герцеговины, участвовал в подавлении Боснийско-герцеговинского восстания. В 1874–75 и в 1876 был наместником (вали) Крита, однако вскрылись многочисленные факты его злоупотребления властью. Во время русско-турецкой войны 1877–78 был военным министром, возглавлял оборону Балкан.

С. упоминает Р. в очерке «На досуге» (1877, цикл «В среде умеренности и аккуратности»): «ежедневно-либеральная» газета «Чего

по обыкновению, далеко не блистательно, а скорее плоховато» (Белоголовый, 1975, с. 265). Своим поступком П. реализовал ту модель отношений, которая известна из биографии Пушкина: Державин на лицейском экзамене. Но рассказ С., переданный мемуаристом, снижает ситуацию: вместо восторга П. испытывает разочарование «плоховатыми» знаниями С. Однако в 1844–45 П. напечатал в Совр. 8 стихотворений С. с его полным именем: «Наш век» и «Весна (Из моих отрывков)», «Рыбачке (из Гейне)», «Зимняя элегия», «Вечер», «Музыка», два перевода с названием «Из Байрона» («Когда печаль моя, как мрачное виденье» и «Разбит мой талисман, исчезло упоенье!»). Впоследствии П. разочаровался в С. и по поводу стихотворения «Музыка» писал Д.И. Коптеву 28 августа 1845, что оно помещено «по необходимости или, лучше сказать, по удобству», поскольку оно «прекрасно наполняло» «праздные полосы» журнала (цит. по: 1, с. 446).

С. трижды упоминал П. как редактора «Современника», рассказывая о начале своей литературной деятельности (письма к М.М. Стасюлевичу, 7/19 октября 1881. – 19-2, с. 35; М.И. Семевскому, 1 февраля 1887. – 20, с. 314; С.А. Венгерову, 28 апреля 1887. – 17, с. 472).

Литература

Белоголовый Н.А. Из воспоминаний о М.Е. Салтыкове // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1975. Т. 2.

М.В. Строганов

Реуф-паша (даты жизни неизвестны) – турецкий государственный деятель, генерал. В октябре 1875 – январе 1876 был губернатором Боснии и Герцеговины, участвовал в подавлении Боснийско-герцеговинского восстания. В 1874–75 и в 1876 был наместником (вали) Крита, однако вскрылись многочисленные факты его злоупотребления властью. Во время русско-турецкой войны 1877–78 был военным министром, возглавлял оборону Балкан.

С. упоминает Р. в очерке «На досуге» (1877, цикл «В среде умеренности и аккуратности»): «ежедневно-либеральная» газета «Чего

изволите?» сообщает о задержании «проходимца» Балалайкина, который сознался, что имел «тайное поручение» и шпионил в пользу Турции, – этим признанием он «сильно компрометировал Османа и Реуфа пашей» (12, с. 208-209). С. иронически оценивает тот факт, что вину за неудачные действия русских войск в июле–сентябре 1877 газеты приписывали внешним факторам – коварным действиям «пашей», тогда как причиной были серьезные ошибки русского командования. Особое внимание С. обращает на вред, который приносили совершаемые балалайкиными «промышленные злодейства» (12, с. 182) – поставки в действующую армию «толченого угля вместо пороха» (12, с. 206), «протухлой» кильки, подмоченной махорки, «гнилых сухарей». Автор устами Глумова заключает, что «государственная измена» балалайкиных в том и состоит, что в погоне за наживой они готовы «заодно с турками <...> русскую армию истребить!» (12, с. 203).

Литература

Поплыко Д.Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах // Балканские исследования. Вып. 3. – М., 1978; *Цехмистренко С.Я.* Революционные и реформистские тенденции в национально-освободительном движении на острове Крит в 1875–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 12. – М., 1994;

Русско-турецкие войны 17–19 вв. // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М., 1969. Т. 12.

Г.В. Маркелова

Ржевская Наталья Сергеевна, урожд. Фонвизина, во 2-м браке Гумилина (22.02.1826/1831, Москва – 1886, Рязань), московская и тверская помещица, композитор, одаренная певица. Дочь предводителя дворянства Клинского уезда, главы московской масонской ложи Ищущих манны Сергея Павловича Фонвизина и Варвары Александровны, урожд. Давыдовой; внучатая племянница драматурга Д.И. Фонвизина, племянница декабриста М.А. Фонвизина. Славилась не только своими музыкальными способностями, но и умом: «...подчас не останавливалась перед довольно рискованным

изволите?» сообщает о задержании «проходимца» Балалайкина, который сознался, что имел «тайное поручение» и шпионил в пользу Турции, – этим признанием он «сильно компрометировал Османа и Реуфа пашей» (12, с. 208-209). С. иронически оценивает тот факт, что вину за неудачные действия русских войск в июле–сентябре 1877 газеты приписывали внешним факторам – коварным действиям «пашей», тогда как причиной были серьезные ошибки русского командования. Особое внимание С. обращает на вред, который приносили совершаемые балалайкиными «промышленные злодейства» (12, с. 182) – поставки в действующую армию «толченого угля вместо пороха» (12, с. 206), «протухлой» кильки, подмоченной махорки, «гнилых сухарей». Автор устами Глумова заключает, что «государственная измена» балалайкиных в том и состоит, что в погоне за наживой они готовы «заодно с турками <...> русскую армию истребить!» (12, с. 203).

Литература

Поплыко Д.Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах // Балканские исследования. Вып. 3. – М., 1978; Цехмистренко С.Я. Революционные и реформистские тенденции в национально-освободительном движении на острове Крит в 1875–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 12. – М., 1994;

Русско-турецкие войны 17–19 вв. // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М., 1969. Т. 12.

Г.В. Маркелова

Ржевская Наталья Сергеевна, урожд. Фонвизина, во 2-м браке Гумилина (22.02.1826/1831, Москва – 1886, Рязань), московская и тверская помещица, композитор, одаренная певица. Дочь предводителя дворянства Клинского уезда, главы московской масонской ложи Ищущих манны Сергея Павловича Фонвизина и Варвары Александровны, урожд. Давыдовой; внучатая племянница драматурга Д.И. Фонвизина, племянница декабриста М.А. Фонвизина. Славилась не только своими музыкальными способностями, но и умом: «...подчас не останавливалась перед довольно рискованным

острым словом» (*Соколова*, с. 104). Автор более 17 романсов на стихи А.В. Кольцова, И.С. Никитина, Н.А. Некрасова и др. (нотные издания 1860–1880-х). Наибольшей популярностью пользовались романсы «Поймешь ли ты...», «Что ты, сердце, приуныло», «Не скажу я тебе...». В 1849 вышла замуж за Дмитрия Семеновича Ржевского, их дом был одним из культурных центров в Москве нач. 1850-х.

В 1854–60 Р. жила в Твери, куда был переведен ее муж. К этому времени относится знакомство с С., общение продолжилось в Рязани, где С. служил в 1867–68. В декабре 1861 он взял у Р. деньги в долг для покупки имения Витенево (18-1, с. 326), что говорит о доверительных отношениях между ними. Не сразу вернул долг и был озабочен окончательным расчетом, о чем писал А.М. Унковскому 20 декабря 1867: «1 февраля срок для уплаты денег Нат<алье> Серг<еевне>, и мне ужас как хотелось бы покончить с этим делом, потому что она, кажется, уже начинает беспокоиться» (18-1, с. 325). В декабре 1867 С. получил у Некрасова ссуду и сумел вернуть долг.

Литература

Соколова А. Встречи и знакомства // ИВ. – 1911. Т. 123. Январь; *Ржевская Н.* Личные воспоминания и всё слышанное. – Тула, 2010. – 117 с.

Никитин А.О. Гоголь и рязанцы // Рязанские ведомости. – 2009. 25 июля. – № 141–142. – С. 4.

Строганова Е.Н. К вопросу о тверском окружении М.Е. Салтыкова: Наталья Сергеевна Ржевская // Известия Саратовского ун-та. Серия «Филология. Журналистика». – 2015. Вып. 3. – С. 73–77.

ГАТО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 2770.

Е.Н. Строганова

Ржевский Дмитрий Семенович (21.11.1817, с. Власьево Зарайского у. Рязанской губ. – 1868, там же), чиновник Мин-ва иностранных дел; цензор Московского цензурного комитета (1850–54). Один из тех цензоров, кто «демонстрировал готовность рисковать своим хорошо оплачиваемым служебным положением ради поддержки литературы» [*Ботова О.О.* Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века (Формирование. Состав. Деятельность).

острым словом» (*Соколова*, с. 104). Автор более 17 романсов на стихи А.В. Кольцова, И.С. Никитина, Н.А. Некрасова и др. (нотные издания 1860–1880-х). Наибольшей популярностью пользовались романсы «Поймешь ли ты...», «Что ты, сердце, приуныло», «Не скажу я тебе...». В 1849 вышла замуж за Дмитрия Семеновича Ржевского, их дом был одним из культурных центров в Москве нач. 1850-х.

В 1854–60 Р. жила в Твери, куда был переведен ее муж. К этому времени относится знакомство с С., общение продолжилось в Рязани, где С. служил в 1867–68. В декабре 1861 он взял у Р. деньги в долг для покупки имения Витенево (18-1, с. 326), что говорит о доверительных отношениях между ними. Не сразу вернул долг и был озабочен окончательным расчетом, о чем писал А.М. Унковскому 20 декабря 1867: «1 февраля срок для уплаты денег Нат<алье> Серг<еевне>, и мне ужас как хотелось бы покончить с этим делом, потому что она, кажется, уже начинает беспокоиться» (18-1, с. 325). В декабре 1867 С. получил у Некрасова ссуду и сумел вернуть долг.

Литература

Соколова А. Встречи и знакомства // ИВ. – 1911. Т. 123. Январь; *Ржевская Н.* Личные воспоминания и всё слышанное. – Тула, 2010. – 117 с.

Никитин А.О. Гоголь и рязанцы // Рязанские ведомости. – 2009. 25 июля. – № 141–142. – С. 4.

Строганова Е.Н. К вопросу о тверском окружении М.Е. Салтыкова: Наталья Сергеевна Ржевская // Известия Саратовского ун-та. Серия «Филология. Журналистика». – 2015. Вып. 3. – С. 73–77.

ГАТО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 2770.

Е.Н. Строганова

Ржевский Дмитрий Семенович (21.11.1817, с. Власьево Зарайского у. Рязанской губ. – 1868, там же), чиновник Мин-ва иностранных дел; цензор Московского цензурного комитета (1850–54). Один из тех цензоров, кто «демонстрировал готовность рисковать своим хорошо оплачиваемым служебным положением ради поддержки литературы» [*Ботова О.О.* Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века (Формирование. Состав. Деятельность).

Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 2003, с. 28], о чем свидетельствуют многочисленные нарекания [Стасов, 1903, с. 686; Летопись, 2006, с. 385; Барсуков, 1899, с. 216, 218]. Один из таких эпизодов привел к отставке и перемещению Р. в 1854 на должность директора народных училищ Тверской губернии [ГАТО, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 2512, л. 10]. По словам А.М. Унковского, «лучший человек того времени в Твери» [Джанишев, 1894, 139]. Выйдя в отставку в 1860, Р. вернулся в свое поместье, был избран мировым посредником в Зарайском у. и последовательно отстаивал интересы крестьян. Поддержал крестьян в их земельной тяжбе с Д.А. Толстым, что не прошло ему даром: в 1863 был отдан под надзор полиции. Эта история стала причиной причисления Р. к революционерам [Деятели, 1928, стб. 349], хотя к революционной деятельности он никогда причастен не был.

Знакомство С. с Р. устанавливается по косвенным источникам. Вероятно, оно произошло через общего их знакомого Унковского, когда С. приезжал в Тверь в 1858 и 1859 [М.Е. Салтыков и Тверской край, 2009, с. 279, 280]. По всей видимости, общение продолжились впоследствии, в пору второго рязанского вице-губернаторства С., однако имя Р. в его текстах не фигурирует.

Литература

Соколова А. Встречи и знакомства // ИВ. – 1911. Т. 123. Январь; Ржевская Н. Личные воспоминания и всё слышанное. – Тула, 2010. – 117 с.

Джанишев Гр. А.М. Унковский и освобождение крестьян. Историко-биографические справки. – М., 1894; Барсуков Николай. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. – СПб., 1899. Кн. 13; Стасов В.В. Цензура в царствование императора Николая I // РС. – 1903. Декабрь; Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: В 3 т. Т. 1: 1821–1855 / Отв. ред. Б.В. Мельгунов. – СПб., 2006; М.Е. Салтыков и Тверской край. Материалы к летописи / Сост. Е.Н. Строганова // Щедринский сборник. Вып. 3 / Науч. ред. Е.Н. Строганова. – Тверь, 2009; Строганова Е.Н. Московский цензор Д. С. Ржевский: Штрихи к портрету // Культура и текст: Научный сетевой журнал. – 2014. – № 1 (16). – С. 101–118.

Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. I. Ч. II. Шестидесятые годы / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. – М., 1928.

ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512; ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2633; ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2932.

Е.Н. Строганова

Скотт Вальтер (Sir Walter Scott; 15.08.1771, Эдинбург – 21.09.1832, Эбботсфорд) – шотландский поэт и романист, писавший по-английски, создатель современного исторического романа. Личность С. – продукт шотландского Просвещения; он получил юридическое образование в Эдинбургском университете, большую часть жизни занимал пост секретаря Верховного суда Шотландии, полагал унию между Англией и Шотландией важнейшим благом событием в шотландской истории и работал на сближение двух наций. В политике – умеренный консерватор. Литературную карьеру начал с переводов поэзии с европейских языков и публикации памятников шотландского фольклора. До 1812 разрабатывал жанр антикварной поэмы и был популярнейшим в Англии поэтом, но с приходом Байрона переключился на прозу и с 1814 по 1831 опубликовал 27 исторических романов, в которых впервые воплотил либерально-прогрессистскую концепцию истории и современную категорию историзма. Лучшие романы созданы на темы из шотландской и английской истории («Пуритане», 1816; «Эдинбургская темница», 1818; «Роб Рой», 1818; «Айвенго», 1819). Автор многочисленных популярных исторических сочинений, тонкий и доброжелательный рецензент. При жизни пользовался исключительной славой. Пушкинское прозвище «шотландский чародей» схватывает суть впечатления, которое романы С. производили на современников: его манера воскрешения прошлого казалась современникам чудом и вызвала волну подражаний. В каждой национальной литературе создавались «вальтерскоттовские романы», а реалисты XIX в. применили открытую С. жанровую формулу к современной тематике. В России знакомство с творчеством С. началось с инсценировки «Айвенго» в 1821, с 1823 один за другим выходили в свет переводы

Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. I. Ч. II. Шестидесятые годы / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. – М., 1928.

ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512; ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2633; ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2932.

Е.Н. Строганова

Скотт Вальтер (Sir Walter Scott; 15.08.1771, Эдинбург – 21.09.1832, Эбботсфорд) – шотландский поэт и романист, писавший по-английски, создатель современного исторического романа. Личность С. – продукт шотландского Просвещения; он получил юридическое образование в Эдинбургском университете, большую часть жизни занимал пост секретаря Верховного суда Шотландии, полагал унию между Англией и Шотландией важнейшим благом событием в шотландской истории и работал на сближение двух наций. В политике – умеренный консерватор. Литературную карьеру начал с переводов поэзии с европейских языков и публикации памятников шотландского фольклора. До 1812 разрабатывал жанр антикварной поэмы и был популярнейшим в Англии поэтом, но с приходом Байрона переключился на прозу и с 1814 по 1831 опубликовал 27 исторических романов, в которых впервые воплотил либерально-прогрессистскую концепцию истории и современную категорию историзма. Лучшие романы созданы на темы из шотландской и английской истории («Пуритане», 1816; «Эдинбургская темница», 1818; «Роб Рой», 1818; «Айвенго», 1819). Автор многочисленных популярных исторических сочинений, тонкий и доброжелательный рецензент. При жизни пользовался исключительной славой. Пушкинское прозвище «шотландский чародей» схватывает суть впечатления, которое романы С. производили на современников: его манера воскрешения прошлого казалась современникам чудом и вызвала волну подражаний. В каждой национальной литературе создавались «вальтерскоттовские романы», а реалисты XIX в. применили открытую С. жанровую формулу к современной тематике. В России знакомство с творчеством С. началось с инсценировки «Айвенго» в 1821, с 1823 один за другим выходили в свет переводы

романов; на сюжеты поэм и романов С. создавались многочисленные живописные и музыкальные произведения.

В России ко второй пол. XIX в. С. утратил былую актуальность и стал частью массовой культуры. С. только дважды упоминает о нем. Косвенно – в рецензии «Петербургские театры (“Слово и дело” Ф. Устрялова)» (1863), где во вставном письме «благонамеренного» провинциала сатирически изображается реакция «охранительно» настроенного обывателя на рецензию молодежной аудиторией оперы «Карл Смелый» (название на петербургской сцене оперы Дж. Россини «Вильгельм Телль», 1829). Образцом для этого персонажа служат музыкальные впечатления 1844–46: «...я вспомнил <...> горячие споры об искусстве, вспомнил теплые слезы, которые мы проливали <...> слушая потрясающее “maledetto!” (*um.* проклятый!), которым в Люции оглашал своды Большого театра великий Рубини...» (5, с. 181). Речь идет об опере «Люция де Ламмермур» (1835) композитора Г. Доницетти по сюжету романа С. «Ламмермурская невеста» («The Bride of Lammermoor», 1819). Эта реплика персонажа отражает популярность сюжетов из С. в культуре первой пол. XIX в.

В романе «Современная идиллия» (1877–83) С. упоминается в характеристике дочери князя Рукосуй-Пошехонского, княжны Варвары, «которую он как-то забыл выдать замуж» (15-1, с. 248). Она на женский лад воплощает патриархальную опеку крепостных, которую ее отец исповедует в хозяйственной политике: «...была необычайно добра к крестьянкам и дворовым девушкам <...> старалась поступать так, как по свидетельству ее любимца, Вальтера Скотта, поступали на дальнем западе владельницы замков: помогала, лечила, кормила бульоном, воспринимала от купели новорожденных, дарила детям рубашонки и т.п.» (15-1, с. 249). Единственный персонаж в творчестве С., отчасти подходящий под это описание, – сострадательная Ревекка («Айвенго»), дочь еврея Исаака из Йорка, которую ни богатство отца, ни собственное душевное благородство не могут уравнивать в правах с дамами норманского или англосаксонского происхождения. «Владельницы замков» в этом контексте – обобщенная аллюзия не столько к С., сколько к штампам исторического романа.

Литература

Дайчес Д. Сэр Вальтер Скотт и его мир. – М., 1987. – 175 с.;
Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. – М., 1965. – 500 с.

И.В. Кабанова

Филиппов Третий Иванович (24.12.1825, Ржев – 30.11.1899, Петербург), литератор, чиновник. Окончил Тверскую мужскую классическую гимназию (1843), историко-филологический факультет Московского университета (1848) со степенью кандидата. Начал службу старшим учителем русской словесности в 1-й Московской гимназии, входил в «молодую редакцию» журнала Москв. (1850–54), где печатал критические статьи (с 1852), был редактором РБес (1856). С 1857 чиновник особых поручений при обер-прокуроре святейшего Синода, помощник управляющего (1864), управляющий временною ревизионною комиссиею при министерстве финансов (1871), товарищ государственного контролера (1878), государственный контролер (1889). Занимал консервативную позицию в вопросах реформы школы: «Записка о народных училищах» (сост. 1862, опубл. 1882), «О преподавании церковно-славянского языка в средних учебных заведениях» (1887). Участвовал в газете «Гражданин» под редакцией Ф.М. Достоевского со статьями, посвященными научно-исторической трактовки старообрядчества (1873–74). Организатор песенной комиссии при Русского географического общества (1884), Почетный член Императорской Академии наук (1893), Императорского РГО (1895).

Время знакомства С. с Ф. неизвестно, между тем оба они – Ф. с 1850-х, С. с 1860-х – общались с А.Н. Островским. Как литератор-публицист Ф. входит в сознание С. после его возвращения из ссылки. В статье «Стихотворения Кольцова» (1856). С. критически оценил статью Ф. о комедии Островского «Не так живи, как хочется» (РБес, 1856, № 1) за идеализацию «народной жизни» в духе славянофильства «молодой редакции» Москв., в которой «нет (читай: *не должно быть*) ни диссонансов, ни фальшивых звуков» (5, с. 15). В письме к неизвестному (П.И. Танееву?) от 9.04.1869 из Петербурга упоминается некий «Филиппов» (18-2, с. 17), но мнение комментаторов, что это Ф., неосновательно.

Литература

Дайчес Д. Сэр Вальтер Скотт и его мир. – М., 1987. – 175 с.;
Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. – М., 1965. – 500 с.

И.В. Кабанова

Филиппов Третий Иванович (24.12.1825, Ржев – 30.11.1899, Петербург), литератор, чиновник. Окончил Тверскую мужскую классическую гимназию (1843), историко-филологический факультет Московского университета (1848) со степенью кандидата. Начал службу старшим учителем русской словесности в 1-й Московской гимназии, входил в «молодую редакцию» журнала Москв. (1850–54), где печатал критические статьи (с 1852), был редактором РБес (1856). С 1857 чиновник особых поручений при обер-прокуроре святейшего Синода, помощник управляющего (1864), управляющий временною ревизионною комиссиею при министерстве финансов (1871), товарищ государственного контролера (1878), государственный контролер (1889). Занимал консервативную позицию в вопросах реформы школы: «Записка о народных училищах» (сост. 1862, опубл. 1882), «О преподавании церковно-славянского языка в средних учебных заведениях» (1887). Участвовал в газете «Гражданин» под редакцией Ф.М. Достоевского со статьями, посвященными научно-исторической трактовки старообрядчества (1873–74). Организатор песенной комиссии при Русского географического общества (1884), Почетный член Императорской Академии наук (1893), Императорского РГО (1895).

Время знакомства С. с Ф. неизвестно, между тем оба они – Ф. с 1850-х, С. с 1860-х – общались с А.Н. Островским. Как литератор-публицист Ф. входит в сознание С. после его возвращения из ссылки. В статье «Стихотворения Кольцова» (1856). С. критически оценил статью Ф. о комедии Островского «Не так живи, как хочется» (РБес, 1856, № 1) за идеализацию «народной жизни» в духе славянофильства «молодой редакции» Москв., в которой «нет (читай: *не должно быть*) ни диссонансов, ни фальшивых звуков» (5, с. 15). В письме к неизвестному (П.И. Танееву?) от 9.04.1869 из Петербурга упоминается некий «Филиппов» (18-2, с. 17), но мнение комментаторов, что это Ф., неосновательно.

Все упоминания С. о Ф. в к. 1870-х – 1880-х относятся к числу эпистолярных сатирических миниатюр, включенных в его «мушкетерские» письма. Таково письмо к И.В. Павлову по поводу назначения Ф. на должность товарища государственного контролера: «Сидим мы с Унковским и удивляемся: как это ты так нерасторопен, братец! Третий вот уж с месяц как назначен, а ты и до сих пор с поздравлением не бывал! В прошлый сезон мы с ним в сибирку игравали, а нынче думаем: вот кабы Павлов приехал, он бы к нему съездил, а от него к нам, – всё бы хоть частицу аромата с собой принес. Он говорит, что это второй пример: Ломоносов и он. Он еще хуже, ибо незаконнорожденный <...>» (27 ноября 1878. – 19-1, с. 89–90). Указание на незаконнорожденность отражает слухи о Ф., который считался приемным сыном, очевидно, потому, что его мать принадлежала к старообрядческой семье и ее брак с православным не мог быть освящен в церкви (*Алексеева*, 2008, с. 18-19). Другие анекдоты С. о Ф. см.: письма к И.С. Тургеневу (6 марта 1882. – 19-2, с. 100); А.Л. Боровиковскому (31 января 1883. – 19-2, с. 183); В.М. Соболевскому (13 апреля 1887. – 20, с. 329); сказка «Архиерейский насморк» (1880; 19-2, с. 320).

Высказывалось предположение, что сатирические суждения С. о Ф., в частности упоминание о его незаконнорожденности, вызваны дворянским пренебрежением к выходцам из низших сословий (*Алексеева*, 2008, с. 8-9). Однако это вряд ли справедливо, т. к. противоречит принципиальному демократизму С. Более убедительно мнение, что большинство персонажей эпистолярных сатирических миниатюр С. наделены определенными признаками, которые были известны его ближайшему окружению (*Строганова*, 2013, с. 29). Как следует из писем С., Ф. входил в число картежных партнеров «мушкетерской компании» С.

Литература

Алексеева С.И. «Ржевский мещанин во дворянстве»: История семьи Третья Ивановича Филиппова (по данным отечественных архивов) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2008. Вып. II: 2 (27). – С. 7-27; *Строганова Е.Н.* «Мушкетерские» письма М.Е. Салтыкова // М.Е. Салтыков-

Щедрин: pro et contra, антология: Книга первая / Сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб., 2013. – С. 28-52.

М.В. Строганов

Хвощинская Надежда Дмитриевна, в зам. Зайончковская (20 мая 1820/1821, Пронский у. Рязанской губ.? – 8 июня 1889, Петергоф), прозаик, поэтесса, критик, переводчица (псевдонимы: *В. Крестовский*, *В. Крестовский-псевдоним*, *В. Поречников*, *Н. Х.*, *В. К.*, *Н.*, *Н.Д.* и др.). Печаталась в ЛГ, Илл., ОЗ (с 1850), БдЧ, РВед. и др. Автор одиннадцати романов, множества повестей и рассказов. Своим «Учителем» считала В.Г. Белинского и в программных высказываниях утверждала необходимость социально действенной литературы. В произведениях 1850–1860-х изображала жизнь провинциального дворянского общества, подчеркивая низменность его интересов, подчинение диктату условностей, жертвой которых оказывался центральный персонаж, чаще всего – героиня. В произведениях Х. 1870-х – нач. 1880-х усиливается протест против обывательского равнодушия к серьезным общественным вопросам и появляются герои, не замыкающиеся в кругу личных переживаний, способные к социально значимым поступкам. Современники ценили в творчестве Х. глубину психологического анализа, мастерское ведение интриги, страстность интонаций, определенность авторской позиции и признавали ее самой выдающейся русской писательницей.

Личному общению С. с Х. предшествовало знакомство с ее творчеством. В 1864 он писал о ней как об «очень даровитой» писательнице, которая остается «на почве психологических тонкостей», и потому получила «лишь почетную известность» (5, с. 441). Последующие отзывы С. имеют в основном приватный характер и различаются по тону и настроению, но его мнение о Х. как о талантливой писательнице не менялось.

Отношение Х. к творчеству С. эволюционировало. В его произведениях 1860-х она видела лишь утрировку реальной действительности: «Щедрин еще раз вынесет сор из своего города Глупова...» (*Поречников В.*, с. 164). Тяготая к жизнеподобному изображению, Х. отвергала ярко сатирические и гротесковые формы. Она не приняла «Историю одного города», согласившись с А.С.

Щедрин: pro et contra, антология: Книга первая / Сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб., 2013. – С. 28-52.

М.В. Строганов

Хвощинская Надежда Дмитриевна, в зам. Зайончковская (20 мая 1820/1821, Пронский у. Рязанской губ.? – 8 июня 1889, Петергоф), прозаик, поэтесса, критик, переводчица (псевдонимы: *В. Крестовский*, *В. Крестовский-псевдоним*, *В. Поречников*, *Н. Х.*, *В. К.*, *Н.*, *Н.Д.* и др.). Печаталась в ЛГ, Илл., ОЗ (с 1850), БдЧ, РВед. и др. Автор одиннадцати романов, множества повестей и рассказов. Своим «Учителем» считала В.Г. Белинского и в программных высказываниях утверждала необходимость социально действенной литературы. В произведениях 1850–1860-х изображала жизнь провинциального дворянского общества, подчеркивая низменность его интересов, подчинение диктату условностей, жертвой которых оказывался центральный персонаж, чаще всего – героиня. В произведениях Х. 1870-х – нач. 1880-х усиливается протест против обывательского равнодушия к серьезным общественным вопросам и появляются герои, не замыкающиеся в кругу личных переживаний, способные к социально значимым поступкам. Современники ценили в творчестве Х. глубину психологического анализа, мастерское ведение интриги, страстность интонаций, определенность авторской позиции и признавали ее самой выдающейся русской писательницей.

Личному общению С. с Х. предшествовало знакомство с ее творчеством. В 1864 он писал о ней как об «очень даровитой» писательнице, которая остается «на почве психологических тонкостей», и потому получила «лишь почетную известность» (5, с. 441). Последующие отзывы С. имеют в основном приватный характер и различаются по тону и настроению, но его мнение о Х. как о талантливой писательнице не менялось.

Отношение Х. к творчеству С. эволюционировало. В его произведениях 1860-х она видела лишь утрировку реальной действительности: «Щедрин еще раз вынесет сор из своего города Глупова...» (*Поречников В.*, с. 164). Тяготя к жизнеподобному изображению, Х. отвергала ярко сатирические и гротесковые формы. Она не приняла «Историю одного города», согласившись с А.С.

Сувориным, который увидел в романе «историческую сатиру»: «...автор будто подслушал мое мнение» (РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, д. 852, л. 96).

В 1870–80-е Х. публично и приватно признавала ведущее значение С., считая его единственным в современной русской литературе автором «образцовых сочинений»: «...отвечает на наши горькие вопросы, утешает, укоряя, будит наш смысл и делит наше страдание» (Н., с. 1). В письме от 8 октября 1876 благодарила его за «несравненные вещи»: «...особенно этот “Семейный суд”, этот классический образец для изучения, – эту прелесть “Культурные люди”, которую мы читали кружком самых близких друзей, хохотали до крика и благодарили Вас как честного человека. Вы счастливец. Вы делаете Ваше дело, как никто: всякое Ваше слово – гражданская заслуга и *chef d’œuvre* искусства» (цит. по: 19-1, с. 25). В одной из статей она писала о «своеобразной речи» С., «его веселости, доводящей до ужаса», «его красноречии, доходящем до высокого» (В. К., с. 2). В литературно-критических циклах 1870-х («Литературные беседы», 1877–79 и «Мемуары одного читателя», 1880) Х. наследовала щедринский прием диалогизации повествования.

Знакомство писателей состоялось уже в первый рязанский период С. (апрель 1858 – апрель 1860). Не существует достоверной информации о характере общения, тем не менее бытует версия об их «дружеской привязанности» (Дризен, с. 613; Макашин, 1972, с. 2480249). Более соответствует истине предположение, что Х. «бывала в доме С., но с самим Михаилом Евграфовичем в это время сблизилась мало» (Семевский, Х, с. 75). О поверхностном знакомстве свидетельствует и тон литературно-критических высказываний Х. нач. 1860-х, и ее эпистолярный, где имя С. не упоминается. Сведения о рязанском круге общения С. в этот период также не содержат упоминаний о Х. (Макашин, 1984, с. 540).

Когда С. оказался в Рязани во второй раз (ноябрь 1867 – июнь 1868), основанием для контактов стали журнальные дела. При посредничестве С. Н.А. Некрасов передал Х. предложение о сотрудничестве с новой редакцией ОЗ. 3 января 1868 она писала А.А. Краевскому: «Вчера получила письмо от Некрасова, а сегодня утром был у меня С. (он опять переселился в Рязань) с поручением выразить

на словах то, что мне сказано в письме» (цит. по: *Евгеньев-Максимов*, с. 288). В этот период возникает и бытовое общение, возможно, через общих знакомых Офросимовых (19-1, с. 25). Спрашивая мнение знакомой о своей новой повести, Х. упоминала выражение С.: «...нашла ли меня там прежнюю, или это (если понравилось) понравилось потому что *мое* и “давно меня не видали”, – как выразил бы по этому случаю Салтыков?» (О.А. Новиковой, 11–13 мая 1868. – РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, д. 851, л. 262). Х., вероятно, входила в кружок рязанцев, где С. читал третий очерк из «Писем о провинции» (18-1, с. 336–337); она высоко оценивала этот цикл: «Это хорошие и *честные* вещи» («Я живу от почты до почты...», с. 198 – показательно, что приятельница заподозрила в авторстве саму Х.). Однако после отъезда С. в Пб., где он вошел в редакцию ОЗ, Хвощинская продолжала апеллировать к прежнему редактору Краевскому: «Я не получаю *От.<чественных> записок* – забывчивость это или нежелание новой редакции, я не знаю, потому что никому не пишу из них...» (24 февраля 1869. – «Я живу от почты до почты...», с. 52). Даже адресуясь к С. со словами читательской признательности в 1876, Х. писала: «Едва знакомая Вам, я смею Вас просить – не впадайте в апатию, не скучайте Вашим делом; подумайте только: если не *Вы*, кому ж его делать...» (цит. по: 19-1, с. 25).

Дружеские отношения складывались в ходе сближения Х. с редакцией ОЗ, но процесс этот не был гладким. В 1872 ОЗ поместили статью А.М. Скабичевского «Волны русского прогресса», которая обидела Х., и она прекратила участие в журнале: «Тут дело не в авторском самолюбии, но их статья <...> задела меня за живое, как человека. Этого я не заслужила, и покаяться им весьма не мешает» (Краевскому, 18 марта 1874. – «Я живу от почты до почты...», с. 56). 30 апреля 1874, отвечая С. на приглашение редакции к дальнейшему сотрудничеству, она использовала в письме этикетные формулы: «Милостивый сударь», «Прошу Вас принять уверения в моем искреннем уважении» (ЛН, т. 51–52, с. 289).

Наибольшей приязни отношения С. и Х. достигли в конце 1870-х – 1880-е. Х. высоко ценила редакторский талант С.: «...о, что за редактор!» (цит. по: *Семевский*, XII, с. 127–128). В ряде писем 1876–80-го (известно 6 писем) С. настойчиво просил ее о присылке материалов

и информировал о цензурных затруднениях: «Для журнала нашего особенно дороги Ваши произведения, так как в них публика всегда найдет для себя отличное и здоровое чтение» (19-1, с. 25), «Ради Бога, пришлите что-нибудь к 20 августа... Крайне нуждаемся в Вашей помощи... Пожалуйста. Пришлите что-нибудь, – чем больше, тем лучше» (19-1, с. 104) и под. В письмах к другим адресатам (Некрасову, Г.З. Елисееву, Н.К. Михайловскому) он упоминал о Х. чаще всего в сетованиях на нехватку материалов. С. импонировали манера писательницы и пафос ее произведений, но он критически оценивал отсутствие динамики в ее творчестве: «...очень хорошая писательница, хотя с давних пор пишет одну и ту же повесть» (М.М. Стасюлевичу, 6 января 1885. – 20, с. 119; также: 18-2, с. 256). Х. пользовалась кредитом ОЗ, нередко затягивая с присылкой материалов, чем С. бывал недоволен: «С Хвошинской – слабо. Два года должна в Отеч.<естественные> зап.<иски> 1250 р. и, кажется, положила не зарабатывать» (Михайловскому, 11 августа 1882. – 19-1, с. 132). Но незадолго перед закрытием журнала Х. сумела рассчитаться: «...счастливым случаем расквиталась за два месяца до их конца, будто по предчувствию» (цит. по: *Семевский*, XII, с. 140). После закрытия ОЗ С. по собственной инициативе выступил посредником между Х. и Стасюлевичем, адресуя ее в ВЕ.

В новых ОЗ были опубликованы повести и рассказы Х. «Два памятные дня» (1868, кн. 4), «Первая борьба» (1869, кн. 8–9 – по инициативе С. впервые подписана *В. Крестовский-псевдоним*), «Счастливые люди» (1874, кн. 4), «На вечере» (1876, кн. 1), «Из записной книжки» (1877, кн. 1), «Между друзьями» (1877, кн. 10), «Свидание» (1879, кн. 2), «Семья и школа» (1880, кн. 4) «После потопа» (1881, кн. 1), незавершенный роман «Былое» (1878, кн. 2).

Авторское поведение С. было образцовым для Х.: «...я думаю, как “переживу свое значение”: оно уж пережито. Посмотри, кто не рисуется, тот говорит это прямо: Салтыков. “Слишком давно живу!” Чудесные слова» (26 апреля 1889. – цит. по: *Семевский*, XII, с. 131). По словам мемуариста, Х. «чрезвычайно любила» С. не только как писателя, но и как человека: «Она любила его прямо, резкость, пугавшую других его неустрашимость и, конечно, блестящее остроумие, любила его семью, в которой дружески была принята <...>

С. относился к ней как к доброму, уважаемому товарищу и другу и журил ее за то, что она мало писала» (*Горленко*, с. 661). О близком знакомстве Х. с семьей вспоминал сын писателя, писавший о ней как об «искреннем друге» С.: «Эта добрейшая старушка, можно сказать, боготворила отца и вместе с тем очень баловала нас, детей, принося нам сласти и рассказывая преинтересные сказки <...> пережила немногим моего отца <...> причем умерла в совершенной нищете. Болезнь ног не позволяла ей ходить, и ей не на что было приобрести колясочку, на которой ее могли бы перевозить с места на место. Узнав про это, покойная мать моя поручила мне повезти ей ту колясочку, на которой прежде возили моего отца. Я исполнил поручение и был свидетелем радости больной, когда она узнала, кто раньше пользовался колясочкой» (*Салтыков*, с. 125-126).

Критики сопоставляли творчество писателей, порой отдавая предпочтение Х. (*Дудышкин*, с. 102-104), но чаще рассматривали их как литераторов-единомышленников одного ранга (*Протопопов*, с. 2; *Гиппиус*, с. 311).

Литература

Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. VII. Князь Серебряный, исторический роман гр. Толстого / Н.Д. Хвоцинская // ОЗ. – 1863. – № 2; *В.К.* Литературные беседы. II / Н.Д. Хвоцинская // РВед. – 1877. – № 248; *Н.* Мемуары одного читателя. III / Н.Д. Хвоцинская // РВед. – 1880. – № 307; «Я живу от почты до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвоцинской / Сост. Арья Розенхольм и Хильде Хогенбом. – Fichtenwalde: Gopfert, 2001.

Горленко В. Крестовский-псевдоним // РА. 1897. Кн. 1; *Дризен Н.В.* М.Е. Салтыков в Рязани (1858–1860; 1867–1868) // ИВ. – 1900. – № 2; *Салтыков К.М.* Интимный Щедрин / Публ. М.В. Строганова // Щедринский сборник. Статьи. Публикации. Библиография. – Тверь, 2001.

Н.Н. Романы и повести В. Крестовского. Шесть томов. СПб., 1859 / С.С. Дудышкин // ОЗ. – 1859. – Июнь; *Протопопов. М.А.* Герой нашего времени // РБ. – 1880. – № 3; *Гиппиус Вл.В.* Женский вызов [1913–1914] / Публ. Е.Н. Строгановой // Женский вызов: Русские писательницы XIX – начала XX века. – Тверь, 2006.

Семевский В. Н.Д. Хвощинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // РМ. – 1890. – Октябрь; Декабрь; Евгеньев-Максимов В. Письма к Некрасову: Н.Д. Зайончковская // ЛН. – Т. 51-52. Некрасов. П. – М., 1949; Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов: Биография. М., 1972; Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е – 1870-е годы: Биография. – М., 1984; Чечнева А.В. Соратница великих. Рязань, 2003; Строганова Е.Н. М.Е. Салтыков и Н.Д. Хвощинская: факты и интерпретации // Щедринский сборник. Вып. 3. – Тверь, 2009.

Е.Н. Строганова

Шир-Али хан (Шер Али хан, 1825 – 21.02.1879) – эмир Афганистана в 1868–1878, один из младших сыновей афганского эмира Дост-Мухаммад-хана из династии Баракзаев. По смерти отца летом 1863 был провозглашен новым эмиром Афганистана с согласия братьев, однако некоторые из них вскоре подняли против него мятеж. В мае 1866 один из братьев Ш. занял Кабул и провозгласил себя эмиром. Афганистан распался на два ханства, признанных Великобританией, поощрявшей афганскую междоусобицу. В ноябре 1868 Ш. воссоединил Афганистан под своей властью и поддерживал дружественные отношения с англичанами. Ш. проводил реформы по преодолению отсталости Афганистана и укреплению централизованной власти; его правление рассматривается как начало модернизации страны. Интересовался европейскими державами и Россией, положительным примером считал Петра I.

В 1870-х Англия ввиду укрепления России в Средней Азии вновь стала разрабатывать планы завоевания Афганистана, в свою очередь Россия усилила дипломатическое взаимодействие с Ш. и добилась его переориентации на себя. Весной 1878 Ш. с почетом принял в Кабуле русск. дипломатическую миссию, но отказался принять британскую. В ноябре 1878 вторжением британских войск в Афганистан началась вторая англо-афганская война (1878–81). Против Ш. возник заговор с целью передать престол его сыну Якубу и под его началом вернуться под английское влияние. В декабре 1878 Ш. и русская миссия, оставив в Кабуле регентом Якуба, выехали на север, ближе к русск. владениям, в Мазари-Шариф. Согласно планам России

Семевский В. Н.Д. Хвощинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // РМ. – 1890. – Октябрь; Декабрь; Евгеньев-Максимов В. Письма к Некрасову: Н.Д. Зайончковская // ЛН. – Т. 51-52. Некрасов. П. – М., 1949; Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов: Биография. М., 1972; Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е – 1870-е годы: Биография. – М., 1984; Чечнева А.В. Соратница великих. Рязань, 2003; Строганова Е.Н. М.Е. Салтыков и Н.Д. Хвощинская: факты и интерпретации // Щедринский сборник. Вып. 3. – Тверь, 2009.

Е.Н. Строганова

Шир-Али хан (Шер Али хан, 1825 – 21.02.1879) – эмир Афганистана в 1868–1878, один из младших сыновей афганского эмира Дост-Мухаммад-хана из династии Баракзаев. По смерти отца летом 1863 был провозглашен новым эмиром Афганистана с согласия братьев, однако некоторые из них вскоре подняли против него мятеж. В мае 1866 один из братьев Ш. занял Кабул и провозгласил себя эмиром. Афганистан распался на два ханства, признанных Великобританией, поощрявшей афганскую междоусобицу. В ноябре 1868 Ш. воссоединил Афганистан под своей властью и поддерживал дружественные отношения с англичанами. Ш. проводил реформы по преодолению отсталости Афганистана и укреплению централизованной власти; его правление рассматривается как начало модернизации страны. Интересовался европейскими державами и Россией, положительным примером считал Петра I.

В 1870-х Англия ввиду укрепления России в Средней Азии вновь стала разрабатывать планы завоевания Афганистана, в свою очередь Россия усилила дипломатическое взаимодействие с Ш. и добилась его переориентации на себя. Весной 1878 Ш. с почетом принял в Кабуле русск. дипломатическую миссию, но отказался принять британскую. В ноябре 1878 вторжением британских войск в Афганистан началась вторая англо-афганская война (1878–81). Против Ш. возник заговор с целью передать престол его сыну Якубу и под его началом вернуться под английское влияние. В декабре 1878 Ш. и русская миссия, оставив в Кабуле регентом Якуба, выехали на север, ближе к русск. владениям, в Мазари-Шариф. Согласно планам России

и Ш. он должен был прибыть в Петербург, чтобы созвать международный конгресс по афганскому вопросу. Однако Ш. заболел и скончался в Мазари-Шарифе, после чего русская миссия покинула Афганистан. Преемником Ш. стал Якуб. В нач. 1879 англичане заняли Джалалабад и Кандагар, и Якуб готовил мир с ними на основе их требований.

Ш. и афганские дела пользовались существенным вниманием в российской прессе, что было связано со среднеазиатской экспансией России и ролью Афганистана в так называемой «Большой игре» – англо-русском соперничестве в Азии (XIX в. – 1907), а также с ролью Ш. как преобразователя отсталой страны, напоминавшей о внутренней русской проблематике. С. следил за афганскими и среднеазиатскими событиями, но считал внимание русской прессы к Ш. и афганской тематике образцом отвлечения на бесполезные публикации и уходом от обсуждения действительно важных для России проблем. В «Монрепо-усыпальнице» (1879) С. иронически писал: «Ничто так не увлекает, не втягивает человека, как мечтания <...> Всего здесь найдется: и величие России, и конституционное будущее Болгарии, и Якуб-хан, достопамятно шествующий по стопам Шир-Али, и, уже само собою разумеется, выигрыш в двести тысяч рублей. Что понравилось, то и выбирай. Ежели загорелось сердце величием России – займись; ежели величие России прискучило – переходи к болгарам или к Якуб-хану. Мечтай беспрепятственно, сочиняй целые передовые статьи – все равно ничего не будет» (13, с. 332).

Литература

История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Ганковский Ю.В. (ред.). – М., 1982. – 368 с.; *Kakar M.H. A Political And Diplomatic History of Afghanistan, 1863–1901.* – Leiden, 2006; *Barfield Th. Afghanistan: A Cultural and Political History.* – Princeton, 2010.

А.А. Немировский

Сведения об авторах

Белова Анна Валерьевна, доктор исторических наук, доцент Тверского государственного университета, belova_tver@rambler.ru.

Бузько Елена Александровна, кандидат филологических наук (Москва), bezborodovahelen@gmail.com.

Демидова Анна Сергеевна, студентка магистратуры Тверского государственного университета, nyanyta@mail.ru.

Добровольская Варвара Евгеньевна, кандидат филологических наук, ученый секретарь Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва), dobrovolska@inbox.ru.

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, ikabanova@gmail.com.

Книгин Игорь Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, igor.knigin2012@yandex.ru.

Маркелова Галина Владимировна, кандидат филологических наук (Тверь), gal.markelowa@yandex.ru.

Немировский Александр Аркадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, alexandre_029@yahoo.com.

Поведская Инна Николаевна, старший научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея, innapoved@mail.ru.

Строганов Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры (Москва), заведующий сектором координации научных программ Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва), mistro@rambler.ru.

Строганова Евгения Нахимовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры (Москва), enstroganova@yandex.ru.